

ISSN 0130-7045

В этом номере

«НОЧЬ
ПОСЛЕ...»

ПРОБЛЕМА
ВОЙНЫ
В РЕЛИГИЯХ
МИРА

ТАИНСТВЕННЫЙ
ДОКТОР

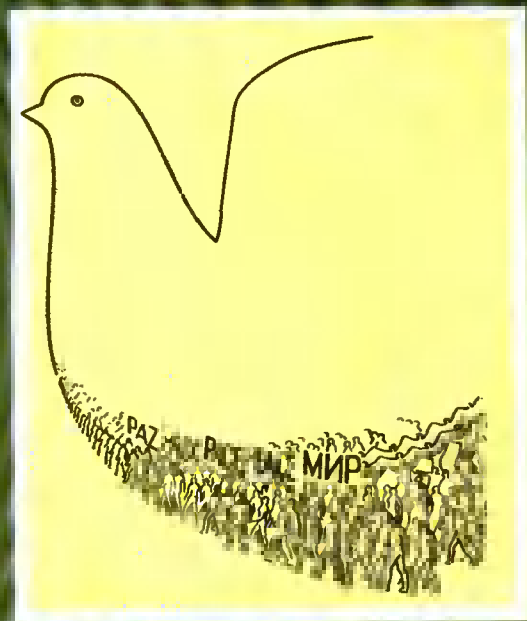
ХРАМ ЯСУКУНИ

ПСИХОАНАЛИТИКИ
ПРЕДОСТЕРЕГАЮТ

ДИАЛОГ
ЧЕРЕЗ ОКЕАН

ПОД ЗНАКОМ
«МЕРТВОЙ
ГОЛОВЫ»

НАУКА И РЕЛИГИЯ

6

1986

Пробитая каска
и цветы —
символ
нашей памяти
о погибших
солдатах.

БЫЛА ВОЙНА...

Памятник узникам,
погибшим
в застенках
IX форта —
концлагеря
в Каунасе.
Скульптор
А. Амбразюнас,
архитекторы
В. Виелюс,
Г. Баравикас.

Вдовы войны.
Они никогда
не забудут...

Фото ТАСС

Издается с сентября 1959 года

На первой странице обложки: плакат художника Виталия Горды «Встань с нами вместе».

На третьей странице обложки: плакат художников Л. Бельского, В. Потапова «Поиски взаимопонимания» (см. очерк «Через океан предрассудков»).

Главный редактор
В. Ф. ПРАВОТОРОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Ш. АЛИСКЕРОВ,
А. В. БЕЛОВ,
В. И. ГАРАДЖА,
М. М. ДАНИЛОВА,
И. И. ЖЕРНЕВСКАЯ
(ответственный секретарь),
А. С. ИВАНОВ,
Н. А. КОВАЛЬСКИЙ,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
С. И. НИКИШОВ,
М. П. НОВИКОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА,
В. Е. РОЖНОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. МВРТЕМЬЯНОВ.
Технический редактор
Ю. А. ВКУЛОВА.
Корректор
Г. Л. КОКОСОВА.
Ведущий номера
О. Т. БРУШЛИНСКАЯ.

РЕДАКЦИЯ:

И. Я. БАЛЛОД,
О. Т. БРУШЛИНСКАЯ,
М. М. ДАНИЛОВА,
Е. В. ДУБРОВСКИЙ,
В. Б. ЕВСЕЕВ,
В. В. ЗЫБКОВЕЦ,
С. М. ИВАНОВ,
Г. В. ИВАНОВА,
М. А. КОВАЛЬЧУК,
В. С. КОДЕСНИКОВА,
С. Л. КРАВЕЦ,
Т. Л. ЛЕГОСТАЕВА,
В. А. МАЗОХИН,
М. И. ПИСКУНОВА,
В. К. РОЗОВ,
А. А. РОМАНОВ,
В. Л. ХАРАЗОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

© Журнал
«Наука и религия», 1986.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-59.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ИЮНЬ 1986

6

Мы хотим, чтобы 1986 год стал не просто мирным годом, а позволил бы завершить XX столетие под знаком мира и ядерного разоружения.

...Слить воедино все усилия для достижения этой высокой цели — нет задачи более настоятельной, более благородной и гуманной.

Из Заявления Генерального секретаря
ЦК КПСС М. С. Горбачева
15 января 1986 года.

	А. Красиков	Слить воедино все усилия	2
УЧЕНЫЕ — ПРОТИВ ВОЙНЫ	Е. Велихов,		
	Ю. Израэль,		
	Г. Стенчиков,		
	Г. Голицын,		
	А. Гинзбург,		
	А. Баев,	Наша цивилизация должна стать	
	Н. Бочков	безъядерной	8
	Б. Раушенбах	Решать должны люди	12
ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ	Л. Митрохин	Христианство о войне и мире	14
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	А. Сагадеев	Джихад	18
	Р. Рыбаков	Их убивать не желаю...	21
	Г. Светлов	Ясукуни	24
	И. Крывелев	Мечи или орала?	27
ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ	К. Анисимов	Мой собеседник Иван Сергеевич	28
		В Центре по изучению обществен- ного мнения	29
ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО	Р. Подольный	Во имя веры?	30
	Ю. Рыхтэу	У порога вечной зимы	59
ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА	В. Познер,		
	М. Шевелев	Через океан предрассудков	32
	А. Адамович	Убить убийство	36
	Л. Иванова	Обманувший смерть	40
	С. Кайдаш	Мать Мария	42
ЗА РУБЕЖОМ	А. Шамаро	Утрени уже не было...	47
	Эрнст Генри	Недобрые сеятели	50
	Д. Мельников,		
	Л. Черная	Под знаком «мертвой головы»	52
	П. Гуревич	Ядерный страх	56

Анатолий КРАСИКОВ

Из Политического доклада
Центрального Комитета
КПСС XVII съезду Ком-
мунистической партии Совет-
ского Союза.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСТЕЙ XXVII СЪЕЗДА КПСС

Гэс ХОЛЛ
(Генеральный
секретарь
Коммунистической
партии Соеди-
ненных Штатов
Америки)

Ваши смелые инициа-
тивы и конкретные
предложения поло-
жили начало отте-
пели в «ядерный
ледниковый период».
Как говорится, тан-
го танцевать можно
лишь вдвоем. Пре-
кратить все
ядерные испытания
также можно лишь
совместными усили-
ями, как и сокра-
тить и ликвидиро-
вать ядерное ору-
жие на Земле.

Хорст ШМИТТ
(Председатель
Социалистической
единой партии
Западного
Берлина)

...Мы рассматриваем
предложения СССР
как применение к
условиям нашего
ядерного века ленин-
ского Декрета
о мире...

Карлос Э. МЕЛЬГАР
(заместитель
председателя
Перуанской
апристской
партии)

Не думаю, что при-
рода или бог ошиб-
лись, создав нас
людьми. Не для того
создан человек,
чтобы обречь его
на уничтожение.
Жизнь, данная нам
в муках наших ма-
терей, священна.
Свидетельство тому —
род человеческий
продолжается.

государство, которое впервые в истории призывало к действительному ограничению вооружений и разоружению. Пять лет спустя, в 1927 году, Советский Союз выступил с новым предложением — осуществить полное разоружение всех государств.

Противники разоружения расценили тогда эту позицию социалистической страны как признание в экономической отсталости, невозможности создать такой же военный потенциал, какой имеют ведущие капиталистические государства. Известно, однако, что СССР смог вооружиться достаточно, чтобы отразить фашистскую агрессию, которую обеспечивали оружием крупнейшие военные фирмы мира. Время показало и то, что наше стремление к полному разоружению — это позиция не конъюнктурная, а принципиальная, в ее основе лежит отношение марксизма к войнам между народами как делу варварскому и зверскому¹.

Человечество судит о решимости того или иного государства отстаивать мир не по декларациям и речам политических деятелей, а прежде всего по его практической политике. И если взвесить вклад первой в мире страны социализма в дело защиты народов от агрессий и войн, то можно со всей определенностью сказать, что благодаря ее практическим действиям ускорилось завершение первой мировой войны, что СССР сыграл решающую роль в разгроме фашизма, освобождении человечества от страшной угрозы духовного и физического порабощения. Практическими действиями широких масштабов, твердой миролюбивой позицией, подкрепленной достижениями в строительстве социализма, наша страна в решающей мере способствовала сохранению общего мира в течение четырех с лишним десятилетий после второй мировой войны.

В то же самое время силы империализма развязали беспрецедентную в истории гонку вооружений, масштабы которой достигли ныне губительных для человечества пределов. И в этой крайне обострившейся, предельно опасной для народов мира ситуации именно социализм выступает с реалистической программой освобождения человечества от угрозы всеобщего уничтожения. За послевоенный период Советский Союз внес более ста конкретных предложений, направленных на прекращение гонки вооружений.

После победы стран антигитлеровской коалиции на нашей планете возникли условия для широкого развертывания борьбы за сохранение мира. Мощным фактором, противостоящим всякого рода агрессорам, стал мировой лагерь социализма. Активно начал выступать против войны ряд несоциалистических государств. Окрепло и расширилось рабочее движение в капиталистических странах. Обрело большую силу зародившееся сразу после второй мировой войны движение сторонников мира.

Анализируя все эти изменения в мире, наша партия уже в документах XX съезда КПСС сделала исторической значимости вывод: «...Фатальной неизбежности войн нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются ее начать, — дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы. Для этого надо, чтобы все силы, выступающие против войны, были бдительными и мобилизованными, чтобы они действовали единым фронтом и не ослабляли своей борьбы за сохранение и упрочение мира»².

Этот вывод был одобрен международными Совещаниями представителей коммунистических и рабочих партий в 1957, 1960 и 1969 годах, а также Конференцией коммунистических и рабочих партий

Европы в 1976 году. Тезис о мирном сосуществовании и необходимости всеобщего и полного разоружения вошел в новую Конституцию СССР (1977 г.). Руководствуясь этими положениями партии, советские представители внесли весомый конструктивный вклад в работу Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975), в деятельность ООН, других международных организаций.

Последовательность нашей страны в вопросе о предотвращении войны отразилась в документах XXIV съезда КПСС, где была принята Программа мира; XXV съезда нашей партии, выдвинувшего

● Перед зданием Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

Фото из «Курьера ЮНЕСКО»

Программу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов; XXVI съезда КПСС.

В новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXVII партийным съездом, говорится, что международная политика КПСС вытекает из гуманной природы социалистического общества, свободного от эксплуатации и угнетения, не имеющего классов и социальных групп, заинтересованных в развязывании войн. Она неразрывно связана с коренными, стратегическими задачами партии внутри страны и выражает единое стремление советского народа — заниматься созидательным трудом, жить в мире со всеми народами. «Мир без войн, без оружия — идеал социализма», — еще раз заявили коммунисты нашей страны в своем программном документе³.

Таково марксистское понимание проблем войны и мира, такова международная практика КПСС, Советского государства. А каково отражение этих

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.

² XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 2. М., 1956, с. 414.

³ «Правда», 1986, 7 мар.

ОСНОВЫ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сегодня как никогда важно найти пути более тесного и продуктивного сотрудничества с правительствами, партиями, общественными организациями и движениями, которые действительно озабочены судьбами мира на Земле, со всеми народами ради создания всеобъемлющей системы международной безопасности.

Принципиальные Основы такой системы представляются следующим образом:

1. В военной области — отказ ядерных держав от войны друг против друга или против третьих государств — как ядерной, так и обычной;

— недопущение гонки вооружений в космосе, прекращение всех испытаний ядерного оружия и полная его ликвидация, запрет и уничтожение химического оружия, отказ от создания других средств массового истребления;

— строго контролируемое снижение уровней военных потенциалов государств до пределов разумной достаточности;

— роспуск военных группировок, а как ступень к этому — отказ от их расширения и образования новых;

— пропорциональное и соразмерное сокращение военных бюджетов.

2. В политической области

— безусловное уважение в международной практике права каждого народа суверенно избирать пути и формы своего развития;

— справедливое политическое урегулирование международных кризисов и региональных конфликтов;

проблем в религиозных доктринах и деятельности церковных организаций?

Несмотря на то, что на ранних этапах своей истории христианство отвергало войны как несовместимые с учением Христа, уже в V веке в нем, как и в других религиях, было разработано обоснование необходимости войн, в том числе и захватнических. Войны под религиозными лозунгами стали делом обычным. Духовные пастыри убеждали солдат воюющих сторон, что делают они «богоугодное дело», причем бывало, что во враждующих лагерях оказывались последователи одной и той же религии. И тем и другим для обоснования их действий служили одни и те же религиозные тексты, истолкованные в соответствующем духе. Одновременно возникали и течения, категорически отвергающие всякое кровопролитие.

Ситуация, в общем-то, закономерна: хотя взоры церкви и обращены к богу, в ее проповедях и теологических доктринах отражены насущные земные проблемы. И коль скоро мир, разделенный классовыми противоречиями, пытался решать их с помощью войны, церковь освящала, благословляла ее именем бога. Войны всегда были выгодным делом

● Антифашистская манифестация в Кёльне (ФРГ).
Фото ТАСС.

для одних (немногих) и великим бедствием для других (многих), а потому зарождались и антивоенные, пацифистские настроения — уже в весьма отдаленные времена, затронув при этом и религию, как господствовавшую в обществе форму идеологии.

Не могла не прореагировать церковь и на те изменения, которые произошли в последние годы в сфере международных отношений, на угрозу ядерной катастрофы, сделавшую бессмысленной войну как средство осуществления политических целей. Церковные организации становятся на путь миротворчества. Иные — раньше, иные — позже. Но к сегодняшнему дню нет ни одной конфессии, чьи представители не высказались и не предприняли бы действий в пользу мира.

Русская православная церковь уже в июле 1948 года, в самом начале периода «холодной войны», в связи с празднованием 500-летия своей автокефалии (самостоятельности), заявила, что христиане должны стать «бронею против всех покушений и действий, направленных на нарушение мира, и сделать бессильным всякое намерение и всякий план нового военного пожара». «Пора всем нам — пастырям Христова стада, — говорил в 1950 году патриарх Московский и всея Руси Алексий, — сказать открыто и во всеулышание, что международные вопросы никогда больше не следует решать уничтожением миллионов жизней».

На состоявшейся в апреле 1985 года встрече глав

и представителей церквей и религиозных объединений СССР было принято Обращение к религиозным деятелям мира, в котором выражено убеждение в том, что «последователи различных религий... могут сделать многое для жизненно необходимого оздоровления международной обстановки»⁷.

В начале 60-х годов после долгих колебаний на путь миротворчества — хотя и с некоторыми оговорками — вступила и римско-католическая церковь, которая до этого была полностью солидарна с милитаристской политикой США. Решительный поворот в позиции Ватикана по вопросам войны и мира произошел, когда на папский престол был избран (в 1958 г.) кардинал Анджело Джузеппе Ронкалли, принявший имя Иоанна XXIII. В энциклике «Пацифизм и террор» («Мир на земле», апрель 1963 г.) Иоанн XXIII заявил: «В наше время люди все больше убеждаются, что споры, которые могут возникнуть между народами, следует разрешать не силой оружия, а путем переговоров и соглашений. ...В наш век — век атомного могущества было бы нелепо считать войну орудием справедливости».

Преемник Иоанна XXIII папа Павел VI установил День мира, который отмечается католиками 1 января начиная с 1968 года.

Нынешний глава римско-католической церкви Иоанн Павел II в своей программной энциклике «Редemptor hominis» («Искупитель человека», 1979) отметил, что нужда и голод на земном шаре могли бы быть в кратчайшие сроки ликвидированы, если бы гигантские военные бюджеты, служащие войне, направлялись на производство необходимых средств существования.

В коммюнике, распространенном пресс-службой Ватикана в июле 1985 года, говорилось, что «горячее пожелание святого отца состоит в том, чтобы современный мир проявил солидарность в поисках подлинного мира».

В январе 1985 года Папская академия наук провела в Ватикане семинар с участием 29 ученых. Участвовали в нем и представители научных кругов СССР и США. На семинаре был всесторонне рассмотрен вопрос о рейгановских планах «звездных войн», и присутствовавшие высказались против использования космического пространства в военных целях.

Итальянская печать сообщила, что правительство США хотело предотвратить публикацию документа, содержащего эти выводы. Во время визита в Ватикан вице-президент США Дж. Буш пытался оказать на католических иерархов, однако операция «цензура» не удалась.

Сегодня папский престол должен считаться с тем, что в антивоенном движении активно участвуют широкие массы католиков, учитывать пацифистские настроения, овладевшие видными католическими священнослужителями во многих странах мира, в том числе и в США.

Миротворческая деятельность католических епископов США серьезно беспокоит американскую администрацию. Она прилагает немалые усилия, чтобы дискредитировать «пацифизм» епископата, оказывает на него давление с помощью «своих людей» в Ватикане.

В миротворческую деятельность включились многие представители высшего католического духовенства ФРГ, Франции, Бельгии, Голландии, Испании, Италии и других стран.

В марте-апреле 1984 года в Советском Союзе побывала делегация Международного центра за мир между народами (г. Ассизи, Италия), объединяющего деятелей религиозного ордена францис-

⁷ «Журнал Московской патриархии», 1985, № 6, с. 47.

канцев, а также представителей политических и деловых кругов, культуры и искусства Италии. Центр обратился к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву с посланием, в котором выражена глубокая обеспокоенность судьбами мира. Отвечая на это обращение, Михаил Сергеевич Горбачев подчеркнул: сегодня, когда над миром нависла угроза ядерной катастрофы, главная задача — избавиться от нее народы, и этому не должны препятствовать различия ни в мировоззрении, ни в политических убеждениях.

Сейчас в движении против ядерной войны участвуют представители практически всех влиятельных церквей мира. Это показала и проходившая 10—14 мая 1982 года в Москве Всемирная конференция «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы», на которую собрались 590 видных деятелей буддизма, зороастризма, индуизма, ислама, сикхизма, синтоизма, а также различных ветвей христианства из 90 стран. В принятом Обращении к руководителям и последователям всех религий, в частности, говорится: «Мы признаем, что сами мы не всегда стремились к миру. Мы ссорились по поводу наших убеждений и даже вели войны во имя религии... Как религиозные люди, мы придерживались противоречивых взглядов на оправдание войны и насилия. Новым фактором в сегодняшнем мире является то, что впервые в истории ядерная катастрофа угрожает всей жизни, а ядерная война может кончиться только всеобщей катастрофой. Поэтому наши религии согласны в этом очень ясном вопросе: ядерная война никогда, ни при каких обстоятельствах не может иметь оправдания...»⁸.

И так же, как прежде, богословы находили в священных текстах обоснования для разных войн, сегодня они находят в них указания на необходимость защиты мира и предотвращения кровопролития.

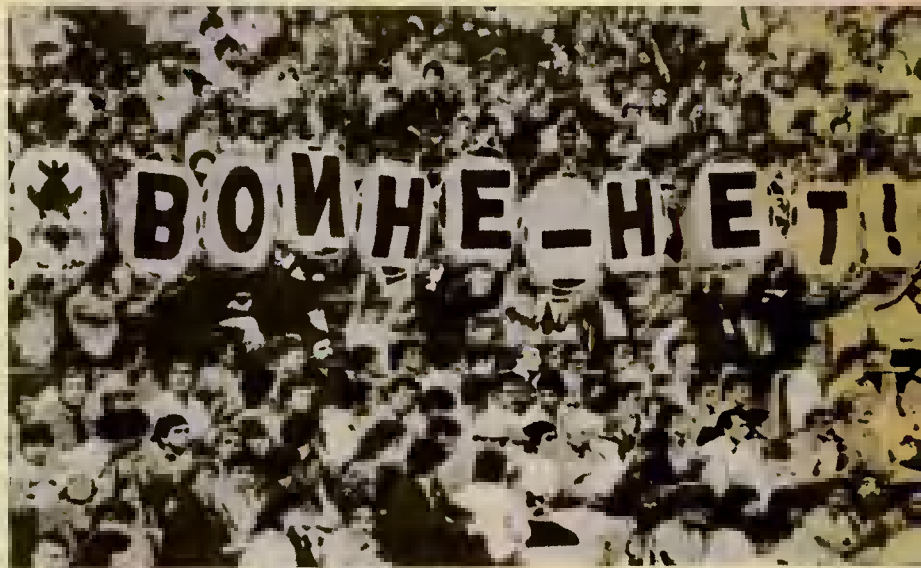
Да, различные религии пересмотрели свое отношение к войне и миру и вырабатывают общую платформу антивоенной деятельности, сотрудничают с атеистами. Да, в подавляющем большинстве богословы и религиозные деятели отказались от трактовки войны как категории божественной, как одного из изначальных и вечных проявлений воли сверхъестественных сил, не подвластных человеку. Однако, оценивая эти процессы в религиозной идеологии и практике, мы не должны забывать, что и сегодня есть внутри религий течения и отдельные деятели, которые, ссылаясь на божественное откровение, поддерживают агрессоров, благословляют милитаристские программы. Есть среди них и такие, кто считает веру в бога необходимым условием предотвращения войны, кто заявляет, что людям нужен лишь такой мир, при котором будут соблюдаться все требования священного писания, а религия будет играть решающую роль.

И сегодня призывы к сохранению мира у некоторых религиозных деятелей, к сожалению, не подкрепляются реальными делами, заботой о сплочении всех миролюбивых сил. Официальный Ватикан, закрепляя консервативные догматы католической церкви, не принял антимпериалистическую «теологию освобождения», широко распространявшуюся в католических кругах Латинской Америки. Противоречивый характер носит и энциклика папы Иоанна Павла II «Славorum апостоли» («Апостолы славян»), которую польский еженедельник «Аргументы» назвал «очередным элементом ватиканской программы идеологического экспансионизма, нацеленным на конфронтацию между материализмом и идеализмом». Тем не менее и в этой энциклике папа призывает христиан помнить, что

культурные традиции Востока и Запада должны дополнять друг друга, и напоминает о Вселенском соборе в Ватикане, провозгласившем призыв к «спасению, миру и взаимному согласию между народами и странами».

Религиозные концепции миротворчества все определеннее признают, что сегодня первоочередная задача — исключить навсегда войну из жизни людей, и это признание все меньше и меньше сопровождается предварительными условиями.

Могут возникнуть вопросы — реально ли объединение верующих и атеистов в защите мира, если их антивоенные концепции и программы основываются на разных идеологических положениях? И возможно ли вообще честное и искреннее сотрудничество представителей материализма, который является теоретическим фундаментом марксизма, и идеализма, служащего теоретическим обоснованием религии? Сегодня ответ на этот вопрос звучит однозначно: ничто не может помешать совместным действиям всех, кто искренне стремится к миру и счастью людей на Земле, независимо от их мировоззрения.

Вывод о возможности такого сотрудничества был сделан основоположниками научного коммунизма, которые называли вопрос о религии «совершенно второстепенным вопросом»⁹. Напомним и весьма важное для нашей темы положение В. И. Ленина о том, что единство борьбы «за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»¹⁰. В нашей стране сотрудничество атеистов и верующих в решении насущных задач с первых лет Советской власти стало реальностью, необходимым фактором общественной жизни. Это проявилось и в первые годы строительства социализма, и в годы Великой Отечественной войны, когда различные религиозные общины страны единодушно выступили с патристических позиций, призывая верующих к сопротивлению гитлеровской агрессии. (Это имело особое значение, ибо в тот период верующие составляли почти половину населения СССР.)

Сотрудничество верующих и атеистов продолжилось и после войны. Это закономерно, так как подавляющее большинство верующих в нашей

— разработка комплекса мер, нацеленных на укрепление доверия между государствами, на создание действенных гарантий от нападения на них извне, неприкосновенности их границ;

— выработка эффективных методов предотвращения междунационального терроризма, включая безопасность пользования международными наземными, воздушными и морскими коммуникациями.

3. В экономической области

— исключение из международной практики всех форм дискриминации; отказ от политики экономических блокад и санкций, если это прямо не предусматривается рекомен-

дациями мирового сообщества;

— совместный поиск путей справедливого урегулирования проблемы задолженности;

— установление нового мирового экономического порядка, гарантирующего равную экономическую безопасность всех государств;

— разработка принципов использования на благо мирового сообщества, прежде всего развивающихся стран, части средств, которые будут высвобождаться в результате сокращения военных бюджетов;

— объединение усилий в исследовании и мирном использовании космоса, решении глобальных проблем, от которых зависят судьбы цивилизации

⁸ Там же, 1982, № 6, с. 19—20.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 95.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 146.

4. В гуманитарной области

— сотрудничество в распространении идей мира, разоружения, международной безопасности; повышение уровня общей объективной информированности, взаимного ознакомления народов с жизнью друг друга; укрепление в отношениях между ними духа взаимопонимания и согласия;

— искоренение геноцида, апартеида, пропаганды фашизма и всякой иной расовой, национальной или религиозной исключительности, а также дискриминации людей на этой основе;

— расширение — при уважении законов каждой страны — международного сотрудничества в осуществлении политических, социальных и личных прав человека;

— решение в гуманном и позитивном духе вопросов воссоединения семей, заключения браков, развитие контактов между людьми, организациями;

— укрепление и поиски новых форм сотрудничества в сфере культуры, искусства, науки, образования и медицины.

Эти Основы логически вытекают из положений Программы КПСС. Они полностью сообразуются с нашими конкретными внешнеполитическими инициативами. Руководствуясь ими, можно было бы добиться, чтобы мирное сосуществование стало высшим универсальным принципом межгосударственных отношений.

Из Политического доклада
Центрального
Комитета КПСС
XXVII съезду партии

стране — люди, преданные социалистической Родине, добросовестно выполняющие свой долг перед ней.

Статьи 34, 39 и 52 новой Конституции СССР законодательно закрепили все основные элементы марксистско-ленинского отношения к религии и верующим, они, в частности, гарантируют равенство граждан СССР — независимо от того, исповедуют они какую-то религию или являются атеистами. Государство не вмешивается во внутренние дела церкви, церковь — в дела государства. Это создает необходимые условия для нормального сотрудничества верующих и атеистов в социалистическом государстве в самых различных областях — от хозяйственного строительства до совместного участия в борьбе за мир, против угрозы всеобщей ядерной катастрофы.

Аналогичное положение сложилось и в странах социалистического содружества, где после относительно краткого периода конфронтации (конец 40-х — 50-е г.) церковь и государство наладили или налаживают сотрудничество в интересах широких масс как верующих, так и неверующих. «...Мы учились этому у Ленина и считаем, что приемлем любой компромисс, действительно способствующий делу революции», — подчеркивает Янош Кадар. — «Принимаем лишь тот компромисс, который приносит вред революционному делу. Это не принципиальная, идеологическая уступка, а политическое сотрудничество, осуществляемое во имя определенных целей»¹¹.

Ленинскую политику объединения представителей различных мировоззрений в интересах широких народных масс всегда проводили и видные деятели коммунистического и рабочего движения капиталистических стран. Так, в 1936 году, вскоре после создания во Франции правительства Народного фронта, генеральный секретарь Французской компартии Морис Торез говорил: «Мы, атеисты, протягиваем тебе руку, католик, — рабочий ли ты, служащий, ремесленник или крестьянин, потому что ты — наш брат и тебя одолевают те же заботы, что и нас»¹².

Та же мысль, но уже применительно к самой актуальной отныне задаче предотвращения ядерного самоуничтожения, звучит в словах руководителя итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти, который, выступая перед верующими в Бергамо (1963 г.), призвал их «к размышлениям, диалогу, дискуссии, к возможному согласию ради целей, которые не могут не быть общими для всех людей», ибо настало время «объединиться и сотрудничать для спасения и цивилизации и самого человечества от ужасающих катастроф»¹³.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве (1969 г.) подчеркнуло «большую актуальность диалога между коммунистами и широкими демократическими массами католиков и верующих других религий по таким проблемам, как война и мир, капитализм и социализм, неоколониализм и развивающиеся страны». «Коммунисты убеждены, — говорится в принятом на Совещании документе, — что именно на этом пути, — пути широких контактов и совместных выступлений — масса верующих становится активной силой антиимпериалистической борьбы и глубоких социальных преобразований»¹⁴.

К выводу о необходимости сотрудничества коммунистов и верующих единодушно пришли участники Конференции коммунистических и рабочих партий Европы (Берлин, 1976 год). «Важную роль в борьбе за права трудящихся, за демократию и мир, — говорится в принятом на этом форуме итоговом документе, — играют все более широкие католичес-

кие силы, представители иных христианских религиозных общин и верующие других вероисповеданий. Коммунистические и рабочие партии сознают необходимость диалога и совместных действий с этими силами...»¹⁵.

Проблема сохранения мира — это проблема прежде всего политическая. А коль скоро она затрагивает каждого без исключения человека на земле, для ее решения необходима активная общественно-политическая борьба всех сил, осознающих глобальность возможной катастрофы. Идейная основа борьбы за мир — общий вывод о необходимости и возможности предотвратить всеобщую ракетно-ядерную катастрофу — не затрагивает мировоззрений, для сотрудничества в этой области не требуется согласия в мировоззренческих установках. Их противоположность не мешает материалистам и идеалистам согласиться между собой в главном: сохранение жизни на Земле во всех ее проявлениях, в том числе и таких, как занятия философией (или теологией), сегодня невозможно без обеспечения мира для нынешнего и будущих поколений.

Для объединения сил во имя жизни нет необходимости обсуждать и тем более примирять доктринальные проблемы.

Такой же точки зрения придерживаются и наиболее видные церковные деятели. Римско-католическая церковь, например, высказываясь в пользу сотрудничества верующих и атеистов во имя достижения общих целей, считает свою религиозную доктрину единственным правильным основанием для организации жизни на Земле. Сотрудничество, в том числе в деле защиты мира, не снимает принципиальных идеологических разногласий и между различными современными религиями. Но требования времени таковы, что религиозные деятели приходят к выводу о несущественности этих разногласий перед лицом грозящей миру ядерной катастрофы. «Наши точки зрения на реальность остаются различными друг от друга, — говорится в Обращении к руководителям и последователям всех религий, принятом Всемирной конференцией религиозных деятелей в Москве в 1982 году. — Мы бескомпромиссно придерживаемся наших различных религиозных убеждений. Несмотря на эти различия, мы можем совместно утверждать то многое, что дорого нам всем. Жизнь — это священный дар, который дано лелеять и развивать. Мир — это необходимое качество жизни. Война противоречит жизни»¹⁶.

В широком фронте антивоенного движения сегодня, как и всегда, в первых рядах идут коммунистические и рабочие партии, страны социализма. Мирные инициативы СССР — выдвинутая в Заявлении М. С. Горбачева программа полного освобождения нашей планеты от ядерного оружия к концу века — создают конструктивную, реалистическую платформу совместных действий всех сил, выступающих за предотвращение ядерной войны.

¹¹ Кадар Я. Социализм и мировой революционный процесс. М., 1978, с. 249.

¹² Зарубежные марксисты о религии и церкви. М., 1975, с. 7.

¹³ Там же, с. 23.

¹⁴ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 310.

¹⁵ Конференция коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1977, с. 21—22.

¹⁶ «Журнал Московской патриархии», 1982, № 6, с. 19.

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ГОСТЕЙ
XXVII СЪЕЗДА
КПСС**

Азиз МУХАММЕД
(Первый
секретарь
ЦК Иракской
коммунистической
партии)

Советская миролюбивая политика полностью соответствует интересам арабских народов...

Джо СЛОВО
(Национальный
председатель
Южно-Африканской коммунистической партии)

Гонка вооружений, пожирающая астрономические средства, обрекает миллионы людей, в том числе и на Африканском континенте, на нищету, неграмотность, болезни, даже голодную смерть. Вот почему африканцы не могут стоять в стороне от борьбы за мир, за обуздание гонки вооружений. Они рассматривают ее как свое кровное дело.

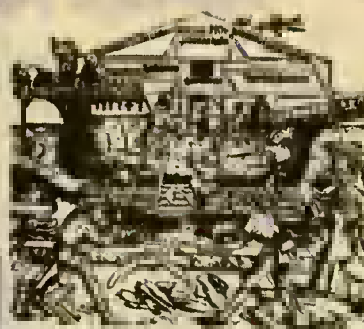
Алваро КУНЬЯЛ
(Генеральный секретарь
Португальской коммунистической партии)

Сегодня более, чем когда-либо, необходимы совместные действия всех антиимпериалистических сил, всех тех в мире, кто стремится избежать ядерной катастрофы...

Франц МУРИ
(Председатель
Коммунистической партии Австрии)

Важнейшим новым позитивным моментом в нашей стране является развитие широкого движения за мир, в котором сотрудничают социалисты, христиане, беспартийные и коммунисты...

**ГОЛУБЬ
МИРА**

● Ноев ковчег.
Гравюра из
Нюрнбергских
хроник 1493.

Красивая белая птица с оливковой веточкой в клюве. Яркое голубое небо. Весна. Солнце. Мир! Символика, знакомая нам с детства. Но почему именно голуби?

С давних-давних пор, вероятно, уже в VI—V тысячелетиях до нашей эры эта птица стала постоянным спутником человека — под крышей его жилища голуби находили надежное

свои убежища — бога войны, а как же ему было идти на битву без шлема!

Именно голубь принес на ветхозаветный Ноев ковчег весть о том, что всемирный потоп кончился. Он

вернулся на корабль с оливковой веточкой в клюве — значит, на Земле можно спокойно жить и трудиться.
Голубь издавна связы-

● П. Пикассо.
Голубь мира.

**CONGRÈS MONDIAL
DES PARTISANS
DE LA PAIX**

**SALLE PLEYEL.
20-21-22 ET 23 AVRIL 1949
PARIS**

убежище для своего гнезда. Надежным оно было, конечно, лишь в мирное время, когда горел огонь в домашнем очаге, семья собиралась вместе, чтобы отдохнуть от трудов или отпраздновать свадьбу, рождение детей. Потому стал голубь спутником богини — хранительницы очага, а также спутником богини

Плакат, посвященный
Всемирному конгрессу
сторонников мира
в Париже 1949.

вал людям, доставляя их послания даже через море — знаменитая голубиная почта.

Давний спутник человека, эта птица и в наши дни остается символом мира, спокойствия. Вспомним известный рисунок Пабло Пикассо «Голубь мира».

● Год для
действия.

...блестящие и красоты Афродиты (у римлян — Венеры). Изысканнее белое голубиное плечо голубиному небу легкую и веселую с цветами, в которой ищется над землей прекрасная богиня, — этот сюжет полюбился многим художникам, воспевавшим земную красоту и красоту Голуби Венеры, гласит предание, однажды свили гнездо в шлеме Мар-

Плакат,
посвященный
Международному
году мира
(из журнала «Вестник
Совета мира»
«Пискирь»)

удостоенный в 1950 году
Международной премией мира.
Белая птица с оливковой веточкой в клюве. Голубое небо... Весна...
Солнце... Мир!

● Веление времени. Рисунок, опубликованный в кубинском журнале «Бо-
9999».

Век двадцатый в истории человечества с полным правом можно назвать эпохой триумфа науки. Она сегодня проникает в глубины мироздания, открывает сокровеннейшие тайны природы, которые всего несколько десятилетий назад казались непостижимыми. Наука оказывает решающее воздействие на преобразование всех

сфер жизни общества, ускорение прогресса.

Однако, создав предпосылки для осуществления самых высоких устремлений человечества, наука одновременно создала и такое оружие массового уничтожения, которое ставит под угрозу само существование жизни на земле. Понятно, что в этом повинна не сама

наука, а те социальные силы, которые используют ее достижения в своих узкоклассовых интересах.

Против такого использования достижений науки ныне активно выступают все более широкие круги ученых, отчетливо представляющих его катастрофические последствия. Они ставят своей задачей пробу-

дить сознание людей, призвать их к решительным действиям, остановить и повернуть вспять гонку вооружений.

С 1983 года в нашей стране действует Комитет советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы. Возглавляет его вице-президент АН СССР академик Е. П. Велихов. Вышед-

СУТЬ НАУЧНЫХ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЙ

Е. ВЕЛИХОВ, академик, вице-президент АН СССР

Сейчас стало очевидным, что прямое следствие ядерной войны — гибель цивилизации. Практически речь идет о дальнейшем существовании рода человеческого и даже самой жизни на Земле. Ученые пришли к такому выводу в результате тщательной проверки и всестороннего обсуждения с коллегами на международных семинарах, симпозиумах и конференциях. Суть их предостережений в следующем.

Ядерные взрывы вызовут массовые пожары. А они, в свою очередь, будут выделять в атмосферу гигантское количество сажи, пепла, ядовитых газов. Сплошные облака, состоящие из таких мельчайших частичек, не пропустят к поверхности Земли солнечную радиацию. Наступит так называемая ядерная ночь и нарушится тепловой баланс Земли, температура ее поверхности в течение нескольких дней снизится примерно на 30—50 градусов. В результате произойдет коренная перестройка движения воздушных масс, и эта беспрецедентная климатическая катастрофа за несколько недель распространится на всю планету, что вызовет гибель всей флоры и фауны.

Чтобы исключить перспективу такой глобальной климатической катастрофы, надо ликвидировать угрозу первого ядерного удара. Между тем США не отказались от возможности первыми использовать ядерное оружие. Более того, это составляет стержень всей американской политической и военной доктрины. В отличие от нее военная доктрина нашей страны не несет в себе концепцию упреждающих ударов, она имеет сугубо оборонительный характер. Советский Союз рассматривает ядерное нападение как тягчайшее преступление против человечества. Наши руководители не раз указывали: рассчитывать при этом на победу — опасное безумие. Начать такую войну в надежде выйти из нее победителем может только тот, кто решил совершить самоубийство.

И если в первые десятилетия ядерно-космической эпохи понятие национальной безопасности связывалось с количественным накоплением оружия и его качественным совершенствованием, то сегодня продолжение гонки вооружений, особенно ядерных, не только ухудшает в целом обстановку в мире, но и одновременно угрожает национальной безопасности разных стран. «Парадокс ядерного века» состоит в том, что накопление и совершенствование ядерного оружия постоянно повышает опасность самоуничтожения человечества. Ведь какой-либо военно-политический просчет, авантюристические милитаристские устремления или просто технические неполадки в сложнейших автоматических системах могут привести к тому, что страшное оружие будет пущено в ход.

В том, что военно-силовой подход к решению политических проблем сегодня абсолютно неприемлем, убеждают исследования ученых, показывающие картину «ядерной зимы». Современное оружие массового уничтожения есть оружие коллективного самоубийства, а отнюдь не «более эффективное средство ведения военных действий». Вот почему всем странам и народам необхо-

ДОЛЖНА СТАТЬ БЕЗЪЯДЕРНОЙ

шая в 1985 году в издательстве «Мир» на английском языке книга «Ночь после... (климатические и биологические последствия ядерной войны)» — результат двухлетних исследований под эгидой Комитета.

В предисловии к этой работе академик Е. П. Велихов пишет: «Нашим основным

предположением является то, что ученые могут и, более того, должны воздействовать на ход политических событий, поскольку никто лучше ученых не подготовлен для осознания и прогнозирования трагических последствий ядерного конфликта. Сила их влияния возрастает, когда оно опирается не на мнение одного,

пусть авторитетного ученого, а на беспристрастное и сознательно сформированное коллективное мнение ученых разных стран, работающих в разных областях знания». Авторы этой книги — известные ученые: специалист по физике атмосферы Г. Голицын и климатолог Ю. Израэль, биолог А. Баев и генетик

Н. Бочков, математик Г. Стенчиков и политолог А. Громыко...

Ниже мы публикуем краткое изложение некоторых статей из книги «Ночь после...»

ОРУЖИЕ ЧЕТВЕРТОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как-то Альберта Эйнштейна спросили, какое оружие будет применено в третьей мировой войне! Ученый ответил, что этого он не знает, но в четвертой мировой войне, с его точки зрения, единственным оружием будет каменный топор.

димо объединиться, чтобы совместно решить проблему категорического отказа от подобного оружия. Это, конечно, нелегкий и долгий путь. Но нужно как можно скорее начать двигаться в правильном направлении. Уже само это движение оздоровит международную обстановку.

Особо следует подчеркнуть, что в своих расчетах ученые исходили далеко не из самых мрачных сценариев загрязнения атмосферы. Но и такие результаты поражают воображение, рушат все сделанные до сих пор прогнозы, касающиеся долговременных, вторичных последствий ядерных взрывов. Именно с «ядерной ночи» начнется длинная цепь последующих катастрофических климатических, экологических, биологических и медицинских глобальных последствий ядерной войны.

Все существовавшие до недавнего времени «сценарии» ядерной войны предполагали, естественно, что она может возникнуть в Северном полушарии. Неискушенным людям это давало надежду на то, что хотя половина Земли может в какой-то степени стать убежищем для выживших. Тем более, что сейчас воздушные массы Северного и Южного полушарий почти не смешиваются друг с другом. Но такая надежда иллюзорна...

Загрязнение в результате ядерных взрывов атмосферы Северного полушария и возникшие при этом температурные контрасты снесут невидимую «стену», разделяющую воздух обоих полушарий. Циркуляция воздушных масс в корне изменится, и уже через несколько недель атмосфера Южного полушария будет мало чем отличаться по своей загрязненности от Северного. На Земле не останется региона, не затронутого ядерной катастрофой. Планета Земля — наш общечеловеческий космический «корабль» во Вселенной — оказывается очень маленькой и хрупкой для потрясений такого масштаба, как ядерная война.

НАРУШЕНИЯ В АТМОСФЕРЕ

Ю. ИЗРАЭЛЬ,
член-корреспондент АН СССР, председатель
Государственного комитета по гидрометеорологии и
контролю природной среды

Подсчитано, что продукты крупномасштабного ядерного взрыва образуют устойчивое радиоактивное загрязнение местности на расстояниях, измеряемых многими сотнями и тысячами километров. Так, при наземных взрывах в ходе глобального ядерного конфликта может образоваться зона со смертельными дозами гамма-излучения, охватывающая почти всю территорию Европы и среднюю часть Северной Америки. А загрязнение местности долгоживущими радиоактивными изотопами — такими, как стронций-90 и цезий-137, — тоже будет очень велико и чрезвычайно опасно для здоровья людей. Кроме того, следует учесть, что некоторые радиоактивные изотопы очень подвижны и обладают способностью к миграции. Растения, например, через свою корневую систему хорошо усваивают изотопы вольфрама, стронция, рутения. В результате таких процессов возникнет вторичное поражение составных частей экологических систем, и радиоактивные изотопы вместе с продуктами сельского хозяйства попадут в организм человека.

К тому же появление в результате ядерных взрывов огромного

количества радиоактивных продуктов приведет к усиленной ионизации воздуха. В результате тысячекратно возрастет его электропроводность и свойства атмосферы изменятся самым кардинальным образом. Очень заметным будет и разрушение озонового слоя атмосферы — из-за взаимодействия с огромным количеством окислов азота, образующихся в высокотемпературной области ядерного взрыва.

Специалисты подсчитали, что при «жестком» сценарии, когда мощность взорванных ядерных устройств составит 10 тысяч мегатонн, в том полушарии, которое станет ареной конфликта, может исчезнуть от 30 до 70 процентов общего количества озона. А ведь он, как известно, служит для нас защитным экраном от проникающего ультрафиолетового солнечного излучения. И его ослабление приведет к губительным биологическим последствиям, потому что это излучение в определенном диапазоне волн усиленно поглощается нуклеиновыми кислотами живых клеток, что приводит к полному нарушению их нормальной деятельности.

Таким образом, ядерные взрывы, особенно при массированном их применении, приведут не только к разрушительным, поражающим эффектом локального масштаба, но и разрушат озоновый слой Земли, вызовут необратимые изменения климата, а также существенную перестройку земных и водных экосистем.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Г. СТЕНЧИКОВ,
кандидат физико-математических наук, научный
сотрудник Вычислительного центра АН СССР

В Вычислительном центре АН СССР создана математическая модель нашей биосферы. При этом исследовались и изменения режима общей циркуляции атмосферы, учитывались рельеф и география Земли, изучались долговременные эффекты взаимодействия атмосферы и океана, выявлялся ход перестройки атмосферных процессов. Все это послужило базой для уточнения описания жизни «грязной» атмосферы.

При моделировании климатических последствий ядерной войны ученые предполагали, что в некий начальный момент оптические свойства атмосферы Северного полушария изменятся мгновенно — из-за загрязнения сажевым аэрозолем. Было рассмотрено два сценария, предполагавших, что мощности взорванных ядерных устройств составляют соответственно 10 тысяч и 100 мегатонн (это примерно 1 процент накопленных в мире ядерных боезапасов).

В первом случае начальное загрязнение атмосферы оказывалось столь велико, что солнечное излучение у поверхности Земли уменьшалось в 400 и более раз. При этом время самоочищения воздуха составило от трех до четырех месяцев. Во втором случае, когда производятся ядерные взрывы мощностью в 100 мегатонн (если выражаться языком военных стратегов, это соответствует так называемой атаке на город), солнечное излучение ослабляется в 20 раз, а самоочищение атмосферы занимает около месяца.

Как показало моделирование, в данном случае воздух над континентами резко и исключительно сильно охладится. Максимальные падения температур на севере Европы и в Сибири, на Аляске и в Северной Америке, в Центральной и Южной Азии достигнут нескольких десятков градусов относительно обычных для данного времени года.

Был получен еще один, важный и совершенно новый вывод. Из-за высокой температуры верхних слоев тропосферы сильно прогреется воздух над такими горными массивами, как Кордильеры, Анды, Тибет. Это может привести к резкому изменению теплового режима таяния горных снегов и ледников, а в итоге — к наводнениям континентального масштаба.

Мировой океан из-за своего огромного термического потенциала будет охлаждаться гораздо медленнее, чем воздух у поверхности Земли. Даже в «жестком» варианте ядерной войны уменьшение температуры его поверхности не превысит 1,2 градуса. Но именно из-за такого сильного температурного контраста между остывшей сушей и медленно охлаждающимся океаном в прибрежных районах возникнут ураганные ветры.

Атмосфера, «вывернутая наизнанку» (ее верхние слои будут гораздо теплее приземных), жестокие морозы, ураганные ветры — вот какую картину нарисовали компьютеры исследователям, моделировавшим последствия глобального ядерного конфликта.

Однако оказалось, что это — далеко еще не полная картина. Расчеты показали: резкое изменение оптических свойств атмосферы из-за ее загрязнения продуктами ядерных взрывов приведет к нарушению, а потом и к перестройке происходящих в ней фундаментальных процессов. Прежде всего в низких широтах Южного полушария атмосфера станет сверхустойчивой. В Северном полушарии полностью будет подавлено вертикальное перемещение (конвекция) воздуха. Из-за этого количество осадков над континентами практически упадет до нуля. Подобное явление, в свою очередь, приведет к тому, что естественное самоочищение атмосферы, связанное с осаждением и промыванием атмосферной «грязи», будет происходить гораздо медленнее, чем обычно.

Советские ученые проводили расчеты долговременных климатических последствий глобального ядерного конфликта при различных «начальных условиях». Менялась мощность ядерных устройств, учитывались переносы аэрозоля, различные предположения относительно начального распределения облаков сажи и физических свойств частиц. Время «ядерной зимы», температуры, до которых охлаждается земная поверхность, таким образом, отличались друг от друга. Но главное при всем этом оставалось неизменным: всегда ожидалось глубокое похолодание в средних и высоких широтах Северного полушария. Заметные климатические изменения должны будут произойти и в Южном полушарии. Короче говоря, даже при заведомо заниженном уровне начального загрязнения верхней тропосферы и интенсивном вымывании аэрозоля амплитуда похолодания будет достаточна для того, чтобы вызвать самые тяжелые экологические последствия.

«А не слишком ли умозрительна такая модель?» — может спросить читатель-скептик. В конце концов, как мы можем быть уверены в том, что ученые говорят правду? Ведь никакие прямые эксперименты тут не проводятся.

Да, действительно, не проводятся. И пусть никогда и не будет таких экспериментов! Но если быть точным, то «микрoэксперименты» ведь ставились... Имеются в виду ядерные взрывы в атмосфере в 60-х годах. Ученые, занимавшиеся физикой атмосферы, и климатологи тогда обнаружили: в Северном полушарии возникло похолодание на 0,3 градуса. Приблизительные оценки с учетом разных факторов, определяющих формирование температуры воздуха у земной поверхности, привели советских ученых к выводу: главной причиной похолодания было увеличение двуокиси азота в стратосфере. А именно этот газ и образуется в атмосфере при ядерных взрывах.

ПРИРОДНЫЕ КАТАСТРОФЫ

Г. ГОЛИЦЫН,
член-корреспондент АН СССР,
А. ГИНЗБУРГ,
кандидат физико-математических наук

В природе есть аналоги некоторых эффектов, которых можно ожидать после ядерной войны. К ним относятся землетрясения, наводнения, засухи, падения крупных метеоритов, извержения вулканов, массовые лесные пожары...

Наиболее катастрофичными оказываются как раз подобные вторичные и долговременные эффекты ядерных взрывов, возникающие как из-за выбросов пыли, так и в результате образования окислов азота и массовых пожаров.

Аналогично ядерным взрывам в отношении разогрева атмосферы и образования окислов азота было, например, падение Тунгусского метеорита 30 июня 1908 года. При его взрыве в атмосфере могло образоваться до 30 миллиардов тонн окислов азота. Столько же их может возникнуть и при ядерных взрывах мощностью в 6 тысяч мегатонн. Американские ученые рассчитали,

что к концу 1908 года концентрация озона в атмосфере Северного полушария упала на 45 процентов (окислы азота, образующиеся при взрывах, вступают в реакцию с озоном, что приводит к разрушению озонового слоя). Эти расчеты хорошо воспроизвели дальнейший ход восстановления концентрации озона. Поэтому прогноз специалистов о неизбежности разрушения слоя озона в результате ядерной войны можно считать бесспорным.

Теперь о массовых пожарах. Взрыв 10 процентов имеющихся сегодня ядерных зарядов может вызвать пожары на территории более миллиона квадратных километров. Всего же накопленного ныне ядерного потенциала вполне достаточно для того, чтобы зажечь треть лесов земного шара. Если бы все ядерные взрывы вызывали крупномасштабные пожары, то их энергия оказалась бы равна кинетической энергии ветров во всей атмосфере планеты. Не нужно быть специалистом, чтобы понять: это неминуемо приведет к полной перестройке циркуляции воздуха и к кардинальным изменениям погоды на Земле.

В 1982 году П. Крутцен (ФРГ) и Дж. Биркс (США) впервые обратили внимание ученых на то, что пожары городов и лесов даже на ограниченной территории — площадью около одного миллиона квадратных километров — приведут к катастрофическим последствиям из-за огромного количества пепла, сажи и дыма. Продукты сгорания заполнят тропосферу над областью пожаров, а затем разнесутся по всей Земле. При сильном задымлении атмосферы поверхность суши остывает на десятки градусов, «приспосабливаясь» к температуре верхнего поглощающего аэрозольного слоя. Увеличению похолодания будет способствовать совместное действие продуктов сгорания и пыли, заброшенных в стратосферу.

К природным явлениям, которые могут изменить температуру на планете, относятся также мощные вулканические извержения. Крупнейшим в истории человечества было извержение вулкана Тамбора в Индонезии в 1815 году. Тогда в воздух поднялось 150 кубических километров вещества. В результате следующий, 1816 год в Северной Америке и Западной Европе назвали «годом без лета». В Новой Англии, например, снег выпадал в июне, а заморозки отмечались в июле и августе. Все это привело к неурожаю и к голоду в Европе. А ведь извержение вызвало понижение температуры всего на несколько градусов...

БИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

А. БАЕВ,
академик,
Н. БОЧКОВ,
действительный член АМН СССР

Население, природные сообщества, животные, растения и микроорганизмы, которые будут расположены вблизи эпицентров ядерных взрывов, неизбежно погибнут. Эти территории превратятся в выжженные пустыни, на многие годы зараженные радиоактивностью. Однако такие мертвые зоны станут опасными и для всего уцелевшего живого, очагами распространения радиоактивных продуктов с помощью ветра, поверхностных и грунтовых вод.

Не будем забывать, что даже при ядерном взрыве над одним городом будет разрушено большинство больниц, уничтожены запасы медицинского оборудования, лекарств, перевязочных средств. Большая часть пораженных останется без всякой помощи не только потому, что погибнут врачи и медицинские сестры, но и из-за полной дезорганизации коммунальных служб и транспорта. Радиоактивное заражение местности будет увеличивать число пострадавших. А оставшиеся в живых неизбежно будут охвачены паникой или впадут в состояние ступора. Международный комитет экспертов ВОЗ при рассмотрении медицинских последствий ядерных взрывов пришел к выводу, что ни одна национальная служба здравоохранения не сможет оказать эффективную помощь сотням тысяч людей, пострадавших при взрыве даже бомбы мощностью в 1 мегатонну.

При этом следует учесть, что хорошо изученные последствия американских ядерных взрывов над Хиросимой и Нагасаки в августе 1945 года не могут служить моделью, адекватно

отражающей биологические и медицинские следствия глобального ядерного конфликта. Трагические судьбы этих японских городов — пример лишь локальных очагов поражения в результате взрывов маломощных (по сравнению с современными) атомных бомб.

Биологические виды, как хорошо известно, резко различаются по своей радиочувствительности. Наиболее уязвимы для проникающей радиации животные. Даже относительно небольшие дозы облучения приводят к угнетению биопродуктивности популяций. А при более высоких дозах начинается поочередное — в зависимости от радиочувствительности — вымирание отдельных видов. Более устойчивы к радиоактивному излучению растения и микроорганизмы, особенно семена и споры. Но и они при увеличении дозы облучения неизбежно гибнут. Повреждающее действие радионуклидов усиливается еще из-за того, что они накапливаются в биомассе. Здесь их концентрация может быть в сотни тысяч раз выше, чем в окружающей среде. Это существенно повышает интенсивность внутреннего облучения организмов. Кроме того, такие радионуклиды, аккумулированные в организмах, передаются по пищевым цепям и в повышенных концентрациях вместе с пищей попадают в тело человека.

Надо ли повторять, что в случае глобального ядерного конфликта наступят крупномасштабные перестройки не только отдельных биогеоценозов, но и всей биосферы в целом...

Одним из неизбежных последствий разрушения промышленных центров будет выброс в окружающую среду большого количества токсичных продуктов и загрязнение вод, почвы, атмосферного воздуха. Только одно это приведет к повышенной заболеваемости и смертности.

Не менее вредные гигиенические последствия возникнут в результате разрушения жилищ и коммунального хозяйства. Ведь когда не будет жилья, водоснабжения, централизованных источников тепла и света, санитарно-гигиенических служб, то среди облученных, с ослабленным иммунитетом людей быстро распространятся тяжелые инфекционные заболевания.

К радиоактивному излучению и заболеваниям надо добавить усиление ультрафиолетового излучения, запыленность атмосферы и связанное с ними снижение температуры поверхности Земли, общее ухудшение условий жизни, а значит и недостаточное питание, дефицит белков и, особенно, витаминов.

Такое «комбинированное воздействие» окажется опасным для человека и в том случае, когда само по себе радиоактивное облучение не будет даже очень сильным. Иными словами, люди, выжившие после ядерных взрывов, неизбежно попадут потом в критическую ситуацию.

Самыми отдаленными последствиями небольших сравнительно ядерных взрывов могут стать генетические изменения. Их «эхо» будет передаваться из поколения в поколение, проявляясь в повышенной частоте неблагоприятных исходов беременности, в рождении детей с пороками развития или наследственными болезнями.

Рассчитывать при всем этом на выживание или даже на какое-то обновление человеческого рода, на новый виток эволюции было бы наивным. Человек, который чудом вступит в постядерную эру, практически уже не будет человеком с сегодняшними биологическими качествами, он будет отягощен наследственными дефектами, соматическими и психическими болезнями...

Таковы основные выводы, изложенные в книге советских ученых «Ночь после...». Ныне нельзя сохранить человеческую цивилизацию, продолжая гонку вооружений, балансируя на грани войны. На обеспечение прочного, справедливого мира направлены миролюбивые внешнеполитические инициативы нашей партии, решения XXVII съезда КПСС.

Публикацию подготовил
А. МИХАЙЛОВ

Академик Борис Викторович РАУШЕНБАХ неоднократно выступал в печати по проблемам исследования космоса. На этот раз он беседует с корреспондентом журнала К. Левитиным о смертельной опасности для человечества «стратегической оборонной инициативы» нынешней американской администрации.

РЕШАТЬ ДОЛЖНЫ ЛЮДИ

— Борис Викторович, видимо, чтобы яснее стали безумие идеи «звездных войн», чрезвычайная опасность, создаваемая «стратегической оборонной инициативой» (СОИ), нужно разобраться и в технической стороне проблемы!

— Как известно, идея «стратегической оборонной инициативы», по словам президента Рейгана, состоит в том, чтобы создать своеобразный «космический щит», который сделал бы неэффективным применение ядерного ракетного оружия. На первый взгляд идея выглядит привлекательной. В самом деле, как соблазнительно направить энергию ученых на создание средств защиты, вместо того, чтобы разрабатывать оружие уничтожения. Журналисты, близкие к Белому дому, немедленно разразились одобрительными статьями: мол, теперь-то каждая американская семья может быть спокойна; ни одна ракета не долетит до США.

Однако довольно скоро возникла и серьезная оппозиция рейгановской «инициативе». Достаточно сказать, что в ее рядах оказались такие известные политические, общественные деятели США, как Роберт Макнамара, бывший министр обороны США в правительстве президента Кеннеди, человек, создавший Пентагон в его нынешнем виде. Я встречался с ним в Москве и в Стокгольме и могу сказать: его трудно заподозрить в том, что он попал под воздействие советской пропаганды. Но он искренне убежден, что программа «звездных войн» несет угрозу прежде всего его собственной стране. Той же точки зрения придерживаются бывший американский президент Джимми Картер, бывший американский посол в СССР Джордж Кеннан, руководитель американской делегации на переговорах по ограничению космического вооружения Джерард Смит, специальный помощник президента Кеннеди по национальной безопасности Джордж Банди.

Против СОИ высказались и многие видные американские ученые. «От баллистических ракет нет защиты», — писал, например, Ганс Бете, Нобелевский лауреат в области физики. — Поэтому противоракетные системы, предназначенные для защиты целого города, — технический нонсенс.

Теперь о чисто технической стороне СОИ. Если в направлении Соединенных Штатов возьмут старт балли-

стические ракеты предполагаемого противника (траектория их полета, как известно, проходит через космическое пространство), то необходимо создать систему, способную уничтожить их все до единой. Причем уничтожить еще до того, как ракеты или их отдельные боеголовки (на них могут разделяться головные части) окажутся над американской территорией.

Баллистическая траектория ракеты делится на несколько этапов с принципиально различными физическими условиями, следовательно, для каждого из них потребуются особые средства поражения. Пока ракета еще в атмосфере Земли, она неуязвима для лазерного оружия или же для ускорителей заряженных частиц, базирующихся в космосе. Но вот она оказалась в заатмосферном пространстве, хотя двигатели ее еще работают. В это время — продолжительность его от 2 до 5 минут — точно направленный луч лазера или остро сфокусированные пучки элементарных частиц, разогнанные почти до скорости света, могут пронзить стенки топливных баков.

Технических трудностей, связанных с созданием таких установок, — неисчислимо множество. Так, траектории заряженных частиц (например, протонов) в магнитном поле Земли перестанут быть прямолинейными, поэтому частицы эти надо каким-то образом сделать еще магнитно-нейтральными. А как вывести на орбиту огромный, массивный ускоритель, необходимый для получения таких пучков частиц?..

Тем не менее авторы идеи считают, что первый этап уничтожения ракет будет проходить еще над территорией предполагаемого противника (очевидно, Советского Союза), на высоте до пятисот километров. Тогда, в идеальном случае, эти ракеты упадут на голову противника, или же полетят не туда, куда их направили.

Однако, понимая, что таким образом все ракеты не обезвредишь, стратеги «звездных войн» предусматривают второй эшелон космической обороны. На среднем участке траектории, когда ракета летит уже по инерции, ее нельзя отклонить с пути, можно лишь уничтожить. Кроме того, именно в это время ее головная часть делится на боеголовки. Их-то и должны будут сбивать установленные на спутниках самонаводящиеся мало-

габаритные ракеты, или электромагнитные пушки, способные сообщать своим боевым зарядам скорость до нескольких десятков километров в секунду, или, наконец, те же устройства направленных пучков частиц. Для лучшей надежности такой противоракетной обороны (ПРО) проектируется и третий ее слой — разного рода противоракеты уже не космического, а земного базирования.

Так вот, абсурд самой идеи СОИ состоит в том, что ни эти три эшелона ПРО, ни любое иное их количество в принципе не способны гарантировать уничтожение всех ракет противника, не говоря уж о всех боеголовках. А ведь каждая несет ядерный заряд, способный испепелить крупный город.

— Это понятно: в ядерной войне для систем ПРО верен только один принцип «все — или ничто». Но на чем зиждется ваша, Борис Викторович, убежденность, что даже самые сложные и дорогостоящие противоракетные системы не смогут обеспечить стопроцентной защиты всей территории страны! Ведь техника постоянно совершенствуется, использует все новые и новые физические принципы. Например, говорят о сверхмощных фторводородных и других химических лазерах, расположенных на Земле. Луч их должен улавливаться неким космическим зеркалом и направляться на цель. В американской печати упоминается и о рентгеновских лазерах с ядерной накачкой, то есть космических устройствах, внутри которых в нужный момент взрывается небольшая атомная бомба типа сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. Особые оптические стержни преобразуют этот взрыв в лучи, несущие огромную энергию каждый к своей цели. Кстати, американцы в последнее время проводят ядерные испытания в основном именно таких небольших бомб. Видимо, возможны и другие пути совершенствования систем ПРО!

— Конечно, возможны. Но возьмем ваш последний пример. Чтобы несколько оптических стержней смогли послать лучи к разным целям, сами цели эти должны появиться одновременно. Но что стоит нападающей стороне, зная механизм «ядерной накачки», немного разнести во времени старты своих ракет, а то и запускать ложные цели? Это пример типичный. В конце концов, если противник построил какое-то количество чудовищно дорогостоящих космических станций, способных сбить столько-то боевых ракет, то уже одним только простым увеличением числа ракет можно лишить подобную систему ПРО практического смысла. И конечно же, не составляет особых трудностей увеличить и число боеголовок на одной ракете за счет «пустышек» — воздушных шаров. А ведь ракета, не говоря о боеголовке, несравненно проще и дешевле, чем такая станция ПРО.

Можно также еще осуществлять ложные запуски, рассеивать в космосе всякого рода помехи, подрывать стан-

ции космическими минами. И опять-таки все это куда легче, чем сбить ракету. Вспомним, что космическая станция — это ведь летающий по определенной орбите спутник, который можно наблюдать ежедневно и легко пристреливать любым противоспутниковым оружием.

Вообще надо сказать, что сама по себе идея СОИ как бы основана на предположении: противоположная сторона не будет оказывать ей противодействия. Недаром, когда министр обороны США, пытаясь убедить противников «звездных войн» внутри своей страны, ссылаясь на то, что и в высадку астронавтов на Луну многие в свое время тоже не верили, — он в ответ услышал: «Да, но Луна не сопротивлялась!..»

— В чем же тогда опасность СОИ для человечества, если это просто пустая трата гигантских средств!

— Главная опасность — резкое увеличение вероятности возникновения ядерной войны. Сегодня вполне обоснованно считается, что «тот, кто стреляет первым, умирает вторым». А иллюзия ракетного щита способна вызвать у горячих голов ощущение относительной безопасности. Можно ведь и так думать: вот я выстрелю всеми своими ракетами первым, а ответный удар по моей территории будет небольшим, так как многие ракеты противника сразу окажутся уничтоженными — еще в шахтах или на кораблях, а потом уже ослабленный подобным образом ответный удар я перехвачу своей космической системой ПРО... Американские стратеги даже изобрели для убедительности подобных рассуждений столь противоестественный термин, как «приемлемый ущерб».

Иными словами, сторона, располагающая хотя бы частичным ракетным щитом, может оказаться перед искушением нанести упреждающий ядерный удар. Ну а противоположная сторона — я уже говорил об этом — в виде ответа на такую систему ПРО может пойти на увеличение количества ракет. Сама жизнь, как говорится, толкает ее на это. Анализ показывает — и об этом точно и четко сказал товарищ М. С. Горбачев при встрече с президентом Рейганом в Женеве, — что равновесие в вооружениях, которое сейчас установилось, очень легко нарушается (или кажется, будто оно нарушается), если вводятся какие-то новые элементы наступательного или оборонительного оружия.

Сейчас под жестокими ударами критики американская администрация стала говорить, что ведутся лишь исследовательские работы. Но десятки миллиардов долларов, разумеется, не могут расходоваться зря, они должны приносить некую отдачу. Так что и в таком подходе кроется

возрастающая опасность. Именно поэтому советское правительство предлагает не только не создавать системы ПРО, но и не вести по ней никаких разработок.

— Приходилось слышать утверждение, что заключать подобного рода соглашения, мол, нельзя, так как нет возможности проконтролировать, ведутся ли противоположной стороной научно-исследовательские работы в данном направлении или нет.

— Любые поисковые работы в области ПРО неизбежно сопровождаются созданием натурных макетов, а их скрыть невозможно. Ведь уже сегодня средства контроля, предусмотренные заключенными между нами и США договорами ОСВ-1 и ОСВ-2, достигли такого совершенства, что одна сторона не может построить собачью конуру на военной базе без того, чтобы противоположная сторона немедленно не узнала об этом.

Хотел бы в заключение сказать еще об одном крайне важном факторе, оказывающем сильное, быть может, даже решающее влияние на обстановку в космосе.

Когда мы говорили о проблемах СОИ, то имели в виду, что участвующие в возможном конфликте стороны сами принимают некоторые решения, сами оценивают сложившуюся ситуацию, то есть такие решения принимают люди. Однако с появлением в космосе сложнейшей системы ПРО положение это изменится коренным образом...

За те сто — триста секунд, что окажутся в распоряжении противоракетной станции с момента, как она впервые засечет цель, и до того мига, как она начнет действовать, аппарата просто не успеет оповестить о происходящем ни Пентагон, ни президент. Она начнет работать самостоятельно, в автоматическом режиме: ей ведь надо успеть не только обнаружить неведомый объект, но и опознать в нем именно ракету, а не ложную цель, выяснить, своя она или чужая, начать ее сопровождение, вычислить параметры траектории и пустить в действие противоракетное оружие. И все это нужно сделать в кратчайшее время, — человек никак не сможет при этом переработать необходимую информацию.

Значит, вместо политических и военных деятелей принимать решения будут автоматы. Иными словами, судьбы мира ставятся в зависимости от исправности и отлаженности электронных схем. А ведь при их невероятной сложности, перенасыщенности многочисленными элементами очень велика вероятность неисправности. И ни многократное дублирование, ни любые другие головоломные способы повышения надежности аппаратуры не смогут гарантировать ее стопроцентную исправность.

Тем более что противоракетные станции должны находиться на орбите долгие годы, даже десятилетия, в ожидании возможной ракетной атаки противника. Недавняя трагедия, происшедшая с американским кораблем «Чалленджер», глубоко переживаемая всеми людьми, особенно теми, кто имеет отношение к космосу, показала: неполадки возможны даже в самой совершенной конструкции. Ведь «Чалленджер» — система чрезвычайно высокой надежности,

● «Защищай голову, она у тебя одна» — плакат, получивший одну из премий на международном конкурсе (ФРГ).

многократно испытанная, многие узлы ее не просто дублированы, но пятикратно резервированы. Американцы даже отказались в своих космических кораблях класса «Шаттл» от систем автоматического спасения экипажа — таких, как, скажем, у нас на «Союзах», где на любом этапе запуска ракеты и ее полета предусмотрены специальные меры сохранения жизни людей.

Но СОИ — система в техническом отношении значительно сложнее «Чалленджера», и вероятность ошибки здесь много больше. Создается, таким образом, ситуация, словно взятая из научной фантастики: человечеству грозит гибель со стороны автоматов, им же созданных!

Вот почему все больше ученых мира решительно вступает в борьбу с самой идеей ядерного космического ракетного щита. Я член комитета «Советские ученые за мир, против ядерной угрозы» и рассматриваю нашу беседу как выполнение своего долга ученого. Гонка вооружений, в том числе создание новых противоракетных систем — это безумие. Судьбы мира, нашей цивилизации должны решать не автоматы, а люди. Причем люди, четко осознающие свою ответственность перед человечеством.

ХРИСТИАНСТВО О ВОЙНЕ И МИРЕ

Л. МИТРОХИН,
доктор философских наук

Даже беглый взгляд в прошлое убеждает, каким сложным, неоднозначным было отношение христианских идеологов к войнам.

...Безжалостные крестовые походы для освобождения «гроба господня», зловещие полчища крестоносцев, все сметающих на своем пути, религиозные войны, Варфоломеевская ночь, костры и застенки инквизиции. Через всю историю проходят призывы духовенства «ради Христа» быть готовыми убить или оказаться убитыми. Подобных фактов бесчисленное множество.

Но не забудем и о другом.

В европейской мысли именно Новый завет впервые недвусмысленно осудил насилия и войны как несовместимые с учением Христа и этот взгляд разделяли ведущие богословы I—IV веков. Впоследствии, правда, церковные идеологи выдвинули понятие «священной» войны и охотно применяли его, оправдывая разбойничьи агрессии и массовые убийства. В эпоху Возрождения-Ренессанса, однако, выступила целая плеяда выдающихся христиан-гуманистов (Эразм Роттердамский, С. Франк, М. Монтень и др.), осудивших войны как проявление варварства и жестокости. Более того, именно в русле протестантизма возникли «секты», с порога отвергавшие любые войны и собственное участие в них. Позже эта доктрина получила наименование «пацифистской». Те же процессы совершались и в России. Если православная церковь послушно осваивала захватническую политику царизма, то многие «еретические», «сектантские» группы (молокане, духоборы, толстовцы и др.) отстаивали пацифистские позиции. Таким образом, обнаруживается удивительная картина: последователи «богооткровенной» религии, апеллирующие к непререкаемому авторитету Библии, упорно отстаивали различные, а порой и взаимоисключающие взгляды на войну. Подобное положение сохранилось и поныне.

Можно ли выявить какие-то устойчивые закономерности возникновения столь разноречивых интерпретаций войны, объяснить сам механизм их формирования? Лишь в этом случае мы вправе говорить не просто об описательном, но о теоретическом,

философском подходе к данной проблеме. Немаловажен и другой момент. Наша тема представляет не чисто академический интерес. Предотвращение ядерной катастрофы ныне выступает (и все более осознается) как первоочередная глобальная задача. Ее успешное решение во многом зависит от активных действий миролюбивых сил. И здесь роль религии никак нельзя приуменьшать.

В самом деле, большинство населения земли — верующие, на мироощущение которых несомненное влияние оказывают религиозные идеологи. Так что сила, эффективность массового антиядерного протеста во многом зависит от того, что проповедуется как «божественная» истина: политика мира и добрососедства или культ «священной» войны и гонка вооружений. Попытаемся поэтому рассмотреть тему «Христианство о войне и мире» в общей форме, учитывая всю специфику реальностей нашего времени.

Порой рассуждают так. Поскольку христианство (как, впрочем, и всякая религия) по своей сути антигуманно, то оно, естественно, поддерживает реакционные политические силы и, в частности, одобряет захватнические войны. Если же его отдельные представители ныне выступают в защиту мира, — то это нетипичные исключения, свидетельствующие об отходе от самой природы религии.

При всей внешней «принципиальности» данный подход представляется нам поверхностным, он воспроизводит ограниченность домарксова атеизма, не понимавшего социальную суть христианства и историческую обусловленность его отдельных форм. Во всяком случае, мы не сможем разобраться в современной обстановке, если ограничимся общим противопоставлением «божественного» и «человеческого». Главное — объяснить «небесное» (в том числе и теологические интерпретации войны) как специфическую форму воплощения «земного», посягательство на мироощущение, выявляя характерные взаимоотношения религии с другими сферами общественной деятельности — с экономикой, моралью, политикой. Особенно важно последнее: война — это продолжение именно политики.

Оценка любой войны требует совершенно конкретного подхода. «Надо разобраться, — говорил В. И. Ленин, — из каких исторических условий данная война вытекла, какие классы ее ведут, во имя чего»¹. Эта специфика вызывает особое отношение к войне различных классов и социальных слоев, характерную расстановку и конфронтацию идеологических сил. Если же вера в сверхъестественное составляет существенный компонент господствующей идеологии (как это было, например, в средние века), то подобный процесс неизбежно охватывает и сферу религиозного сознания. При этом обнаруживаются довольно запутанные взаимозависимости.

С одной стороны, особенность данной войны вызывает определенные — порой «еретические» — изменения в религиозных представлениях масс, и церковь не может игнорировать эти идущие «снизу» сдвиги. С другой — она стремится как-то ассимилировать их в рамках социально-охранительных доктрин и навязать их «сверху» — чтобы, в конечном счете, идеологически обеспечить политику — в том числе и милитаристскую — правящих кругов.

По аналогичной схеме формируются и соответствующие теологические концепции. Здесь, правда, речь идет о более длительных периодах, и заметные богословские новации происходят лишь в случае существенных изменений в социальной природе войн, способах их ведения и, следовательно, возможных последствиях.

Такова, повторим, общая модель. Ее приложимость к реальной истории станет очевиднее, если посмотреть на некоторые типичные эпизоды в истории христианства.

В философско-социальной мысли античности, отразившей мировосприятие рабовладельцев, войны рассматривались в духе господствующих космологических представлений — как события естественные и неизбежные. Первоначальное же христианство, бескомпромиссно отвергнувшее казенные порядки и ценности, четко провозгласило принцип равенства всех людей перед богом, ненасилия и, естественно, расценило войны, как деяния, с «духом евангелий» несовместимые. Однако по мере того, как христианство привлекало представителей имущих слоев и в конце концов стало «имперской» религией, идея несовместимости войны с учением Христа все настойчивее ослабевала. Уже в V веке Августин Аврелий обосновывает понятие о «священной войне» в защиту церкви и веры. Его воззрения надолго определили отношение католических теологов к данной проблеме.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 32, с. 78.

Чем объяснить столь решительный поворот? Ответ можно получить лишь путем реконструкции «земной», социальной основы подобных взглядов. «Христианство,— подчеркивал Энгельс,— как и всякое крупное революционное движение, было создано массами², которые искали выход из мучительных противоречий практического существования. И «такой выход нашелся. Но не в этом мире»³. В первоначальном христианстве речь шла о ненависти к существующему строю, о вере в близкий сокрушительный слом имперского порядка, правда, не человеческой, но божественной силой. Постепенно, однако, оно утрачивает свой «демократическо-революционный дух»⁴ и перерождается в морализаторскую доктрину, острейшую направленную в сердце человека, осознавшего себя грешником.

На первое место выдвигается искупительная жертва Христа как гарантия «спасения» людей, которое обеспечивается верой в эту жертву, а не социальной активностью. Надежда на «внешний», физически осязаемый катализм общества сменяется идеей «революции духа», незримо совершающейся в душе грешника.

Таким образом, возмеченный Христом «мир» все более понимается как мир внутренний, «духовный», вполне совместимый с социальными противоречиями, с жестокостью, насилием и, в конце концов, войнами. Эта эволюция, несомненно, отразила крах прежних надежд, растущее чувство безысходности и отчаяния «нижних слоев», равно как и логику формирования официальной религии. Христианские интерпретации войн теперь ориентируются не на миролюбивые упования масс, а на политические интересы правящей верхушки. Одной из форм их апологетики и стало понятие «священных» (то есть, санкционируемых Ватиканом) войн, детально разработанное католическими теологами (Фома Аквинский, Фр. Суарес и др.).

Конечно, говорили они, мир — это благо, это идеал, к которому нужно стремиться. Однако война как таковая — не обязательно зло и в определенной ситуации, а именно для защиты законной власти и интересов церкви, участие в ней — «высший» долг каждого верующего. Если же учесть, что в средние века церковь представляла собой разветвленный социальный институт, непосредственно вовлеченный в политические конфликты, то нетрудно понять, почему концепция такого рода систематически применялась для оправдания захватнических, агрессивных, кровопролитных войн.

Зависимость теологических интерпретаций войны от политической реальности ясно выступает и в другой переломный этап в истории хрис-

тианства — в эпоху формирования раннего капитализма. Буржуазный порядок утверждался в упорной, часто вооруженной борьбе с феодальными порядками. Поэтому его идеологи настаивали на «справедливости» войн за утверждение ценностей капиталистического общества: свержение феодальных «тиранов» и средневековых политических режимов. В то же время развивавшиеся промышленность и торговля страдали от междоусобных войн. Нередкими в ту пору были и вооруженные восстания «низов», а также попытки реставрации прежней политической власти. Все эти многоплановые общественно-политические коллизии обусловили новые моменты в истолковании войн. Естественно, мы не будем останавливаться на всех появившихся в ту пору многочисленных доктринах⁵, а упомянем лишь те, которые непосредственно связаны с нашей темой.

Идеология Возрождения, ориентировавшаяся прежде всего на проблематику философии и науки, на искусство и литературу, выдвигала идеал самоценной личности, культ свободного разума и «естественных» прав человека. Ее последователи, как правило, подчеркивали жестокость, бесчеловечность массовых организованных убийств. По-иному эпоха заявила себя в рамках собственно теологии. Проникнутые фанатизмом доктрины официального протестантизма по своей жестокости никак не уступали католическим. Напомним о призыве Лютера убивать, травить и уничтожать восставших крестьян как бешеных собак, о терроризме жевеского правления Кальвина. Сомнения в правомерности вооруженного насилия «ради веры» у них не возникало. Иным стал лишь критерий его применения, в религиозной форме отражавший социально-политические интересы формирующейся буржуазии. В этом отношении наиболее характерен кальвинизм, в котором, как подчеркивал Энгельс, буржуазия нашла «готовую боевую теорию»⁶.

Сложнее складывалось отношение к войне представителей народной Реформации. Некоторые из них выдвигали требования немедленного установления «царства божьего» на земле, обличали имущественное неравенство, эксплуатацию и призывали к решительным вооруженным действиям. Это была выраженная в религиозной форме идеология революционного протеста крестьянства и плебейских слоев, проявившаяся прежде всего во время Крестьянской войны в Германии. Наиболее ярким и талантливым выразителем таких взглядов был Томас Мюнцер.

Среди же мелкобуржуазных и плебейских слоев, смирившихся с гнетом и преследованиями, стали возникать пацифистские группировки, «секты», которые выступали против насилия,

жестокости и, разумеется, против всяких войн. Примером могут служить «швейцарские братья», «мирные» анабаптисты (меннониты) и «Общество друзей» (квакеры). Однако в ту эпоху революций, народных бунтов, национальных войн миролюбивые призывы не могли получить сколько-нибудь заметного отклика. В итоге религиозных миротворцев с одинаковым усердием преследовали и католики, и протестанты.

Уже такой предельно схематический экскурс в историю позволяет сформулировать некоторые общие соображения. Как мы видели, религиозные интерпретации войн утверждались как часть, фрагмент мироощущения отдельных классов и социальных групп. Поскольку, однако, в средние века религия была преимущественно массовой идеологией, то именно христианские проповеди служили эффективным средством манипуляции социальными представлениями людей, способом стимуляции их воинственной активности.

Итак, можно подвести некоторые итоги.

Христианство в ложном, фантастическом виде объясняет причины войн, рассматривая их как проявление «греховности», «гнева господня», решение благочестивой задачи сокрушить «неверных» — и т. п. Поэтому господствующая церковь имела полную возможность освящать именем бога войны захватнические, несправедливые, приравнивая участие в них к проявлению высшего христианского долга. Вместе с этим угнетенные классы нередко использовали религию для обоснования своих вооруженных выступлений против социальной несправедливости. Данные констатации, собственно говоря, дают ключ к пониманию современной ситуации.

Проблемы войны и мира оказываются в центре общественного внимания прежде всего во время подготовки и в ходе ведения войн, особенно если они затрагивают судьбы многих стран и народов. Таким событием, естественно, стала первая мировая война, когда произошло отчетливое размежевание милитаристского и антивоенного лагерей. При этом религиозные организации играли весьма активную роль как в воинственных призывах к «войне до победного конца», так и в миролюбивых выступлениях.

Аналогичная ситуация сложилась в преддверье и в годы второй миро-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 8.

³ Там же, т. 22, с. 483.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 43.

⁵ См. кн. И. С. Андреевой «Проблема мира в западноевропейской философии» (М., 1975), а также статьи И. С. Андреевой и Е. Г. Панфилова в коллективном труде «Проблемы войны и мира» (М., 1967).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 308.

вой войны, беспрецедентной по числу жертв и материальному ущербу. Казалось, ее уроки надолго останутся в памяти человечества. Вскоре, однако, началась «холодная война», сопровождавшаяся все ускоряющейся гонкой вооружения, стали вспыхивать локальные вооруженные конфликты. В эти годы движение за мир принимает все более массовый и решительный характер. К тому имелись глубокие причины.

Атомный смерч над Хиросимой и Нагасаки засвидетельствовал, что человечество вступило в эру, когда война способна поставить под угрозу судьбы человеческой цивилизации. Такая опасность стала особенно устрашающей после размещения ядерного оружия в странах Западной Европы и принятия программы НАТО по ее довооружению. В результате конец 70-х годов ознаменовался беспрецедентным взрывом антиядерного протеста, охватившего Европу, США, Канаду, Японию и другие страны. При этом движение за мир закономерно приобрело качественно новые характеристики.

Одной (и для нас сейчас наиболее существенной) чертой стало изменение отношения к войне — как в массовом религиозном сознании, так и в позиции большинства христианских церквей. Естественно, мы не будем описывать отношение к войне различных религиозных организаций. Тем более, что об этом немало говорилось в нашей печати⁷. Выделим лишь некоторые принципиальные моменты.

Самое главное, пожалуй, состоит в том, что прежние весьма существенные различия в вероучениях и социальных программах между отдельными христианскими течениями все более стираются в единодушном протесте против развязывания новой мировой войны. В западной (а иногда и в нашей) литературе эти выступления часто именуются «пацифистскими». Каков реальный смысл такой квалификации?

Мы уже говорили о пацифистских доктринах, возникших в XVI—XVII веках. То был особый «религиозный», или «абсолютный» пацифизм, отвергавший любую войну. Так, меннониты и квакеры категорически отказывались брать в руки оружие — даже для защиты собственной жизни. Подобные воззрения сохранились до сих пор, но не они являются преобладающими.

Ныне антивоенные выступления прежде всего направлены против ядерной войны. Лишь с учетом этого можно понять смысл «пацифистских» призывов к одностороннему разоружению, замораживанию гонки вооружений, выступлений против размещения американских ракет в Европе и т. п.

Словом, это особый («относи-

тельный», «ограниченный» или, как его обычно называют, «ядерный») пацифизм. Но именно здесь голос христианских организаций часто звучит предельно бескомпромиссно⁸.

В качестве примера можно указать на протестантские церкви Нидерландов, Дании, ФРГ, которые нередко выступают инициаторами антивоенных демонстраций. То же самое можно сказать о протестантских церквях США, прежде всего о баптистах, методистах, пресвитерианах, не говоря уже о квакерах. Весьма показателен, скажем, тот факт, что известнейший евангелист Билли Грейэм, едва ли не официальный пастор США, в последние годы активно включился в антивоенную пропаганду. Антивоенные мотивы все отчетливее проявляются и в позиции англиканской церкви.

Уместно предостеречь против упорщенного объяснения причин активизации антивоенных выступлений. Порой рассуждают так: встревоженные кризисом религии, сокращением паствы, церковники вынуждены «приспосабливаться» к настроениям рядовых верующих, так сказать, «поспешать за веком». В этом, на наш взгляд, ощущается привкус домарксовской концепции «обмана», а термин «приспособление» мало пригоден при объяснении серьезных социальных переориентаций позиции церкви. Напомним принципиальное положение Ф. Энгельса: «Религии создаются людьми, которые сами ощущают потребность в ней и понимают религиозные потребности масс...»⁹ Сейчас же, когда миру угрожает ядерная катастрофа, нет серьезных оснований сомневаться в том, что и духовенство, как правило, искренне озабочено этой опасностью. Другое дело, что свои взгляды оно формулирует с учетом как собственного вероучения, так и многих «местных» факторов. Например: имеет ли страна собственное ядерное оружие, входит ли она в НАТО, какова расстановка политических сил в стране и т. п. Так, английский «Комитет за ядерное разоружение» на первый план выдвигает требование одностороннего отказа от собственного ядерного потенциала. «Пацифисты» Голландии и Дании выступают прежде всего против размещения американского оружия на своей территории. Представители скандинавских стран особо настаивают на создании безъядерной зоны, а Японии — на запрете присутствия кораблей, оснащенных ядерным оружием, и т. п.

Все эти факты, как нам представляется, иллюстрируют основную идею статьи: конкретные политические позиции церкви определяются не религией как таковой или противоположностью христианской и светской морали. Они, пусть в весьма опосредованном, превращенном виде

оформляют, санкционируют характерные для данного общества политические установки, приспособляя традиционные христианские представления к определенным классовым интересам. Такая зависимость наиболее рельефно, пожалуй, проявляется в деятельности современной католической церкви. В прошлом, как известно, она была тесно связана с наиболее реакционными, милитаристскими кругами. Сегодня положение изменилось. Многие католические священники участвуют в антивоенных движениях. Для объединения и координации их действий создана международная организация «Пакс Кристи», куда вошли католики многих стран мира. Немалые перемены происходят и в Ватикане. Начиная с известной энциклики Иоанна XXIII «Пацем ин террис» («Мир на земле», 1963) официальные послания Ватикана обычно содержат призывы к прекращению гонки вооружений, запрещению атомного оружия, предотвращению ядерного конфликта.

Особенно показательна позиция католической церкви США, которая в последние годы все решительнее выступает против агрессивной внешней политики администрации США. Свообразным апофеозом этих тенденций стал обнародованный в 1982 году проект пастырского послания Национальной конференции епископов США. «Мы считаем, — говорилось в нем, — что разумные политические цели не оправдывают моральной ответственности за развязывание ядерной войны». Проект выдвигает требование замораживания и последующего сокращения ядерного арсенала США, прекращения испытаний ядерного оружия и т. п. Больше того, проект предписывает верующим стремиться избегать участия в деятельности, связанной с ядерным бизнесом. Известно, что в авторитарной структуре католицизма епископат играет весьма важную роль. Если же учесть, что в США на-

⁷ См., например: Ковальский Н. А. Борьба против военной угрозы и религиозные силы. — «Международная жизнь», 1983, № 6; его же. Церковь и ядерная война. — «Новое время», 1983, № 31; его же. Расширение антивоенной борьбы. — «Наука и религия», 1983, № 7; Ершова Е. Н. Цепная реакция антиядерного движения. — «США: экономика, политика, идеология», 1982, № 8; Гладков П., Кортуюв В. Антивоенное движение в США. — «Международная жизнь», 1982, № 10; Антиядерный протест в Северной Америке. — «Проблемы мира и социализма», 1982, № 11; Митрохин Л. Н. «Христианство и борьба за мир». — «Вопросы философии», 1984, № 11; Орел В. Антивоенное движение: достижения и перспективы. — «Коммунисты и верующие». — «Коммунист», 1984, № 12; Ковальский Н. А. Коммунисты и верующие. — «Коммунист», 1984, № 13. Данной теме посвящен ряд статей в выпуске 33 «Вопросов научного атеизма». М., 1985 и др.

⁸ Подробнее см.: Митрохин Л. Н. К вопросу об истоках и роли современного пацифизма на Западе. — Коллект. труд «Вопрос всех вопросов». М., 1985, с. 90—116.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 308

считывается свыше 50 миллионов католиков, то понятно, почему администрация развила лихорадочную деятельность, стремясь дискредитировать этот документ, кроме всего прочего, поддержанный многими крупнейшими протестантскими церквями страны.

Показательнейший факт: сам президент США 8 марта 1983 года счел необходимым обратиться к Национальной евангелической ассоциации с речью, в которой всячески стремился дискредитировать антиядерное движение и прежде всего требование замораживания ядерных арсеналов, которое, по его уверению, «неминовемо ослабит США». В своей речи он настойчиво пытался связать веру в бога с враждебным отношением к социалистическим странам, возвести агрессивную политику США в ранг служения вечным истинам и нормам евангельской нравственности. Впрочем, не станем проследивать все перипетии этой истории — она подробно описывалась в нашей печати¹⁰. Здесь, однако, выявляется другая, крайне важная сторона нашей темы.

Да, теологические интерпретации отражают реальные социально-политические позиции, ориентиры, программы. В классово-антагонистическом обществе они неизбежно противоречивы, вступают в отношения конфронтации, борьбы. Так что главное здесь не в разделении духовенства и рядовых верующих, в общей несовместимости «религиозных» и «светских» ценностей, а в конкретной расстановке политических сил, которые охотно и небезуспешно используют веру в бога для обоснования своих позиций.

Механизм такого влияния понять несложно. В религиозных интерпретациях политические установки отрываются от породивших их «земных» причин и преподносятся как элементы «от века» существующих теологических доктрин. То, что раньше воспринималось как «живые», непосредственные суждения, теперь получает статус высшей божественной истины. Подобные проповеди не могут не воздействовать на взгляды верующих и нередко воспринимаются как авторитетное и окончательное решение тревожных проблем.

В этой связи поучительна карьера Джерри Фолуэлла, основателя «Морального большинства». По свидетельству «Вашингтон пост», он является одним из «духовных лидеров в администрации Рейгана, другом президента». По некоторым оценкам, не менее 18 миллионов человек регулярно слушают его радио- и телепроповеди.

Восхождение Дж. Фолуэлла к славе объясняется просто: глашатай ультраправых кругов, воинствующий антикоммунист, приверженец маккартизма, он всплыл на волне антисо-

ветизма, милитаризма, агрессивного внешнеполитического курса США. Но нас сейчас интересует другое: каким образом он сумел обеспечить себе столь многочисленную паству рассуждениями о необходимости гонки вооружений.

Отношение американцев к ней неизбежно противоречиво. Под влиянием постоянных запугиваний ядерным ударом со стороны «Советов» они нередко одобряют наращивание средств ответного «возмездия». Одновременно они не могут не осознавать смертельную опасность такой политики. Фолуэлл же предлагает доктрину, декларирующую неизбежность и даже благотворность ядерного апокалипсиса.

Эсхатологические сюжеты, вообще говоря, широко распространены в современной Америке. Но обычно они преподносятся как проповедь «возмездия» за грехи, как способ интенсификации религиозных чувств. В проповедях Фолуэлла присутствует теологическая «новинка»: «конец света» совершится, говорит он, уже при жизни нынешнего поколения и будет не чем иным, как ядерной войной. Выясняется, что подобные проповеди находят свою аудиторию.

Так, канадская газета «Глоб энд мейл» от 13 января 1985 года сообщает, что по меньшей мере 8 миллионов американцев верят в близкий «конец света». «Больше того, — говорится в ней, — они убеждены, что сами «вознесутся» на небо прежде, чем все начнется. Они почти уверены, что наше поколение, — последнее на земле; и у них нет ни малейшего сомнения, что Гог из пророчества (Иезекииля. — Л. М.), — это Советский Союз».

Не стоит игнорировать реальную опасность таких интерпретаций Библии. Газета напоминает, что воззрения Дж. Фолуэлла оказывают влияние на виднейших американских политиков, в том числе и на президента, который не раз публично высказывал сходные соображения. В частности, газета приводит такое его заявление: «Я вновь обращаюсь к нашим древним пророкам из Ветхого завета и к знакам, предвещающим армагеддон, и я поневоле задаюсь вопросом, не мы ли то самое поколение, которое станет его свидетелем». В устах президента США подобные суждения звучат уже зловеще.

Укажем и на другой излюбленный сюжет проповедей Фолуэлла: Сатана действует через атеистов, которые, разумеется, стремятся ввести в заблуждение истинных христиан. Поэтому последние должны сделать все, чтобы ликвидировать происки дьявола. Тем самым освящается любая агрессивная внешняя политика, а выступления против ядерного оружия отвергаются, как богопротивные. Таков предлагаемый проповедниками

«Морального большинства» способ разрешения противоречий в отношении к гонке вооружений, о котором мы говорили выше. Так что Эндрю Лэнг, директор по научным исследованиям Христианского института имел все основания сказать: «Вся доктрина армагеддона разрешает это противоречие... Да, в конце концов ядерная война разразится, но явится Иисус Христос и остановит ее, прежде чем человечество будет уничтожено. В этом смысле теология армагеддона, на мой взгляд, религиозный аналог утверждению, будто ядерную войну можно пережить». Подтверждая неизбежность ядерной войны библейскими пророчествами, продолжает он, фундаменталисты создали «безупречное оправдание для идеологии холодной войны и наращивания вооружений. Они объявляют русских дьявольским противником, с которым невозможно достичь никакой договоренности».

В заключение невольно возникает вопрос: если христианство способно освящать различные — милитаристские и антивоенные — движения, не значит ли, что оно стоит «над схваткой» и «нейтрально» в отношении острых политических конфликтов? Какая, собственно говоря, разница, религиозная или научная основа определяет антивоенное движение и насколько важен здесь критически-атеистический подход?

Как мы видели, религиозная оболочка может интенсифицировать, стимулировать антивоенные выступления, придавать им дополнительную энергию. Однако объяснение, которое дает религия войнам, по-прежнему остается иллюзорным, ненаучным. И по мере того как такое движение обретает социальную содержательность и сталкивается с противодействием политических сил, по мере неизбежного углубления классового самосознания его участников эта ограниченность начинает чувствоваться все острее, все настоятельнее обнаруживается потребность в выработке программы действий, которая опиралась бы на достоверные представления о законах социального развития. Именно эта особенность, вообще свойственная религиозно-общественным движениям, определяет и значение атеистической, научной критики так называемого религиозного фактора: она раскрывает действительные причины гонки вооружений, помогает выработку целей и методов, приближающих человечество к решению исторической задачи — полной ликвидации ядерного оружия.

¹⁰ См., например: Филатов С. Б. Католическая церковь и внешняя политика США. — «США: Экономика. Политика. Идеология», 1984, № 5; Великович Л. Н. Церковь и проблемы войны и мира. — «Вопросы научного атеизма», выпуск 33, 1985.

ДЖИХАД

А. САГАДЕЕВ,
кандидат философских наук

С ДАВНИХ ПОР существует миф о враждебности и несовместимости христиан и мусульман. В сознании жителей мусульманского Востока сохранился образ христианина — завоевателя и агрессора, разрушителя традиций, навязывающего им чуждую западную культуру. А для некоторых европейцев и по сию пору мусульмане — это фанатики, готовые убивать всех, не согласных с их верой. В этих веках живущих стереотипных представлениях явственно слышится эхо и крестовых походов, и османских завоеваний, и колониальных войн XVIII—XIX веков. Заметны в них и следы религиозной проповеди, которая всегда подменяла социально-классовые причины явлений божественным промыслом, выводила национальные черты народа из исповедуемой религии. Таким образом внушалось, что своя религия всегда лучше, гуманнее и миролюбивее, чем чужая.

В средневековой Европе об исламе говорили как о вероучении, повелевавшем своим приверженцам «грабить, забирать в плен, убивать врагов их бога и их пророка, преследовать и уничтожать их всячески» (Педро де Алфонсо), а о мусульманах — как о людях, которые «так ревностны в своей религии, что, где бы ни захватывали власть, безжалостно обезглавливают всех, не исповедующих их веры» (Гумберт Романский). Мухаммед, писал Фома Аквинский, — это апостол насилия, ибо в отличие от христианства, принимаемого народами по доброй воле, ислам насаждается повсюду оружием. (Современный английский востоковед У. Монтгомери Уотт замечает по поводу этих высказываний: «Удивительно, как люди, участвовавшие в Крестовых походах, могли допускать, что их собственная вера — религия мира, а вера их противников — религия насилия»¹.)

В эпоху колониальной экспансии, когда секуляризация европейского общества сделала бессмысленным «облагораживание» захватнических походов метафорой «священной войны», моральным обоснованием их стала идея извечного противостояния двух полюсов человечества — «цивилизованного» Запада и «нецивилизованного» Востока. Однако и эта идея опиралась на стереотип «воинствующего ислама». Почти вся европейская

массовая литература той поры упоминала Иран лишь в связи с войнами, которые шли между ним и Византией; Арабский Восток — в связи с войнами реконкиты и крестовыми походами; Турцию — в связи с османскими завоеваниями в Восточной Европе.

Европейские колонизаторы предпочитали именовать себя первопроходцами «далеких и диких земель», а оказываемое им сопротивление объясняли лишь воинственностью «мусульманских фанатиков». И уже в XX веке французский генерал Гуро после подавления очередного антиколониального восстания арабов пришел к гробнице прославившегося в борьбе с крестоносцами султана Салах ад-Дина, чтобы сказать: «Саладин, ты слышишь? Мы вернулись!»

Но возвращение оказалось недолгим. Мощная волна национально-освободительного движения, рожденная Октябрем 1917 года, многократно усиленная разгромом гитлеровского фашизма и японского милитаризма во второй мировой войне, заставила Запад иначе взглянуть на страны Востока. Тезис об извечном противостоянии двух миров — западного, христианского, и восточного,

мусульманского, теперь не годился. Приходилось с новых позиций переосматривать и традиционную трактовку исламских установок по вопросам войны и мира.

Сегодня бурные социальные процессы, происходящие в мусульманском мире, на Западе называют «исламским возрождением», но в политическом лексиконе остаются и «воинствующий ислам», и «ислам — война», и «солдаты Аллаха», и им подобные выражения, которые, как и прежде, уводят от социального анализа движений, разворачивающихся под знаменем ислама.

Какова же на самом деле концепция войны и мира в исламе, ее юридические и политические толкования?

В современных мусульманских странах религиозной трактовке этих вопросов уделяют большое внимание и богословы, и политические деятели, мотивируя установками ислама свои позиции и по глобальным, и по региональным проблемам.

Отношение ислама к войне и миру выражено в учении о джихаде. Обычно этот термин переводят как «священная война» — то есть война в религиозных целях, во имя религии. Однако такое толкование неверно уже хотя бы потому, что любая война, которую вела мусульманская община, была священной, ибо в ней мирское формально не отделялось от религиозного. Неверно оно и потому, что в истории ислама, как и в истории христианства, едва ли найдется хоть один пример военных действий, которые бы велись исключительно в религиозных целях.

Но при всем том «джихад» в арабском языке обозначает вовсе не войну, а — «старание», «напряжение усилий». На русский это слово лучше было бы перевести как «борьба»: джихадом, так же как и борьбой, могут быть названы действия и военного и совсем невоенного характера. В исламе есть такие понятия, как «джихад сердца», — его толкуют как борьбу с собственными дурными наклонностями, «джихад языка» — «повеление благого и запрет дурного», «джихад руки» — меры в отношении преступников и нарушителей общепринятых нравственных норм и, наконец, «джихад меча» — борьба за утверждение ислама. Как ее вести? Содержание коранических текстов и хадисов (высказываний пророка, засвидетельствованных очевидцами) о джихаде весьма различно, порой противоречиво. Появление таких отличных друг от друга указаний о джихаде в священной писании мусульман вполне закономерно: каждое из них вызывалось отличными друг от друга конкретными условиями жизни мусульманской общины и пророка Мухаммеда на разных этапах его деятельности. И

Американский художник Антон РЕФРЕЖЬЕ (1905—1979) до последней минуты оставался пламенным борцом за мир. В числе многих других работ он посвятил этой теме 15 своих лучших гравюр. Они разные, но в каждой непременно присутствуют два замечательных символа — голубь, олицетворяющий желанный мир, который надо защищать, и руки, оберегающие его, — белые, черные, женские, мужские, резные, но всегда добрые и сильные (см. с. 27).

¹ Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976, с. 101.

это дает почти не ограниченную возможность толкований джихада, а следовательно, и отношения ислама к войне и миру.

В самом деле, пророк Мухаммед в первоначальный период своей проповеди боролся за распространение ислама (т.е. вел свой джихад) исключительно мирными средствами — убеждением. «Зови к пути господа с мудростью, — сказано в Коране, — и хорошим увещанием и препирайся с ними тем, что лучше!» (сура 16, аят 126)². Из этого аята делался и сейчас делается вывод о мирном характере ислама и, значит, о предпочтении решать политические споры мирным путем (что, как известно, далеко не всегда соответствует исторической реальности). Но вот над едва родившейся религией нависла опасность, первые мусульмане переселились из Мекки в Медину, их гонят и преследуют, — и появляется новое откровение: «Дозволено тем, с которыми сражаются, за то, что они обижены... Поистине, Аллах может помочь им, — тем, которые изгнаны из своих домов без права, разве только за то, что они говорили: «Господь наш — Аллах» (сура 22, аяты 40—41). Итак, воевать можно, но при определенных условиях — если надо обороняться: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте (т.е. не нападайте. — А. С.), поистине, Аллах не любит преступающих!» (сура 2, аят 186).

Далее положение первых мусульман складывается так, что их вождь Мухаммед решает: мекканцев-идолопоклонников надо проучить, показать силу новой религии, к тому же набеги на мекканские караваны помогут решить остро стоящие перед общиной проблемы материальные, — и ему «ниспосылаются» откровения, побуждающие мусульман вести войну с неверными вообще без особых условий. Так появился в исламе «джихад меч», который впоследствии был детально разъяснен в трудах по фикху (праву) как «ведение войны с неверными путем нанесения им ударов, изъятия их собственности, разрушения их святилищ, уничтожения их идолов и тому подобного». Иначе говоря, «джихад меч» вначале был направлен против аравийских идолопоклонников, и те места в Коране, где говорится о джихаде «на пути Аллаха», означали борьбу за утверждение в Аравии новой, монотеистической религии.

Такова эволюция понятия «джихад» в первоначальном исламе, когда происходило объединение аравийских племен в скрепленную монотеистической религией конфедерацию. Мухаммед, конечно, не помышлял ни о создании огромной империи, ни о превращении ислама в мировую религию. Когда же первая община аравийцев, принявших новую веру, начинает после смерти ее осно-

вателя завоевывать новые территории, постепенно превращаясь в обширную державу, расположенную на трех континентах, джихад становится знаменем завоевателей. Однако не борьба за веру подвигала аравийцев на войну, а вполне материальные земные цели. Контакты с внешним миром превратились в военные захваты, по существу представлявшие собой продолжение прежних — доисламских — грабительских набегов.

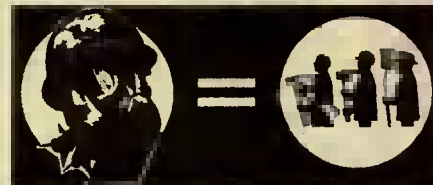
У нового мусульманского государства появилось множество соседей, внутри его были самые различные по статусу регионы и народы. Надо было вырабатывать принципы отношений с ними. И положение о джихаде дополнилось трактовками понятий «дар аль-ислам» — земля ислама, территория полного господства мусульман, «дар аль-харб» — земля войны, то есть немусульманские территории и «дар ас-сухл» — земля договора, то есть владения иноверцев, где мусульмане политической власти не имеют, но пользуются религиозной свободой. Канонические тексты об этих землях весьма различны, поэтому богословы толковали их в зависимости от требований времени.

Теоретически мусульмане постоянно находились в состоянии джихада. Однако на практике даже на завоеванных землях мусульмане не насаждали ислам, как принято думать, лишь силой оружия. Выбор «меч или ислам» предлагался только язычникам. В покоренных странах жило много монотеистов (христиан и иудеев), а также приравнявшихся к ним зороастрийцев — на эти группы населения «джихад меч» не распространялся. Надо сказать, что иноверцы большей частью добровольно принимали ислам, чтобы не платить подушную подать и некоторые другие налоги, взимавшиеся с немусульман. И были целые периоды, когда мусульманские правители отнюдь не поощряли подобного рода «исламизацию», ибо она сокращала поступление подушной подати и наносила ущерб государственной казне.

Несмотря на те светлые перспективы, которые сулил ислам павшим «на пути Аллаха» в загробном царстве и участникам джихада (одна его ночь равна по значению тысяче ночей поста и молитв), военное рвение муджахидов — борцов за веру — было, как правило, невелико. Да и воодушевлялись они преимущественно практическими соображениями, по существу — стремлением получить материальные блага из мира, расположенного за пределами общины.

Идейные, религиозные соображения играли весьма незначительную роль в отношении «дар аль-харб» — земли войны. «Джихад меч» оказывался абстрактным лозунгом и осуществлялся лишь тогда, когда ему случалось совпадать с мирскими инте-

ресами мусульманских вождей. Если не считать ранних арабских завоеваний, военных действий времен крестовых походов, реконкисты, нашествия турок на Балканы, войны средневекового мусульманского мира были в основном войнами внутри самой «общины Мухаммеда», не смотря на то, что ислам запрещает мусульманину убивать мусульманина. История полна примеров, когда в мире ислама, как, впрочем, и в христианском мире, не задумываясь, од-

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСТЕЙ XXVII СЪЕЗДА КПСС

Ларс ВЕРНЕР

(Председатель левой партии — коммунисты Швеции)

■ Совокупные военные расходы всех стран, по данным Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, достигли в 1984 году примерно 800 млрд. долларов. Одновременно четвертая часть населения Земли испытывает нехватку питьевой воды. Два миллиарда людей живут в антисанитарных условиях. Миллионы людей ежедневно страдают от голода и недоедания.

Пяти процентов ежегодных расходов на вооружения было бы достаточно для того, чтобы обеспечить, например:

- обучение грамоте 700 млн. людей;
- обработку сельскохозяйственных площадей, способных прокормить 500 млн. людей;
- предоставление достойных человека жилищ 300 миллионам обитателей трущоб;
- необходимое питание для 200 млн. голодающих детей;
- возможность учиться в школе для 100 млн. детей.

Половины той суммы, которая ежедневно расходуется на вооружения, было бы достаточно для того, чтобы искоренить малярию.

Современный танк стоит столько же, сколько школы для 30 тыс. детей. Средства, которые затрачиваются на строительство одной большой атомной подводной лодки, хватило бы для того, чтобы прокормить 16 млн. детей в течение целого года.

ним взмахом сабли или меча разили иноверца, а другим — брата своего по вере. В то же время жизнь диктовала необходимость поддерживать мир как с внешними, так и с «домашними» иноверцами (последние приносили пользу общине не только тем, что выплачивали подати, но и участием в экономической и культурной жизни), и это побуждало мусульман-

² Коран в переводе Н. Ю. Крачковского. М., 1962. Здесь и далее ссылки даются на это издание Корана.

ских правоведов самым детальным образом разрабатывать нормы взаимоотношений между мусульманами и немусульманами и в условиях войны, и в условиях «перемирия», которое практически длилось столетиями.

Сегодня из столь очевидного обстоятельства мусульманские и некоторые западные исследователи делают вывод о пацифизме ислама. Но он так же неправилен, как и утверждение об особой воинственности этой религии. Да, мусульманская община отличалась относительной веротерпимостью, однако причиной этого было не вероучение само по себе, а — прежде всего — конфессиональная неоднородность среды, где оно возникло.

С течением времени мусульманские правоведы, несмотря на то, что джихад признается коллективной обязанностью мусульман, составили целый свод правил, касающихся освобождения от ее выполнения. Они свидетельствуют прежде всего о том, что индивидуальные обязанности мусульманина в общине были выше коллективных. Так, например, от джихада освобождались люди, не имеющие походного снаряжения; лучшие правоведы; те, кто не получил разрешения родителей на участие в джихаде; должники, которым не дали такого разрешения их кредиторы.

Правила джихада ограничивают действия муджахидов в стане противника. Все школы мусульманского правоведения согласны, например, в том, что в войне с неверными нельзя убивать женщин и несовершеннолетних, если те не сражаются против мусульман. Некоторые ранние исламские богословы считали убийство военнопленного актом недозволенным или, по меньшей мере, достойным порицания. Существует правило временного покровительства, относящееся к немусульманам, — оно обеспечивает неприкосновенность их жизни, свободы и имущества и распространяется главным образом на иностранных послов, а также на купцов и тех, кто прибывает в «земли ислама» для изучения здешнего вероучения.

Конечно, неверно было бы представлять дело так, будто все эти правила неукоснительно соблюдались или что их составители руководствовались чисто гуманистическими принципами (запрет убивать пленных, вероятно, имел целью и пополнение армии рабов или получение выкупа). Но так же неверно было бы утверждать, что они не соблюдались.

Эти правила, представляющие собой толкования концепции джихада и регулирующие взаимоотношения мусульманской общины с внешним для нее миром, именуются ныне в странах ислама «мусульманским международным правом». На его основе сегодня пишется множество работ,

в которых под нормы существующего международного права подгоняются (либо опираются на них) те или иные предписания и заповеди ислама, а шариат модернизируют в соответствии с современными требованиями. Новые толкования даются и кораническим текстам. Так, из слов: «И приготовьтесь для них, сколько можете, силы и отрядов конницы; ими вы устрашите врага Аллаха, и вашего врага, и других, помимо них...» (сура 8, аят 62), — делается вывод, что ислам допускает производство атомного оружия для устрашения потенциальных агрессоров, а из стихов: «Кто же преступает (нападает. — А. С.) против вас, — то и вы преступайте против него подобно тому, как он преступил против вас» (сура 2, аят 190), — о том, что применение этого оружия дозволено для отражения агрессии.

Подобные толкования исламской концепции войны и мира, в сущности, дают возможность оправдывать прямо противоположные по характеру явления в жизни мусульманских стран. С развитием национально-освободительного движения идеи джихада стали знаменем борьбы против колониального господства. В наши дни исламская реакция объявляет джихадом действия против демократического Афганистана. В то время как соседние с Египтом государства объявляли против Израиля джихад, египетский президент Анвар Садат вел с Тель-Авивом мирные переговоры, которые санкционировались египетскими богословами ссылкой на слова Корана: «А если они склонятся к миру, то склонись и ты к нему...» (сура 8, аят 63).

Можно определенно сказать, что многие современные политические деятели мусульманского мира используют идею джихада в пропагандистских целях. Например, как Иран, так и Ирак — враждующие стороны — оправдывают свои военные действия положением ислама о том,

что война дозволена, если жизнь людей в опасности. Иранская печать говорит об оборонительном, то есть законном, с точки зрения ислама, ведении войны против Ирака. Запрет войн между мусульманами забыт обеими сторонами.

Когда сегодня главные международные мусульманские организации записывают в своих документах решение вести джихад, в частности, против Израиля, «всеми имеющимися средствами», то имеются в виду меры политические и экономические. Иначе трактуют джихад ряд шиитских организаций, например «Аль-джихад аль-ислами», предпринявшая в последнее время ряд террористических акций. Как «священную войну» против врагов исламской революции трактуют джихад сегодня шиитские богословы Ирана, жестоко расправляясь с инакомыслящими.

Во многих странах с мусульманским населением больше принимаются во внимание не связанные с войной значения понятия «джихад», подчеркивается их первенство перед его военным смыслом. В подтверждение приводится хадис, согласно которому Мухаммед по возвращении из одного похода сказал: «Мы вернулись с малого джихада, чтобы приступить к великому джихаду». Джихадом называют борьбу за осуществление программ социально-экономического развития и укрепление национальной независимости, а также за выполнение более частных задач, таких, как ликвидация неграмотности, борьба за урожай, против эрозии почв, эпидемий и т. п.

Надо отметить, что многие мусульманские богословы, политические вожди ряда исламских стран, опираясь на «исламскую концепцию мира», основанную на тех моментах священного писания, где говорится о желательности мирного решения конфликтов по сравнению с военным, активно участвуют в борьбе за мир и разоружение. Разумеется, подобные концепции не могут послужить надежным основанием для сохранения мира, но озабоченность судьбами мира — та общая платформа, где могут объединяться различные силы, выступающие за международную безопасность.

Подчеркивание созидательных и мирных аспектов в различных толкованиях древнего понятия «джихад» отражает и новый этап в развитии стран зарубежного мусульманского Востока, добившихся политического суверенитета, и главный императив современности — сохранение мира, спасение цивилизации от ядерной катастрофы. Это еще раз свидетельствует о глубокой неправоте тех, кто пытается делить народы на миролюбивые и воинственные, исходя из догм и заповедей исповедуемой ими религии.

Л. ШЕРЕШЕВСКИЙ

ЛЕТОПИСИ

Про княжеские сказано походы,
Про чью-то гибель, чье-то торжество...
И названы лишь мимоходом годы,
В какие не случалось ничего.

Ни битв, ни смут, ни/памятного пира,
Ни злых разгулов конницы степной,
А только — год от сотворенья мира
Такой-то. Всё. И вслед за ним — иной.

В пустых годах — дожди, жара, прохлада,
Соха на пашне да зерно в горсти.
И нет ни мора, ни огня, ни глада, —
О чем же летописцу речь вести?

На свадьбах — песни, мед хмельной —
на тризне..

И явствует из древних повестей,
Что эти-то года и были жизнью,
А все другие — лишь мешали ей...

ИХ УБИВАТЬ НЕ ЖЕЛАЮ...

ПРОБЛЕМЫ
ВОЙНЫ
И МИРА
В ИНДУИЗМЕ

На поле дхармы, на поле Куру,
сойдяся для битвы,
Что совершили наши, также Пандавы,
Санджая?

Те, кого ради желанны
царство, улады, счастье,
В эту битву вмешались,
жизнь покидая, богатства:

Наставники, деды, отцы, сыны, внуки.
Шурины, тестя, дяди — все наши родные.
Их убивать не желаю, Мадхусудана,
хоть и грозящих смертью,
Даже за власть над тремя мирами,
не то что за блага земные...

С таким вопросом обращается старый слепой раджа Дхритараштра к своему возничему Санджая, обладающему удивительной способностью видеть и слышать на большом расстоянии. Этими словами начинается Бхагавадгита (Божественная песнь) — едва ли не самая почитаемая индусами книга, центральный по значению религиозно-этический текст гигантского эпического комплекса Махабхарата.

В ответ Санджая рассказывает своему господину о приготовлениях к великой и страшной битве, которую вот-вот начнут два родственных клана: Кауравы — сыновья раджи и Пандавы — его племянники.

Вся поэма повествует о последних мгновениях перед братоубийственным сражением, растягивая их на целый философский трактат. Но медлительность ее — только внешняя, внутренний сюжет поэмы закручивается стремительно, и решение основного нравственного конфликта оказывается гениально оправданным...

Арджуна, третий из братьев Пандавов, появляется на поле Куру, светлый, как утренняя заря, в огромной колеснице, запряженной ослепительно белыми конями. Правит колесницей сам бог Кришна. Громко трубят в раковины и рога могущественная армия противника. Но кто противостоит Арджуне, чью кровь он, безупречный, собирается пролить? С ужасом осознает великий воин, что ему предстоит сейчас скрестить оружие с теми, кто связан с ним узами родства, дружбы, наставничества. Решимость оставляет Арджуну, когда по призыву Кришны в последний раз окидывает он взором поле предстоящей битвы. Вот он, страшный момент: чувство долга столкнулось с родственными чувствами.

Стоять я не в силах,
мутится мой разум.
Зловещие знаменья вижу,
не нахожу я блага
В убийстве моих родных,
в сраженьи, Кешава*.
Не желаю победы, Кришна,
ни счастья, ни царства:
Что нам до царства, Говинда,
что в наслаждениях жизни?

И Арджуна отбрасывает свой волшебный лук: «Не буду сражаться»...

Божественный возничий, Кришна, начинает свой ответ страдающему Арджуне. Собственно, ответ этот и есть содержание Бхагавадгиты.

Читатель, проникшийся пафосом Арджуны и ощутивший всю трагичность ситуации, в которой оказался благородный воин, скорее всего, ожидает, что милосердный бог, на время представший в облике темнокожего возничего, разрешит все сомнения героя и вознаградит его за благородные чувства и проявленное сострадание. Но Кришна бесстрастен, ведь он — воплощение Абсолюта, иступленного покаяния Арджуны он не приемлет.

У каждого человека есть своя дхарма — свой долг и предназначение. Грешен и тот, кто уклоняется от исполнения своего долга, и тот, кто берет на себя чужие обязанности. Долг воина — сражаться, и ни Арджуна, защищающий правое дело, ни его противники — Кауравы, заранее обреченные на поражение, ибо выступают защитниками дела несправедливого, не смеют нарушить свою дхарму. Уклоняющийся от боя воин достоин позора. Высшая доблесть воина — встретить свой смертный миг в сражении с врагом, а если доблестный в прошлом витязь оказался настолько несчастлив, что скончался тихо и мирно дома, то тело его надлежит разрубить мечом на несколько кусков, как если бы пал он от руки врага на бранном поле.

И не надо, убеждает Кришна раздираемого сомнениями Арджуну, не надо жалеть о тех, кто станет его жертвой в предстоящем сражении: душа человека не может быть убита, а насилие, совершенное ради торжества справедливости, не есть насилие.

Так говсрил бог Кришна. И великий воин Арджуна выбирает в конце Бхагавадгиты свой путь: «Уничтожено заблуждение; я получил наставление по твоей милости, непреходящий... Твое слово исполню».

Так что же — правы те исследователи, которые утверждают, что герой Бхагавадгиты учит убивать родственников?

Вспомним, однако, что действие происходит «на поле дхармы», а дхарма — это не только предназначение, долг, обязанность, но также и честь, справедливость. Война между племянниками и сыновьями слепого раджи Дхритараштры, как она изображена в поэме, — не просто столкновение двух царских родов, не просто битва узурпаторов престола с законными наследниками его, а противостояние добра и зла, справедливости и несправедливости. Известный автор рисует сложную, многоплановую картину, в которой с обеих противоборствующих сторон действуют люди незаурядные, страстные, умные, — но симпатии его бесспорно с теми, кто защищает справедливость.

Позиция автора Бхагавадгиты не исключительна. В древней Индии четко различались дхарма-юддха — справедливая война и кута-юддха — война несправедливая. Конечно, в реальной исторической обстановке правители, развязавшие явно агрессивные военные действия, предпочитали именовать их дхарма-юддхой,

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСТЕЙ XXVII СЪЕЗДА КПСС

Раджешвар РАО
(Генеральный секретарь Национального совета Коммунистической партии Индии)

...Планета — наш общий дом, и нравятся это кому-либо или нет, мы должны жить на ней вместе, как цивилизованные люди..

Арджун СИНГХ
(Заместитель председателя партии Индийский национальный конгресс (И))

...Будучи последователями Махатмы Ганди, мы являемся приверженцами идеалов ненасилия. ...Мы поддерживаем все меры, ведущие к ослаблению международной напряженности и способствующие устранению вооруженных конфликтов.

но мы сейчас говорим о концепции, а не о применении ее в жизни.

В кута-юддхе, несправедливой войне, использовались методы, называвшиеся демонскими, — к примеру шпионаж, уничтожение скота противника, отравление его колодцев.

Дхарма-юддха велась (по крайней мере, в теории) рыцарскими методами. Воители за справедливость должны были действовать в открытую, даже сражения следовало устраивать только при свете дня, а с наступлением темноты противни-

* Кешава, Говинда и другие обращения — имена Кришны.

ки расходились по своим лагерям. (Это наивное правило дожило до сравнительно недавнего времени, и многие победы англичан в период установления колониального правления стали возможны исключительно потому, что сыны Альбиона применяли тактику ночных нападений.)

Принятые у древних индийцев правила ведения боя по современным меркам — увы! — выглядят неправдоподобно галантными.

Врукопашную могли биться толь-

Любопытно, что воинов из лагеря победителей, которые в ходе сражения обратились в бегство, ждало наказание: их забивали насмерть камнями или заворачивали в траву и сжигали живьем.

Война была достаточно распространенным способом «поддержания» государственных споров, однако на общей шкале ценностей в массовом сознании индийцев куда более высокое место занимала ее противоположность — ахимса —

Фото Т А С С.

● Памятник Махатме Ганди — вождю национально-освободительного движения индийского народа. (Дели. Скульптор Дэви Прасад Рой Чоудхури).

ко равные по рангу (царь — только с царем) или по характеру вооружения — пеший мог сражаться только с пешим, конный с конным, лучник на колеснице с так же оснащенным противником. Всадник, сброшенный с коня, не превращался в пешего — с ним мог вступать в единоборство только тот, кто, как и он, потерял коня. В столкновении двух противников третий участвовать не мог, да и между этими двумя оно начиналось лишь в том случае, если один из них принимал вызов другого. Серьезно раненного или обезоруженного не убивали, обратившегося в бегство не преследовали.

Едва ли не самой замечательной чертой древних сражений было то, что местное население, не участвовавшее в битве, никоим образом не затрагивалось воюющими сторонами. Во время битвы двух армий окрестные крестьяне продолжали спокойно пахать землю или издали наблюдали за сражающимися.

Пленных, захваченных в ходе «справедливой войны», либо ссылали на год во внутренние области победившего государства, либо предлагали стать на этот же срок рабами, после чего их освобождали. Хуже было пленным военачальникам — им предписывалось носить женскую одежду. По свидетельству китайских путешественников, большинство в таком случае предпочитало покончить жизнь самоубийством.

ненасилие, или, более точно — непричинение вреда ничему живому.

В родственной индуизму религиозной системе — джайнизме — эта доктрина доведена почти до абсурда: последователи ахимсы носят на лице марлевую повязку, дабы не проглотить случайно какую-либо мошку и не лишить ее священного права жизни. Они не возделывают землю из опасения нарушить покой пребывающих в почве червей или бережно метут перед собой маленькой метелкой, устраняя с дороги муравьев и жуков.

Ахимса в индуизме гораздо шире того смысла, который вкладывается, скажем, в христианскую заповедь «не убивай». Ахимса предполагает, что вред можно причинить делом, словом, взглядом и даже мыслью, — и предостерегает от этого.

Ахимса распространялась на все живое и особенно на больных животных. Богоугодным считалось строительство больницы для «братьев меньших», их содержание. Европейские авторы отмечали, что такое проявление ахимсы свидетельствовало не столько о сострадании, сколько о желании приобрести религиозные заслуги.

Хотя принцип ахимсы никогда не соблюдался безоговорочно, а нередко соседствовал с кровавыми жертвоприношениями, ритуальными убийствами и самоубийствами, а главное — с леденящими душу наси-

лиями над париями индусского общества, прежде всего неприкасаемыми, тем не менее большое значение, придаваемое этому принципу в этической системе индуизма, способствовало формированию миролюбия, негативного отношения к агрессивности. Именно эта черта вызвала раздражение Гитлера, который в ответ на чье-то предложение организовать из пленных индийцев корпус, который воевал бы с англичанами на стороне держав оси, злобно сказал: «Зачем нам индийцы, ведь они даже мух не убивают!»

Между тем миролюбивые и невоинственные индийцы внесли, как известно, свой вклад и в победу народов мира над фашистским злом, и в крушение колониальной Британской империи. В борьбе за национальное освобождение древние идеи справедливой войны получили новое прочтение, новым содержанием наполнилось учение о долге, переданное некогда мифическому Арджуне.

Да, антиколониальная борьба была вызвана глубинными социально-экономическими процессами, развитие которых ускорил Октябрь, но как всколыхнуть чувства масс, мобилизовать их волю, если вскормлены они средневековым религиозным мировоззрением, если массы политически неразвиты и неграмотны? И многие лидеры национально-освободительного движения, развернувшегося под руководством партии Индийский национальный конгресс (И), обращались к массам на языке религиозных традиций. Это движение выдвинуло немало героев, бесстрашно боровшихся с английскими колонизаторами, терпевших пытки и издевательства, жертвовавших жизнью во имя свободы родины.

В начале 20-х годов в Индийском национальном конгрессе получил преобладающее влияние Мохандас Карамчанд Ганди, который принес с собой в Индию методы и формы борьбы с угнетателями, опробованные им ранее в Южной Африке. Мир с удивлением узнал неведомое ранее за пределами Индии древнее слово ахимса. Но это была уже не совсем та ахимса, которая выражалась порой в курьезных и странных поступках. Ахимса, согласно Ганди, — это активная политическая борьба безоружных с вооруженным до зубов противником. Ненасилие сильных духом.

По призыву Ганди члены партии Индийский национальный конгресс, молодые и убежденные седины, нередко люди, известные всей стране, ее гордость и надежда, бесстрашно вставали на пути полицейских и солдат, пытавшихся не только рассеять политические демонстрации, но главное — сломить самый дух сопротивления. Поверженные ударами

дубинок, падали первые шеренги демонстрантов, но на их место тут же вставали другие, чтобы через несколько мгновений тоже упасть на землю, обливаясь кровью и даже не делая попыток защититься. И снова на их месте стояли новые борцы. Вслед за мужчинами против рослых и сильных британских солдат выходили хрупкие индийские женщины и так же мужественно, как их сыновья и мужья, принимали на себя удары тяжелых дубинок.

Так преобразился старый рели-

● Кришна и Арджуна перед сражением «на поле дхармы». Современная олеография.

гиозный принцип ненасилия. У этих людей не было и не могло быть оружия. У них не было ничего, кроме горячего желания видеть свою родину свободной. Но была у них вера в моральное превосходство их дела, в справедливость их войны за справедливость.

Ганди последовательно и непримиримо выступал против всякого насилия. Все его учение может быть названо религией ахимсы. Этот же принцип отказа от насилия лежал

в подходе Ганди и к международным проблемам. «У меня нет никаких сомнений, — говорил он о политике империалистических держав после второй мировой войны, — что если великие державы не утратят стремления к эксплуатации и духа насилия, естественным выражением чего является война, а атомная бомба — неизбежным следствием, то нет никаких надежд на мир во всем мире». Представляется вполне обоснованным мнение советского исследователя О. В. Мартышина, писавшего: «В самом деле, следует признать, что в сфере отношений между государствами ненасильственные методы Ганди (мы отвлекаемся от их религиозной основы) имеют несравненно большее право на существование, чем в отношениях между антагонистическими классами в рамках одной страны».

Принцип ахимсы, вынесенный в ряд норм международного права, означает отказ от применения силы в отношениях между государствами, решение всех спорных вопросов за столом переговоров, умение непредубежденно подойти к позиции другой стороны, способность пойти на разумный и взаимоприемлемый компромисс. Думается, что именно эти черты философии и политики Ганди приобретают в условиях нависшей над миром угрозы ядерной катастрофы особую значимость.

В то же время, отмечая стремление многих людей, выступающих в рядах борцов за мир как в самой Индии, так и за ее пределами, найти точку опоры для своих взглядов в древней и разветвленной традиции индуизма, нельзя обойти молчанием известную ограниченность, противоречивость такой позиции. Многие факты современной жизни говорят, что никакая религия не может быть панацеей, не может спасти от страшной милитаристской саркомы, разъедающей отношения между народами. Принадлежность к индуиз-

му отнюдь не гарантирует миролюбие и отказ от насилия.

Кто эти люди, марширующие по улицам индийских городов — в зеленых шортах и белых рубашках, почему у них в руках тяжелые дубинки? Увы, это правочерные индусы, члены коммуналистских организаций, вся идеология которых строится на иррациональной звериной ненависти к представителям других религиозных общин, населяющих Индию.

А кто эти современные сектантские учителя, гуру, насмешливо отрицающие гандизм и ахимсу, проповедующие и практикующие насилие — от грубого подавления личности учеников до политического терроризма? Увы, они тоже ссылаются на древние книги индуизма, давая им иногда невероятную, но вполне целенаправленную интерпретацию.

Религиозные убеждения сами по себе не определяют, станет ли человек борцом за мир или, наоборот, поджигателем войны. Мы знаем, что тут кроются причины иные, более глубокие. Более того — в борьбе всех людей доброй воли за мирное небо над нашей землей сегодня теряют какое-либо значение различия религиозных взглядов. Так же, как неважен различный цвет кожи или глаз, различие языков и прочее перед опасностью ядерного безумия. И по-человечески близки и понятны нам слова одного из участников состоявшейся в Москве встречи советских и индийских религиозных деятелей: религия, сказал он, тратила и тратит силы на борьбу против материализма, тогда как всем вместе надо бороться с опасностью новой войны.

В самом деле, все те вопросы, что разделяют людей на верующих и неверующих, будут значить ничтожно мало, если все жители планеты — верующие и неверующие, не предотвратят совместными усилиями приход «ядерной зимы».

ЛАЗАРЕТ

■ «В Иерусалиме есть прекрасная больница... Множество людей получают здесь лекарственные снадобья и питье...» — так писали путешественники об этом городе до завоевания его крестоносцами в конце XI века. Воцарство Христово разорило древний город, не пощадило и больницы, но именно с этого времени проникает в культуру европейцев наследие античной медицины, возрожденное в средневеко-

вом мусульманском мире. Крестоносцы, закрепившиеся на Ближнем Востоке, основали в начале XII века орден святого Лазаря, который во многом воспринял местные обычаи оказания помощи больным. В названии братства отразилась «судьба» двух евангельских персонажей: в Евангелии от Луки фигурирует нищий по имени Лазарь, страдающий проказой; в Евангелии от Иоанна человек с этим именем чудесно воскрешен Христом через несколько дней после смерти. В массовом религиозном созна-

нии эти персонажи часто сливались.

После изгнания крестоносцев с Ближнего Востока орден святого Лазаря получил от Людовика IX земли вблизи Орлеана и дом у ворот Парижа, который монахи сделали убежищем для прокаженных (потому и проказу часто именовали болезнью святого Лазаря). Орден основал такие же убежища в Испании и Италии. Их называли «лазаретами». Больные, жившие в этих домах, часто добывали себе пропитание попрошайничеством, пели молитвы

с протянутой за подаванием рукой. Так возникли испанское «нищий святого Лазаря», итальянское «лаццарони», русское «петь Лазаря».

В дальнейшем название «лазарет» закрепилось за небольшим (чаще всего военным) лечебным учреждением, где оказывалась помощь больным, не нуждающимся в продолжительном лечении.

В России термин «лазарет» входит в употребление с XVIII века наряду со словом «госпиталь», потом эти понятия разошлись.

Ф. ГРИМБЕРГ

В сороковую годовщину капитуляции японского милитаризма во второй мировой войне — 15 августа 1985 года — премьер-министр Японии Накасонэ посетил святилище Ясукуни, в котором обожествлены солдаты и офицеры бывшей императорской армии. Паломничества японских государственных деятелей к этому храму, возвышающемуся на холме Кудан, вблизи императорского дворца, стали в последние годы обычным явлением. Однако всякий раз они подчеркивали, что делают это как частные лица: ведь конституция провозглашает отделение церкви от государства. Накасонэ же открыто заявил, что посещает Ясукуни именно как премьер-министр, не убоившись обвинений в нарушении конституции.

И с новой силой вспыхнули страсти вокруг святилища. «Проблема Ясукуни» стала одной из наиболее острых во внутриполитической жизни Японии. По ней ведутся бесконечные дискуссии в прессе, программах радио и телевидения, в популярных книгах и научных монографиях.

В чем же дело? О чем спор? По сути — о том, каким путем идти Японии — путем мира или путем войны,

гическим нуждам монархического буржуазно-помещичьего государства, каким стала Япония после буржуазной революции 1867—1868 годов*.

Синто сложился на базе верований японцев древности, в которых большое место занимало почитание предков. Впоследствии оно стало основой культа божеств-покровителей семьи, рода, общины. По мере становления японской государственности рамки этого культа были раздвинуты до масштабов страны: предок царствующего дома был объявлен божеством-покровителем государства. Так возник культ императора.

На основе мифов синто, зафиксированных в древнейших японских письменных памятниках, синтоистские теологи средневековья разработали концепцию «божественного» происхождения не только царствующего дома, но и самой Японии.

После революции 1867—1868 годов синто был провозглашен государственным культом, обязательным для всех без исключения японцев, независимо от их вероисповедания. Главным объектом этого культа стал обожествленный император. Конституция, принятая в 1889 году, объявляла его личность «священной и неприкосновенной». Вся обрядность госу-

«мирная страна» или «мирно управляемая страна». Название это звучит как насмешка, ибо не было в истории Японии другого религиозного учреждения, которое бы так сильно послужило агрессивной политике государства и столь явно отражало его милитаристский характер.

По своему значению и роли Ясукуни уступало лишь святилищу Исэ дзингу — обители солнечной Аматэрасу, «прародительницы» японских императоров. Все прочие синтоистские святилища подчинялись министерству внутренних дел, Ясукуни же находилось в ведении министерств армии и военно-морского флота, и его служители утверждались этими военными ведомствами. Во время праздников святилища в роли главных церемониймейстеров, как правило, выступали высшие офицеры — не ниже генерала или адмирала. Охраняли Ясукуни подразделения военной жандармерии. Попросту говоря, Ясукуни и по форме, и по сути было учреждением военным.

Обряды, отправлявшиеся в этом святилище, несколько отличались от обычных синтоистских. Главной была церемония вызова душ погибших воинов, которые, как верили японцы, спускались с неба, поселялись в святилище и становились богами, присоединяясь к тем, которые уже были обожествлены. После каждого такого обряда пополнялись списки воинов-«богов», хранящиеся в основной постройке Ясукуни вместе с регалиями императорской власти — зеркалом и мечом. Этим трем объектам и поклоняются в святилище. И в этом также специфика Ясукуни: в других синтоистских святилищах поклоняются одному или — в редких случаях — нескольким божествам, число которых не может быть изменено, а число «богов» Ясукуни меняется после очередной церемонии вызывания и встречи душ павших воинов.

Этот ритуал очень древний. Во все века в Японии почитали души усопших, особенно тех, кто прославился героическими поступками или погиб при необычных обстоятельствах. Повсюду была распространена церемония успокоения душ — чтобы они не наслали на живых беду. Интересно, что японская традиция «успокоения душ» никогда не делала разницы между своими и врагами. Еще со времен средневековья, когда Японию сотрясали ожесточенные междоусобные войны, повелось после каждого сражения совершать заупокойную службу по всем погибшим — своим и врагам. Здесь, конечно, сказалось влияние буддизма с его

ЯСУКУНИ

вернувшись к политике милитаризма, пославшего в свое время на гибель миллионы людей. Дело в том, что правительство Японии, которое сегодня проводит курс на наращивание военной мощи, стремится использовать особое отношение многих японцев к храму Ясукуни для их идеологической обработки, сделать его средством милитаристской пропаганды. Расчет ясен — место этого святилища в духовной жизни японцев, его история, связанная с важными вехами истории страны, делают Ясукуни как нельзя более подходящим для этой цели.

До поражения Японии во второй мировой войне святилище Ясукуни было важнейшим культовым учреждением государственного синто — религиозно-политической системы, которая использовалась для идеологической обработки населения в интересах милитаристской политики, воспитания подрастающего поколения в духе национальной исключительности и безусловной лояльности властям. Сам же государственный синто был продуктом приспособления национальной религии японцев синто (буквально — «путь богов») к идеоло-

гическим нуждам монархического режима, культивировала безусловное почитание императора и его божественных предков. Верность императору была провозглашена высшей добродетелью подданных Японской империи, а смерть за него — высшим ее проявлением. Мифы о «божественном» происхождении императорской династии стали основой народного образования. С детства японцам внушали мысль об «уникальности» японской нации с выводами о том, что японцам дано «право» владычества над другими народами. Так государственный синто превращался в средство оправдания империалистического грабежа и агрессивных войн Японии.

В первые десятилетия после революции власти создали целый ряд новых синтоистских святилищ. То были привилегированные государственные религиозные учреждения, в деятельности которых отражались основные направления идеологической обработки населения, проводимой властями Японии. Учрежденное в 1869 году святилище Ясукуни относилось к главным среди них.

«Ясукуни» по-японски означает

* Наш журнал уже рассказывал о государственном синто и святилище Ясукуни в статьях: Б. Поспелов. Именем Аматэрасу (1975, № 9); Л. Арская. Молитва о мире или призыв к войне? (1981, № 7). События 1985 года вновь привлекли внимание к этому храму.

духом терпимости. Но не только. В средневековых междоусобицах нередко брат воевал против брата, отец против сына, и победители старались снять с себя чувство вины за гибель единокровных противников, устраивая пышные поминальные церемонии.

Култ Ясукуни, однако, продолжая эту давнюю традицию, внес в нее существенную поправку: в этом святилище всегда почитались те и только те, кто отдал жизнь за императора. При этом не имело значения, чем занимались «верноподданные воины»

● Премьер-министр Накасонэ совершает паломничество в святилище Ясукуни.

до своей «геройской» смерти. Они могли быть ворами, мошенниками, обманщиками, кем угодно. Но если такой человек пал в «священной» войне — а любая война, объявленная от имени «божественного» императора, не могла быть иной, — он автоматически становился божеством, ибо верность и преданность монарху была в Японской империи главным критерием прожитой жизни.

Религиозные убеждения цинично использовались военщиной, чтобы воспитать в каждом японце готовность в любое время отдать жизнь за «божественного» императора. В стране, особенно в новое время, было воздвигнуто немало святилищ, в которых поклонялись духам императоров, прославленных военачальников, государственных деятелей и других выдающихся личностей. Но только Ясукуни давало возможность стать «богом» простому человеку. И потому десятки и сотни тысяч японских юношей, отравленные милитаристской и шовинистической пропагандой, мечтали умереть за императора. Такая смерть не пугала, она была желанной. «Мама, свидимся в Ясукуни», — бодро пели молоденькие солдаты. По меткому выражению одного японского журналиста, Ясукуни выполняло роль «паразитально дешевого орудия мобилизации рекрутов».

На территории святилища есть своеобразное сооружение — два приземистых каменных фонаря, с прикрепленными медными плитами, на которых изображены различные эпизоды деяний японской военщины. Здесь сражения японо-китайской и

русско-японской войны; участие Японии в первой мировой войне, когда под залпы грандиозных битв в Европе японский империализм прибрал к рукам германские колонии в Тихом океане; интервенция японских войск на советском Дальнем Востоке, отторжение от Китая его северо-восточных провинций, высадка в Шанхае в 1932 году, захват провинции Жэхэ — короче, достаточно полная картина, отражающая рост японского милитаризма и его агрессивный характер. Сооружение это воздвигнуто в 1935 году на средства японских монополий — истинных вдохновителей политики агрессии и грабежа других народов.

В 1869 году в Ясукуни обитало 3585 душ воинов, павших за императора в гражданской войне. Число это постоянно увеличивалось, причем все более высокими темпами. Японский милитаризм отправлял на смерть сотни тысяч людей от имени «божественного» императора. Так продолжалось вплоть до поражения во второй мировой войне; к тому времени в Ясукуни было два с половиной миллиона «божеств».

Разгром японского милитаризма привел к ликвидации государственного синто. Император в 1946 году публично отрекся от своей «божественной» сущности, а вступившая в силу в 1947 году конституция провозгласила отделение религии от государства. Как и другие синтоистские святилища, Ясукуни лишилось былых привилегий, оно утратило свой государственный статус и превратилось в «религиозное юридическое лицо», пользующееся одинаковыми правами с остальными культовыми учреждениями.

Однако уже в середине 50-х годов консервативные силы страны начали движение за возрождение государственного синто. Культивирование синтоистских духовных ценностей стало одним из главных направлений деятельности правящей Либерально-демократической партии в области идеологии. Это понятно: установив государственного синто разжигают реакционные и националистические настроения, соответствующие целям монополистической буржуазии как внутри страны, так и за ее пределами.

В последние 20 лет все чаще раздаются требования восстановить государственный статус святилища Ясукуни.

«Лидеры правительства», — пишет по этому поводу японский историк Синобу Оэ, — сознают, что, хотя Япония в настоящее время располагает значительной военной силой, ей недостает системы организации и мобилизации людей на цели войны. Они нуждаются в средствах, которые позволили бы организовать людей идеологически, дабы побудить их служить в армии. Святилище Ясукуни

служит одним из важных механизмов такой организации».

Действительно, как и прежде, Ясукуни сегодня остается центром милитаристской пропаганды. В его пределах немало монументов, посвященных памяти павших за императора солдат и офицеров, выставлены вещи и оружие тех, кто сражался во второй мировой войне. Все здесь устроено так, чтобы напоминать людям о «героическом» прошлом страны, о ее бывшей военной мощи, все призвано способствовать возрождению былых

● Военный марш перед Ясукуни.

духовных ценностей, воспитывать новые поколения японцев в «патриотическом» духе.

На территории Ясукуни часто можно встретить молодчиков в полувойенной форме из ультраправых националистических организаций: посещая святилище, они получают соответствующий идеологический заряд. Приходят в Ясукуни и служащие так называемых сил самообороны — возрожденной японской армии, чтобы почтить память своих «героических» предшественников. Здесь читают свои воззвания те, кто мечтает возродить японский милитаризм. Все в Ясукуни освящает войну, облагораживает ее и придает особый, божественный смысл.

В октябре 1978 года по случаю большого осеннего праздника святилища в глубокой тайне состоялась церемония обожествления главных японских военных преступников, приговоренных Токийским международным трибуналом к смертной казни. Общественность узнала об этом лишь полгода спустя. К «богам» Ясукуни причислено свыше тысячи тех, кто привел Японию на грань на-

циональной катастрофы. Пропандистские брошюры, издаваемые администрацией святилища, поясняют, что эти преступники «погибли за родину»!

Начиная с 1969 года правящая Либерально-демократическая партия шесть раз вносила в парламент законопроект о передаче Ясукуни в ведение государства. Он так и не был утвержден — из-за решительного сопротивления демократической общественности. Тогда либерал-демократы стали добиваться своей цели по-иному. С 1975 года премьер-министры, члены правительства, депутаты парламента от правящей партии совершают паломничество в Ясукуни в дни весеннего и осеннего праздников святилища, а также в годовщину капитуляции Японии. Это происходит весьма демонстративно — о посещениях широко рассказывается в прессе, по радио и телевидению. Наконец правительство решило, что настало время их узаконить. В 1985-м было принято соответствующее решение — и премьер-министр Накасонэ 15 августа 1985 года официально совершил обряд почитания духов «героев-воинов» в Ясукуни.

Японское правительство, однако, недооценило силу демократического и антивоенного движения в своей стране. Не ожидало оно, что действия Накасонэ вызовут столь сильный протест и за ее пределами — в тех странах Азии, которые в годы второй мировой войны стали жертвами агрессии японского милитаризма. Оно вынуждено было отступить. В день осеннего праздника святилища в октябре 1985 года премьер-министр Накасонэ, вопреки установившейся традиции, не был в Ясукуни. В январе 1986 года он, не в пример прошлым годам, не совершил и новогоднее паломничество в храм. Правительству пришлось заверять японскую и международную общественность в том,

что посещение премьер-министром святилища 15 августа вовсе не связано с намерением реабилитировать обожествленных в нем военных преступников. Да что там! Оказывается, правительство и «не ведало» об обожествлении в Ясукуни главных военных преступников, а узнало о том, мол, только из заявлений протеста, поступивших из-за рубежа! Правящая партия даже обратилась к администрации святилища с просьбой изъять имена главных военных преступников из списков его «божеств». В ходе острых парламентских дебатов по вопросу о Ясукуни Накасонэ заявил, что, посещая святилище, он лишь выполнял «пожелания подавляющего большинства японского народа», который, мол, хочет, чтобы церемонии поминовения погибших на войне проводились в Ясукуни по инициативе государства.

В самом деле, опросы общественного мнения показывают, что многие не видят ничего предосудительного в том, чтобы государство взяло на себя заботу о почитании памяти миллионов простых японцев, отдавших жизни за его интересы. Ведь существуют же во многих странах мира могилы неизвестных солдат, монументы жертвам войны как благодарности соотечественникам, погибшим при исполнении воинского долга. Почему же Ясукуни не может играть подобную роль? А многим тысячам людей, потерявшим в последней войне своих родных и близких, святилище Ясукуни дорого потому, что в их представлении это последнее прибежище душ погибших.

Эти настроения понятны: большинство японцев, особенно старшего поколения, следуют древней, глубоко укоренившейся традиции поминовения усопших, а тем более тех, кто погиб при необычных и трагических обстоятельствах. Вот что говорит, например, Гэн Накамура, потерявший

на войне брата: «Я не поклоняюсь императору как богу и никогда не считал его таковым. Но я не могу примириться с мыслью о том, что мой брат погиб ни за что. Он пошел на войну потому, что этого потребовало государство. Ныне же государство обязано почитать его дух».

Что ж, этот человек, конечно, неискушен в политике и к тому же чтит религиозные традиции. Таких в Японии немало. Им нелегко понять, что именно культ Ясукуни сыграл зловещую роль в бессмысленной гибели миллионов простых японцев. Именно на их настроениях и взглядах спекулирует правительство, правящая партия, ряд правых политических и общественных организаций, возвеличивая культ Ясукуни, превращая его в мощное орудие милитаристской пропаганды. Прогрессивные силы Японии разъясняют тем, кого пытаются обмануть правящие круги страны, что курс на восстановление государственного статуса Ясукуни — это курс на превращение Японии в крупную военную державу, курс на милитаризацию, который ведет народ к катастрофе.

Сторонники мира, разумные силы японской общественности показывают людям, что в культе Ясукуни, по существу, извращена японская религиозная традиция поминовения предков в домашних алтарях. Историк Синобу Оэ пишет об этом: «Согласно догмам святилища, даже после гибели солдат их духи не должны вернуться к своим семьям. Государство монополизировало духи погибших на войне... Ключок бумаги призывал людей на военную службу. Но они не могут быть освобождены от нее даже после смерти. Внесенный в списки святилища Ясукуни становится богом, принадлежащим государству. И прекратить такое состояние невозможно даже в случае, если семья обожествленного попросит об этом. Поистине, святилище Ясукуни — бесчеловечное учреждение». Бесчеловечное, потому что в нем оживляют войну, противную самой природе человека.

В современной Японии тем не менее это происходит. Преступления японской военщины в годы второй мировой войны в описаниях школьных учебников превращаются в подвиги, молодым вновь вбивают в головы идею об «уникальном характере» японской государственности, а следовательно, и об «особой миссии» Японии в мире. Широко пропагандируется культ императора как символа этой государственности. Торжества по случаю исполнившегося в этом году 60-летия вступления нынешнего императора на престол проводились с большим размахом.

Все служит возрождению военных настроений. И это в Японии, стране, которая первая на земле ощутила жуткую силу атомного удара.

● А. Никич.
Бомбе — нет!
Картина с
Всесоюзной
художественной выставки
«Мы строим
коммунизм».
1986.

ХИРОСИМА

*Мне чудилось то и дело,
Что каждый труп обгорелый
Похож на сестренку... Она!
Весь долгий путь это чувство
Не в силах я был отогнать.*

Фукагава Мэнэтоси,
современный японский поэт

МЕЧИ ИЛИ ОРАЛА?

И. КРЫВЕЛЕВ,
доктор философских наук

Согласно Ветхому завету, из всего человечества бог избрал евреев и заключил с ними договор, обязавшись обеспечить избранному народу всяческое процветание. «И дал я вам землю, над которою ты не трудишься, и города, которых вы не строили, и вы живете в них; из виноградных и масличных садов, которых вы не насаждали, вы едите плоды», — приводит Иисус Навин слова господя, вспоминая историю израильтян (гл. 24, ст. 13). Но что значит «дал»? По Библии «дал» — это позволил отнять силой у других народов, благословил захватнические войны.

Введя евреев из египетского плена, рассказывает Библия, бог направил их в Ханаан (Палестину). Через Моисея он заранее сообщил им: «Когда введет тебя господь, бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего... народы... которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе господь, бог твой, и поразишь их, тогда предай их закланию... и не щади их...» (Книга Второзаконие, гл. 7, ст. 1—2).

Библейские авторы вполне в духе своего времени считали естественным напасть на мирных соседей, истребить как можно больше людей, присвоить их имущество. Именно к этому, по свидетельству Библии, призывает бог: «...И истребишь все народы, которые господь, бог твой, дает тебе: да не пощадит их глаз твой».

Яхве открыто заявляет, что он — на стороне захватчиков, он обещает им свою помощь. Так, поистине сверхъестественную поддержку оказал он Иисусу Навину при завоевании Южного Ханаана. В битве при Гезоне бог забросал бегущих от израильтян воинов камнями. От каменного града погибло больше, чем от меча. А когда избранному народу потребовалось «мстить врагам своим», то Иисус Навин воззвал к господу и с его помощью остановил солнце на

небосводе (гл. 10, ст. 11—13).

Вот, казалось бы, другой случай — направил Израиль своих посланцев к царю аморрейскому Сигону с просьбой о свободном проходе через его землю. Сигон собрал весь народ свой и выступил против Израиля. Но, разгромив с помощью Яхве войско Сигона, израильтяне осуществили совсем другую цель: Израиль «взял во владение землю его от Арнона до Иавока». А как народ израильский поступил с населением Васана, когда начал расширять пределы земли аморрейской? Царь васанский Ог со своими подданными выступил против врагов, но бог успокоил Моисея: «Я предам его и весь народ его и всю землю его в руки твои, и поступишь с ним, как поступил с Сигоном» (Книга Числа, гл. 21, ст. 34). На библейском языке это означает поголовное истребление народа, захват чужой территории.

Если же израильтяне не доводили дело истребления до конца, бог мстил за это. Примером может служить библейский эпизод, связанный с царем Саулом. Пророк

Самуил от имени бога приказал царю иудейскому пойти и поразить амаликитян — во время исхода из Египта они напали на израильтян и побили тех, кто устал или отстал. Вспомнив то, что по библейской истории было лет 400 назад, господь поручает Саулу: «Предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла». Саул исполнил приказанное, но не полностью: он оставил в живых царя амаликитян Агага, а также лучшее из скота. Узнав об этом, бог посетовал: «...Жалею, что поставил я Саула царем, ибо он... слова моего не исполнил» (Первая книга Царств, гл. 15, ст. 3, 11). За послушание Саул лишился престола и жизни. А царя Агага пророк Самуил собственноручно разрубил «пред господом».

В 10 главе Книги Иисуса Навина рассказывается о завоеваниях израильтян в Ханаане. Много раз повторяется: взяли такой-то город и предали закланию все дышащее в нем, никого не осталось, кто уцелел бы.

Читатель может противопоставить всему этому то место из Книги Исаии, где содержится предсказание о времени, когда люди пере-

куют «мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (гл. 2, ст. 4). Действительно, такие слова в Библии есть, но что они означают? Речь идет о времени прихода мессии, который возглавит евреев в их борьбе за мировое господство. В этом отношении характерна глава 11 той же книги. С приходом мессии, говорится там, прекратятся в Израиле все внутренние распри и все евреи, объединившись, «полетят на плечах филистимлян к западу, ограбят всех детей Востока; на Едома и Моав наложат руку свою, и дети Аммона будут подданными им» (ст. 14). Вот, оказывается, когда, по Библии, наступит всеобщий мир — когда Израиль завоеует мировое господство!

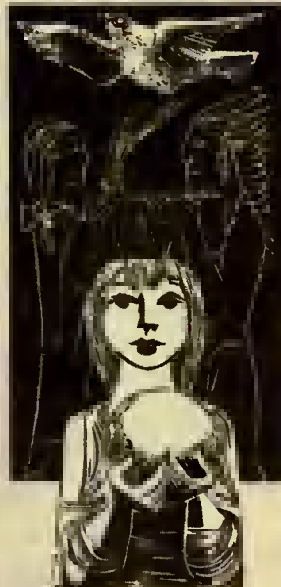
Чтобы добиться этого, священное писание призывает: «...Приготовьтесь к войне, возбудите храбрых; пусть выступят, поднимутся все ратоборцы. Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копыя...» (Книга Исаия, гл. 3, ст. 9—10).

Так что не к разоружению и не к миру призывает Ветхий завет.

● Рука народа отводит от голубя мира смерть, которая пытается придушить его военной каской (на ней инициалы американского президента Линдона Джонсона и имя государствен-

ного секретаря США Раска — людей, ответственных за войну во Вьетнаме). Птица мира勇敢地 парит в небе, когда люди мирно договариваются между собой, а девочка бережно дер-

жит в руках мяч или яблоко, а может быть, планету. Две руки — белая и черная — осеняют гнездо мирной птицы, и потому она так спокойна. Мир на Земле!

● Антон Рефрежье. Гравюры из цикла «Мир — мир!».

Мой собеседник

Иван Сергеевич

К. АНИСИМОВ

Как-то мой старый знакомый показал мне сообщение в газете о вручении орденов Дружбы народов деятелям русской православной церкви митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювению и архиепископу Волоколамскому Питириму и сказал: «Вот видишь, и правительство признает пользу религии». У нас с Иваном Сергеевичем давний спор на эту тему — о «пользе» религии. Он, человек верующий, убежден, что религиозная вера необходима обществу, что только с ее помощью и можно решить все важные жизненные вопросы — и нравственность улучшить, и национальные ценности сберечь, и пьянство одолеть... Я других убеждений. У каждого из нас много примеров и аргументов в пользу своих позиций. Хотя и не согласны друг с другом, а поговорить любим: мне и просто, по-человечески интересно, и как пропагандисту атеизма хочется понять логику верующего, почему, например, мой собеседник самые обыкновенные, житейские вещи выводит из религии или связывает с нею.

А вот в разговорах о войне — и он, и я прошли Великую Отечественную — мы всегда обходились без религии. Все наши споры и несогласия отступали, войну мы видели, понимали и чувствовали одинаково. Вспоминали ее тяжкие годы, он — свой Белорусский фронт, я — Северо-Западный, ругали американскую администрацию, сокрушались, что приходится снова такие громадные средства на вооружение тратить, подробно вникали в мирные предложения нашего правительства, пытались разобраться, что это за такая стратегическая оборонная инициатива, словом, все в полном согласии. да и о чем тут спорить двум ветеранам?

И все-таки дошло у нас и в этом вопросе до спора — вот после того сообщения в газете. Может, не обратил бы я особого внимания на замечание Ивана Сергеевича, что правительство «признает пользу религии», ограничился бы возражением, что в данном случае правительство, наградив священнослужителей, признает тот факт, что они немало потрудились на пользу мира, о чем в газете прямо и сказано: «...отмечена их патриотическая деятельность в защиту мира». Это известно — русская православная церковь, да и другие религиозные организации сегодня многое делают для мира, что и оценивается по достоинству, но религия здесь ни при чем. Однако Иван Сергеевич не хотел на этом заканчивать разговор и, принимая свой обычный в наших спорах решительный тон, сказал: «Религия при всем, она и от ядерной катастрофы спасет». «Как же это?» «Как бы ни было, без нее не обойтись». И Иван Сергеевич начал пересказывать мне проповедь на тему о войне и мире, какие сейчас произносятся во время богослужений.

Собственно, в них многое правильно. Какому нормальному человеку не будут по душе слова о том, что каждая человеческая жизнь — это высочайшая ценность, что она неповторима и уникальна, что взаимоотношения между людьми и между народами должны строиться на основе любви, братства, справедливости, мира, что всем надо осознать единство рода человеческого, признать равенство и достоинство каждого человека? Именно такие принципы (возможно, по-другому сформулированные) провозглашают и борцы за мир, за социальный прогресс. Только религиозные деятели, верующие люди, вот как мой Иван Сергеевич, выводят эти принципы из религиозного учения. «Но, — говорю ему, — чтобы они стали твоим убеждением, вера в бога совершенно не требуется. Вот, к примеру, свято верю в них и я».

Это так. На том основано и всеобщее миротворческое сотрудничество. Однако с другими идеями религиозной проповеди о войне и мире я согласиться не могу. Вот, например, религия утверждает, что причина всех бед человечества, в том числе и войн, — в греховной природе человека. Я-то думал, что мой друг-оппонент, бывший фронтовик, должен в этом вопросе занимать иную позицию, но, оказалось, ошибся. Он стал мне говорить о первородном грехе человечества, который возрастает со временем, из-за чего число войн увеличивается. Чем больше грех — тем тяжелее расплата. Иван Сергеевич привел такой аргумент: в XVIII веке в войнах погибло 5 миллионов человек, в XIX — около шести, а в нашем, уже в первой его половине — более 55 миллионов, и ясно, почему так выросло число жертв, —

в XX веке нравственный облик человека упал невиданно, потому-то столь глобальной сделалась угроза войны, вплоть до всеобщего уничтожения. Вплоть до того, что именно быстрым и одновременным уничтожением человечества война лишит его возможности приготовиться к смерти, спасти свою душу, обрести вечную жизнь. — Эту мысль я слышал не раз и читал в богословских трудах: «Мы должны в собственных сердцах искать дорогу к всемирному миру, борьба за мир — это борьба с грехом, со злом в самом себе».

Особенно сильный отклик в душе моего собеседника нашла такая идея религиозного учения о войне и мире: достижение мира столь ответственная, столь трудная задача, что одними лишь человеческими силами решить ее невозможно, необходима благодатная помощь свыше. То есть не менее важное миротворческое дело — эту помощь получить. Значит, о ней надо молить бога. Молиться должны все, а поскольку на земле не все верующие, то надо приобщать людей к религии, чтобы общество становилось христианским, ибо греховность его без бога не одолеть. Вот, значит, еще какая важная задача в защите мира — миссионерство.

«Но чем же атеисты плохи для мира? — первое, о чем спросил я тогда. — Ведь мы с тобой сколько раз говорили, что сейчас самые главные, реалистические предложения по защите мира, предотвращению гонки вооружений идут именно от нас, то есть от социалистического государства. А оно, ты знаешь, не религией руководствуется в своих действиях». «Не атеисты плохи, а без бога у людей не хватит сил», — стоял на своем Иван Сергеевич. — И грехов, сам понимаешь, у всех много...»

В тот момент я, наверное, не смог найти верный тон и ответил довольно резко, первое, что пришло на ум: «Неужели же ты думаешь, что для прекращения войн, которые сегодня уже идут в мире, достаточно бороться с греховностью? Со злом в себе? И этого хватит, чтобы в будущем их не было? Да такой путь борьбы за мир как нельзя больше устраивает тех, кто никакого мира не хочет. Никаких социальных преобразований — молитесь! Испугались они ваших молитв!»

Иван Сергеевич смотрел на меня с сожалением, что вот не понимаю я таких простых вещей, а ему истина известна. Это я видел, но не остановился, а «кинул» еще один запальчивый аргумент. Как же, сказал я, христиане договорятся с мусульманами, ведь их проповедники тоже учат, что только религия сохранит мир, но имеют-то в виду совсем не христианство, а свою религию — ислам. Они учат, что общество только тогда избавится от войн, когда все народы примут учение Аллаха как свою религию и идеологию. На это Иван Сергеевич только и спросил, у нас ли в стране так говорят мусульмане или за рубежом? Да, я привел ему высказывание одного из зарубежных мусульманских богословов, выступавших на международной конференции в Шри-Ланке, но он вел речь об исламе, том самом, который исповедуют и мусульмане в СССР. И разве оно не похоже на проповедь в церкви? О том, что мир должен стать христианским? Такие пути борьбы за мир я не могу признать правильными, более того, мне кажется, что рассуждать подобным образом, например, об исламизации, — это то же самое, что утверждать, что мира на земле не будет никогда.

В тот раз наш разговор закончился на моей запальчивой ноте. Но с того времени пошли у нас иные беседы о войне. Зная позицию собеседника, я теперь высказываю ему то, что думаю, постепенно, спокойно. Вот что, как мне показало, он воспринял с особым вниманием, задумался. Как только зашла у нас снова речь о Великой Отечественной, рассказал я Ивану Сергеевичу, что говорили о ней православные священнослужители, несомненно патристически настроенные и сделавшие немало для победы. Согласен ли он с ними в том, что война эта была карой господней народу за его грехи? Согласен ли, что была она «крестопоклонением», дающим людям возможность смыть кровью, мучениями и страданиями свои вольные и невольные грехи? Полезной, так как оздоровила духовную жизнь общества? Ведь священнослужители ссылались на учение Христа, вроде как оправдывали войну, имея в виду какие-то высшие цели, которые людям не дано постичь. Можно ли с этим согласиться?

Не слишком, думаю, пришлось по душе моему собеседнику и утверждение богословов о том, что разгром гитлеровских войск

объясняется участием бога, что «блестящие, невиданные победы нашего воинства — это следствие могущественной божьей помощи». Наверняка ему хотелось, чтобы и его собственная роль — воина — в этой победе занимала бы более существенное место. Он-то — я знал — был самоотверженным, бесстрашным солдатом. «Что, не согласен? — спросил я. — А что же теперь уповашь на помощь бога, главным его в защите мира считаешь?» Он ответил, что та война была другая, человеческая, что ли, а эта, которая теперь грозит, несообразная, страшная, как Апокалипсис, и в ней, уж конечно, надежда на бога.

Нет, надежда здесь на то, что прогрессивные силы возьмут верх, что удастся образумить тех, кто гонит вооружен и считает, что этим защищает мир. Надежда на то, что они научатся мыслить по-иному. Пока же они мыслят по-старому, потому что лишь в далекие времена, когда в ходу были мушкеты, можно было говорить: «Хочешь мира — готовься к войне». Но ведь даже и тогда эта «мудрость» принесла людям немало бед. А чем она грозит сегодня?

Когда я привел Ивану Сергеевичу высказывание одного католического священника: «Ядерное оружие — это оружие против коммунистической идеологии», — он усомнился, что такие слова сказал христианин. Тем не менее это так. Христианским деятелям принадлежит и заявление, быть может, одно из самых вредоносных для дела мира: «Атеизм — это война». (Известно, что В. И. Ленин, идеолог нового общества, сформулировал четко и определенно: «Разоружение есть идеал социализма» и делал все для осуществления этого идеала.)

У тех, кто критически читает священные тексты, есть множество оснований сделать вывод: «Религия — это война!». Я напомнил кое-какие изречения из Библии, которую Иван Сергеевич, как и подобает искренне верующему человеку, глубоко чтит. Вот, например, такое из Евангелия от Матфея: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч». Напомнил и то, что говорится о Христе в Апокалипсисе: из уст его «выходил острый с обеих сторон меч», символ войны. Но эти и подобные им изречения совершенно не подтвердили бы восклицания «Религия — это война!». Потому что сама по себе религия не была причиной ни одной войны. Социальные были причины, мирские.

Есть в Библии и прекрасные миротворческие призывы (вспомним знаменитое «перекуем мечи на орала»), но и они не докажут позиции «религия — это мир», тем более «мир — это религия».

Вот что оказалось для меня удивительным. Мы и прежде в разговорах, конечно, касались противоречивости Библии. То есть касался этого я, а для Ивана Сергеевича все в ней было богодухновенным и все он верил без доказательств. Мои слова о сотворенности Библии были для него абсурдом. И в этих наших спорах о войне и мире он повторял не раз, что Библия дает лучший идеал мира и ведет людей на борьбу за мир, потому что только бог может устроить его на земле. Но напоминание о «военных» страницах Библии было ему настолько неприятно, что он, кажется, готов был принять мое объяснение их появления в священной книге.

Еще я отметил такой момент. Ему не хотелось слушать мои рассуждения о том, что сегодня некоторые христианские богословы разъясняют верующим, что нигде в писании не сказано, что мир — это высшая цель, что человечество будет существовать вечно, что в ней имеется много мест, где говорится прямо противоположное. Он, пропуская эти мои слова мимо ушей, с воодушевлением говорил, что как раз деятельность Советского правительства совпадает с промыслом бога, что вообще христианство говорит о мире и войне то же, что и марксизм.

Наши беседы с Иваном Сергеевичем и сейчас продолжают. И часто жизненно важные явления оказываются связанными с религией и атеизмом. Для меня теперь нет сомнения, что именно в беседах о войне и мире его позиции начинают колебаться. В чем-то он засомневался. Человек думающий, в ряде моментов он не может идти против очевидной логики. Однажды, вроде и без всякого повода, он сказал, что на свете есть, наверное, вопросы, которые можно решать без религии. Я только и ответил: «Без религии, но с верующими, с верующими, но — без религии». «И без атеизма?» — то ли спросил, то ли просто сказал он. «Со здравым смыслом, с реальным взглядом на обстановку, с заботой о людях, с верой в человечество», — таков был мой ответ тогда.

Бывают ли у вас споры по этой проблеме, коллеги пропагандисты? Как у меня с Иваном Сергеевичем? Надеюсь, понятно, что я назвал своего собеседника, к которому отношусь с большой симпатией, другим именем: ведь религиозные убеждения — деликатная вещь. А что вы говорите своему Ивану Сергеевичу, когда заходит речь о роли и месте религии в вопросах войны и мира?

г. Москва

В ЦЕНТРЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

На XXVII съезде КПСС особо подчеркивалась необходимость лучше выявлять общественное мнение, оперативно, чутко откликаться на запросы и настроения масс. Наш корреспондент О. Брушлинская обра-

тилась с рядом вопросов к доктору философских наук В. Г. БРИТВИНУ — руководителю Центра по изучению общественного мнения, созданного недавно в структуре Института социологических исследований АН СССР.

— Виктор Григорьевич, возглавляемое вами подразделение молодое, ему нет еще и года, но, вероятно, что-то уже удалось сделать?

— Одна из первых крупных работ связана с самой актуальной проблемой современности — сохранением мира, предотвращением ядерной катастрофы. Перед Женевской встречей в верхах и сразу после нее Центр провел опросы по актуальным проблемам международной обстановки. Они показали, что советские люди хорошо информированы, проявляют огромный интерес к советско-американским переговорам, глубоко озабочены судьбами мира и горячо поддерживают внешнеполитические инициативы партии. По мнению подавляющего большинства опрошенных, Советское правительство делает все возможное для оздоровления международной обстановки. В общественном мнении резко осуждается так называемая стратегическая оборонная инициатива США. Люди считают, что действия администрации Рейгана вызывают сомнения в искренности ее миролюбивых заявлений. Хочу подчеркнуть, что при этом большинство опрошенных высказали доброжелательное отношение к американскому народу, отметили, что СОИ направлена и против него.

— А как оцениваются итоги Женевской встречи?

— Около половины выразили надежду, что она даст импульс к изменению взаимоотношений двух стран в лучшую сторону. Однако немало высказано и опасений, что наметившиеся позитивные тенденции могут оказаться неустойчивыми.

— Вы отметили, что проведенный опрос обнаружил высокий интерес к проблеме международной жизни и советско-американских отношений. Чем он, на ваш взгляд, объясняется?

— Интерес к этим проблемам традиционно высок. А то, что особое внимание людей привлекают советско-американские отношения, вполне

естественно. От того, как они развоятся, во многом зависит решение кардинального вопроса — устранение ядерной угрозы, будущее человечества.

— Каковы направления дальнейшей работы Центра?

— Планы Центра достаточно обширны. В них предусмотрены все насущные вопросы, которыми живет страна после партийного съезда. Будем изучать общественное мнение о путях решения экономических задач, по социальным проблемам, совершенствованию социалистической демократии, охране окружающей среды.

— Будет ли изучаться отношение к средствам массовой информации?

— Конечно. Изучение аудитории средств массовой информации, ее реакции — важное направление в деятельности Центра. Предусмотрены и изучение читательской аудитории журнала «Наука и религия». Надеемся, что сведения о характере интересов, ожиданий, читателей, оценках различных публикаций окажут помощь в поиске резервов улучшения издания, который, как нам известно, сейчас ведет коллектив редакции.

— А есть ли в планах Центра проблемы, которыми занимается наш журнал?

— По моему мнению, многие наши темы имеют отношение, хотя и не всегда прямое, к тематике вашего журнала — ведь она связана с жизненной позицией людей, с мировоззренческими, нравственными проблемами, то есть с идеологией, воспитанием, пропагандой. Есть у нас в планах и непосредственно относящиеся к атеизму и религии вопросы, в частности будем изучать общественное мнение о нетрадиционных культах, получивших в последнее время распространение среди части молодежи и в некоторых кругах интеллигенции. Намеряем исследование общественного мнения о постановке атеистической пропаганды.

ВО ИМЯ ВЕРЫ?

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

Среди множества войн в истории человечества есть и такие, которые принято называть религиозными. «Во всей Северной Африке и Западной Азии, а также в Европе, — пишет Д. Неру, — шли многочисленные сражения, в которых христиане пытались убедить своих собратьев христиан в истинной вере с помощью колотушек, дубинок и тому подобных «мягких средств» убеждения». Добавим: так поступали не только христиане, но и

ревнители иных религий. Добавим также, что борьба за «истинную» веру ни на йоту не приближала человечество к истине.

Франсуа Мари Аруэ Вольтер в своем XVIII веке с грустью записывает:

«Ни одна полезная истина не возникла, в этом нет сомнения, в результате кровавых распрей, которые, опустошая Европу и Азию, начинались для того, чтобы выяснить, имело ли вечное и вездесущее существо дочку или же скорее сына, был ли этот сын зачат до или после сотворения мира, единосущен ли он своему отцу

*Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь, и дружба
сметены.
И. В. Гете*

или отличается только по своей природе; был ли он рожден на земле или в небесах, умер ли во время ужасной казни, воскрес ли он, спустился ли в преисподнюю, и вкушаем ли мы с тех пор его тело и пьем его кровь... имел ли этот сын одну или две природы, составляли ли эти две природы два лица...»

Так говорят о религиозных войнах политики и философы. Не обошла эту тему и художественная литература. Предоставим слово Джонатану Свифту — уж он-то, священнослужитель англиканской церкви, хорошо знал, что такое религиозные войны. Об отношении к ним знаменитого сатирика можно судить по отрывку из «Путешествия Гулливера», описывающему раскол среди лилипутов.

«Всеми разделяется убеждение, что вареные яйца при употреблении их в пищу испокон веков разбивались с тупого конца; но дед нынешнего императора, будучи ребенком, порезал себе палец за завтраком, разбивая яйцо означенным древним способом. Тогда император, отец ребенка, обнародовал указ, предписывающий всем его подданным под страхом строгого наказания разбивать яйца с острого конца».

И — начались раздоры, восстания... «Насчитывают до одиннадцати тысяч фанатиков, которые в течение этого времени пошли на казнь, лишь бы не разбивать яйцо с острого конца». Подлинный текст догмата между тем гласит (продолжает писатель устами одного из своих персонажей): «Все истинно

плече за живыми изгородями, окаймлявшими дороги, и, когда замечал одиноко бредущего католика, протестантская вера сейчас же одерживала верх в его душе. Он наводил на путника пицаль...» — и тот, как вы понимаете, расстался с кошельком. Когда же этот достойный человек «встречал гугенота, его сейчас же охватывала такая пылкая любовь к католической церкви, что он просто не понимал, как это четверть часа назад у него могли возникать сомнения в превосходстве нашей святой религии».

верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее».

В другом литературном ключе решает сходную проблему Александр Дюма-отец, автор всем известных исторических романов. Мушкетон, слуга доблестного Портоса, рассказывает поучительную и столь достоверную для своего времени историю отца:

«Это было во время войн католиков с гугенотами. Видя, что католики истребляют гугенотов, а гугеноты истребляют католиков, и все это во имя веры, отец мой изобрел для себя веру смешанную, позволявшую ему быть то католиком, то гугенотом... Вот он и прогуливался обычно с пищалью на

В итоге истовый последователь двух истинных вер встретился однажды сразу с католиком и гугенотом, которых когда-то ограбил поодиночке. Они его и прикончили...

Здесь к месту вспомнить любимого героя Романа Роллана, жизнелюбивого Кола Брюньона. Сыновья пошли не в не-

Рисунки В. Соколова.

го. Они много спорили о вере, и когда переругались из-за нее, отец на них прикрикнул:

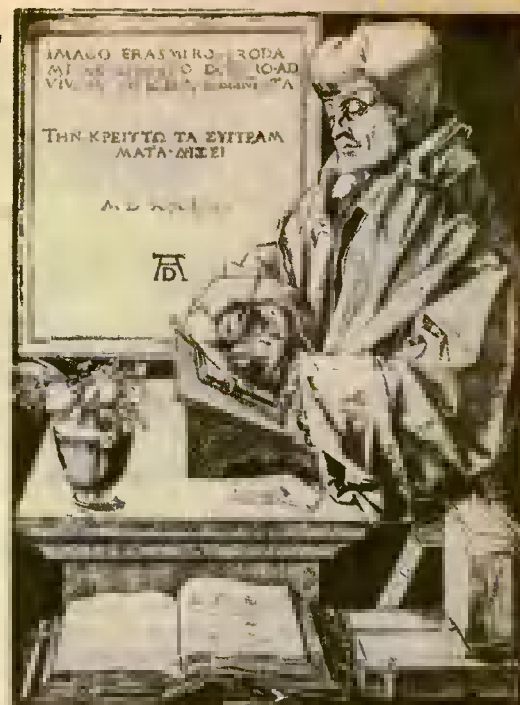
«— Здесь я хозяин, и я приказываю. Замолчите. Что это вы, с ума сошли? Или мы собрались, чтобы препираться о никейском символе веры? Я препирательства люблю; но сделайте милость, друзья мои, выберите предмет поновее. От этих я устал, они мне немогут. Спорьте, черт возьми, если это вам прописано для здоровья, об этом бургундском или об этой колбасе, о чем-нибудь таком, что можно видеть, выпить, тронуть, съесть: мы поедем, попьем, чтобы провернуть. Но спорить о боге — боже правый! — о святом духе, это значит показывать, друзья мои, что дух у вас помутился!.. Я ничего не говорю плохого про тех, кто верит: я верю, мы верим, вы верите... чему вам угодно. Но поговорим о чем-нибудь другом: неужели ничего такого не найдется на свете? Всякий из вас уверен, что создан для райских врат. Что ж, и отлично, я очень рад. Вас там ждут, каждому избраннику уготовано место, остальные — пожалуй — наоборот: само собой понятно... Да предоставьте вы господа богу самому размещать своих постояльцев; это его обязанность, и вы в его распоряжения не вмешивайтесь. Всякому свое царство. Богу — небо, нам — земля. Наше дело устроить ее, если возможно, поуютнее».

И ведь подействовало отцовское поучение!

Самая обнадеживающая сторона в истории религиозных войн — это то, что они принадлежат прошлому. Предвидя возражение читателей, скажем: да, столкновения, распри на религиозной почве, порой кровавые, еще существуют, но вот войн таких уже нет. Человечество справилось с этим злом. Не так ли должны уйти в минувшее и «просто» войны?

К 450-летию со дня смерти Эразма РОТТЕРДАМСКОГО

Важно сказать о том, чем дорог нам сегодня, и именно сегодня, Эразм Роттердамский... Он был первым из писателей и творцов западной культуры, кто осознал себя европейцем, первым воинствующим борцом за мир, вдохновенным поборником гуманистического идеала, свободного и высокодуховного. Само порождение Эразма в этой борьбе за более правильный, гармоничный облик нашего духовного мира, весь трагизм его судьбы делает этого человека нам особенно близким, особенно тесно связывает его с нами. Эразм любил то же, что и мы: поэзию и философию, книги и произведения искусства, языки и народы, и, не делая между ними различия и вдохновляясь лишь высшими нравственными представлениями, — любил все человечество. Единственное на земле, что он поистине ненавидел как силу, враждебную разуму, — это фанатизм... Он был убежден, что едва ли не любой конфликт между людьми и народами можно уладить добром, путем взаимной уступчивости, ибо все это в пределах человеческого разумения; почти каждый спор, к примеру, мог бы быть разрешен полюбовно, если бы всякого рода ярые и яростные воители не перегибали палку. Поэтому Эразм боролся против всякого фанатизма: религиозного, национального, идейного, против любых нарушителей и заядлых врагов согласия; он ненавидел их, твердолобых и ограниченных, кто бы они ни были и какое бы обличие ни носили: рису ли священника или профессорскую мантию, ненавидел этих нетерпимых мыслителей в шорах, требующих, чтобы все рабски подчинялось только их мнению, а всякий иной взгляд презрительно объявляющих ересью или плутовством.

● Эразм Роттердамский. Гравюра А. Дюрера.

Безусловной предпосылкой для взаимопонимания Эразм считает отказ от насилия и прежде всего от войны, которая означает «крах всех добрых дел». Его можно назвать первым в литературе теоретиком пацифизма. В эпоху беспрерывных войн он написал по меньшей мере пять работ против войны...

Для людей мыслящих оружие никогда не является аргументом в споре; в случае войны, подчеркивает Эразм, мыслители, ученые всех наций не должны разрывать своей дружбы. Их долг — не усугублять своими пристрастиями противоречий между народами, расами и условиями, между представителями разных взглядов, а держаться чистых сфер человечности и справедливости.

С. Цвейг. Триумф и трагедия
Эразма Роттердамского

Наступит день, когда наука породит машину или силу столь страшную, столь беспредельно ужасную, что даже человек — воинственное существо, обрушивающее мучения и смерть на других с риском принять мучения и смерть самому, — содрогнется от страха и навсегда откажется от войн.

Т. А. Эдисон (1847—1931)

● Спящий Марс. Гравюра Якоба де Гейна III. XVII в.

● В аппаратной работает советско-американская группа. Сидят (слева направо): инженер телестанции «Кинг-5» Тайрон Мортенсен, продюсер телемоста Эдвард Вьерзбовски, руководитель передачи Владимир Корчагин и режиссер Владимир Мукусев.

В. ПОЗНЕР, М. ШЕВЕЛЕВ

ТРУДНОСТИ ОБЩЕНИЯ знакомы каждому. Они сопровождают нас в повседневной жизни — даже близким людям порой нелегко понимать друг друга. Когда же мы имеем дело с культурой, традициями, жизненным укладом других народов, эти трудности умножаются.

Как один народ узнает о другом? Самые привычные пути — туризм, газетная информация, литература, театр, кино, профессиональные контакты. Не так давно к ним добавился еще один — телемосты.

В сентябре 1982 года в Калифорнии в местечке Сан-Бернардино проходил рок-фестиваль с участием известных американских исполнителей. Его организаторы (среди них 33-летний Стив Возняк, изобретатель одного из первых персональных компьютеров) стремились показать, что технические достижения могут служить объединению людей — они широко использовали мощные динамики, компьютеры, лазеры, гигантские — высотой в 2 — 3-этажный дом — телеэкраны, воспроизводившие то, что происходило на эстраде. И за три дня фестиваль собрал аудиторию в миллион человек!

Тогда и родилась идея: ведь всю эту технику (в частности, огромные телеэкраны) можно приспособить не только для того, чтобы концерт увидел миллионная аудитория, с ее помощью можно провести диалог между жителями разных континентов...

Когда Гостелерадио получило предложение установить с фестивалем в Калифорнии телекосмическую связь, согласие последовало немедленно. В телестудии Останкино во время подготовки и проведения первого телемоста само это слово произносилось редко. Публика, приглашенная в студию в ночь с 4 на 5 сентября 1982 года, — студенты, эстрадные исполнители, журналисты — пребывала в ожидании, возбуждении, но и в некотором недоверии. Техники отделялись гуманными словами о том, как трудно «поймать спутник»; они были здесь главными, от них зависело, быть или не быть чуду.

И когда на огромном экране в Останкине вдруг появилась залитая светом прожекторов, заполненная людьми обширная долина в Калифорнии — восторгу не было предела. Всех поразило эффект присутствия — на экране люди в полный рост, ребята потянулись к экрану, махали руками, что-то кричали. Всех волновало: а там видят ли нас? Раздался голос американского ведущего, объявлявшего своей аудитории — «На наших экранах — Москва!», и триста тысяч американцев издали совместный возглас, по которому мы поняли: они нас и видят, и слышат. И пошло веселье! Алла Пугачева и рок-группа «Круиз» пели для НИХ, Эдди Мани и «Кинкс» — для НАС. Камеры показывали американскую аудиторию крупным планом — ее реакция ничем не отличалась от нашей. Телемост-первенец получился шумный, технически несовершенный, незабываемый...

Здесь, нам кажется, надо сделать некоторое отступление. Сегодня народы СССР и США настойчиво ищут пути взаимного узнавания и понимания. За океаном все больше появляется людей, которые хотят, чтобы американцы лучше узнали Россию, и активно содействуют этому. Синтия

● Комментатор советского телевидения Владимир Познер.

● Диалог закончен. Участники телемоста «Ленинград — Сигет» оставляют автографы.

Фото ТАСС.

Лазарофф из Калифорнии. После окончания Принстонского университета она поехала работать в СССР — преподавать английский язык в ленинградских и московских школах. Поначалу у нас ей было нелегко: ни друзей, ни привычного комфорта, чужой язык, к тому же пять месяцев в году снег. Но зима рано или поздно кончается, появились друзья, и

русский язык перестал казаться непреодолимой преградой. Узнавая нашу страну, Синтия начала понимать, как мало знают о России у нее на родине и как много американцы из-за этого теряют. Она решила: так быть не должно.

Американцы, как известно, люди деловые. Вернувшись в Штаты, Синтия создала организацию «Молодежный обмен США — СССР». Ее цель — помочь молодым американцам лучше узнать Советский Союз. Организация — это, пожалуй, громко сказано. Сначала Синтия сама всю ее и представляла. Много ли может один человек, даже если он — организация? Оказывается, немало. Если это — человек дела. За три года Синтия выпустила учебник о Советском Союзе для американской школы, наладила переписку между ребятами в Калифорнии и пионерами Москвы, Ленинграда, Тбилиси, была гидом многих туристских групп американцев в СССР.

А в 1985 году Синтия собрала

● В студии Ленинградского телецентра.

● На экране американский телекомментатор Фил Донахью.

молодых людей из всех штатов и повела их в поход на Кавказ. С помощью Спорткомитета СССР они пригласили принять в нем участие сверстников из нашей страны. Эта советско-амери-

канская группа поднялась на Эльбрус. Документальный фильм о восхождении был показан по американскому телевидению в день начала Женевской встречи (слово «саммит» в

английском языке означает и встречу в верхах и вершину горы).

В последнее время многим стало известно имя Дэвида Уолкомба. Он написал пьесу «Дитя мира», которую поставили десятки театров (в основном, самодельных) в США. Сюжет ее простой: встретились советская девочка Катя и американский мальчик Бобби, они подружились, это оказалось легко, но вот объяснить взрослым, почему это легко, оказалось гораздо труднее. В конце концов это удается. «Эх, если бы тысячи людей ездили во все страны и уговаривали людей не воевать, а любить друг друга!» — мечтает Бобби. «И нас было бы много, тысячи людей, настоящая армия!» — подхватывает Катя. — И нам не нужны были бы пушки и бомбы, и люди бы нас встречали не как врагов, а как самых лучших друзей!» «Не так все просто», — замечает брат Кати Володя. Он старше, он сомневается. В поддержку идей пьесы возникло целое общественное движение, которое так и называется «Дитя мира». Многим американцам стала близка мысль о том, что «не так уж сложно — дружить с кем-нибудь», — как говорит Бобби.

Но чтобы дружить — надо лучше узнать друг друга. Ведь и наши представления об американцах не во всем полны и точны. Мы не слишком хорошо знаем историю и культуру этой великой страны, характер ее народа.

Мы не похожи на них. Но разве непохожие люди и народы должны обязательно становиться врагами?

Американский психолог Сэм Кин написал несколько лет назад книгу «Лицо врага». Его идея такова: человеку свойственно настороженно относиться к чужим обычаям, традициям, культуре, как и вообще ко всему непривычному. Однако заставить человека убить себе подобного не так просто. Это противоречит его естеству. Поэтому, если хотели, чтобы кто-нибудь спустил тетиву или нажал курок, его соответствующим образом обрабатывали: заставляли сделать шаг от настороженности к враждебности, внушали, что убить надо не такого же, как он, человека, а чудовище, выродка. Противника пытаются «дегуманизировать». (На этом, кстати, построена нацистская доктрина о превосходстве арийской расы над «недо-человеками».)

Сэм Кин стал одним из ведущих второго телемоста, когда год спустя на связь вновь вышли Останкино и Сан-Бернардино. В Москве выступал ансамбль «Арсенал», а в Калифорнии — «Мен эт уорк» и исполнители Джо Шарино и Джоэль Скотт. Музыкантам двух стран удалось почти невозможное — телекосмический джем-сейшн — совместная импрови-

зация нескольких солистов: один начинает тему, другой подхватывает, потом играют вместе. А невозможным это казалось потому, что при телемостах существует разрыв во времени, примерно три секунды — пока звук через спутник дойдет от одной студии к другой. При разговоре это нестрашно, но музыкантам потребовалось все их мастерство и желание, чтобы разрыв преодолеть.

Музыка с обеих сторон — это хорошо, это прекрасно, но организаторы второго телемоста уже понимали: ее одной теперь недостаточно. Пора знакомиться ближе, пора поговорить. С нашей стороны разговор вели академик Е. Велихов, космонавт В. Севастьянов и педагог З. Малькова, с американской — конгрессмен Дж. Браун, астронавт Р. Швайкерт и специалист в области образования М. Митчелл.

Расти Швайкерт рассказал, как в космическом полете, когда ему надо было вести киносъемку за пределами корабля, неожиданно отказала кинокамера. Пока ее чинили, Швайкерт, по его выражению, «болтался» в космосе и рассматривал Землю. И за три-четыре минуты он увидел, как прекрасна наша планета, но и ясно вдруг ощутил, как она мала и хрупка, и что она такова для всех ее жителей. Это ощущение уже не оставляло американского астронавта никогда. Так что неплохо, заключил он, когда техника порой отказывает.

Именно в тот вечер академик Велихов произнес слова, которые потом много раз цитировались. Их стоит повторить: «Сорок лет назад мы победили общего врага, но тогда же родился новый враг, еще более страшный — ядерное оружие. Некоторые люди воспринимают его как мускулы нации, а на самом деле это раковая опухоль, которую, как понятно сегодня не только врачам, надо удалить срочно, без промедления». Ему, стоя, аплодировали люди по обе стороны океана.

Что же мешает людям лучше понимать друг друга?

Более всего — стереотипы мышления. Нам бывает удобнее для оценки фактов, событий, национальных особенностей пользоваться стереотипами. Удобнее — по разным причинам. Среди них и недостаточная информированность, и консерватизм, и привычка соглашаться с мнением большинства.

Сравнительно недавно в США был проведен опрос общественного мнения, который показал, что американцы довольно слабо осведомлены о событиях недавней истории. Почти половина опрошенных (в основном молодежь) не знали, что СССР воевал против Гитлера, а треть из них считала даже, что США воевали против СССР.

Если они смотрели телемост «Вспоминная война», проходивший в середине прошлого года, то теперь твердо знают, что наши страны вместе сражались против фашизма. С обеих сторон в телемосте приняли участие и те, кто воевал, и те, кто пережил войну в тылу. Москвичка Агриппина Хромова вспоминала, как она девчонкой работала на военном заводе, зимой в холодном цеху руки примерзали к металлу. «Пусть руки наших детей трудятся только для мира», — сказала она. Лоретта Фой из Сан-Диего, которая во время войны перегоняла с завода бомбардировщики, поставившаяся Красной Армии, хорошо понимала то, о чем говорила Хромова.

Вспоминая войну, участники телемоста порой не могли сдержать слез. Им легко было разговаривать и понимать друг друга: они проливали кровь за общее благородное дело. Но неужели цена взаимопонимания всегда должна быть так высока?

Эллиот Рузвельт, сын президента Франклина Рузвельта, участник войны, так выразил свои впечатления об этом телемосте в интервью газете «Лос-Анджелес таймс»: «Сегодня мы попытались построить мост взаимопонимания. Это может оказаться важнее иного официального визита в Москву».

Но стереотипы, как и дурные привычки, удивительно живучи. Вот, к примеру, что писал один из американских журналистов по поводу телемоста, в котором американская общественная организация «Мир без войны» вручает награду движению «Врачи мира за предотвращение ядерной войны»: «Телевидение позволило нам узнать, каким образом Кремль манипулирует движением за мир в Соединенных Штатах... Американское телевидение становится одним из орудий советской пропаганды... Телемост — наглядный пример того, как манипулируют средствами массовой информации, общественным мнением, наивными врачами, которым лучше заниматься своей органической химией...» Комментарии вполне стереотипные.

Для первых телемостов темы выбирались обеим сторонам близкие и понятные: воспитание и образование; медицина; последствия возможной войны, воспоминания о прошедшей. Чтобы наладить общение, надо прежде всего понять, сходятся ли взгляды на основные, принципиальные жизненные проблемы. Если да, тогда можно обратиться к спорным позициям и о чем-то договориться...

Телемосты — новый способ коммуникации — в самом начале своей истории. Поэтому до сих пор все они, кроме одного, о котором речь пойдет ниже, выполняли, по выражению академика Велихова, функцию «поиска места и меры». Как будто двое людей

встретились, едва познакомились, пожали друг другу руки, сказали, что рады встрече, но спорить им пока что не хочется, — вдруг чем-то заденешь собеседника. В телемостах почти не было споров, аудиториям хотелось безусловно дружить и улыбаться. На острых, конфликтных вопросах как будто лежало негласное табу. Но вот в тринадцатом по счету мосте «Ленинград — Сизтл» это табу было в чем-то снято.

Ведущий Фил Донахью — известный в США человек: в течение 17 лет он пять раз в неделю ведет часовую программу по американскому телевидению, беседуя с аудиторией примерно в сто человек на заранее выбранную тему: скажем, имеет ли право смертельно больной человек требовать от врача, чтобы он ускорил его кончину. В такой передаче участвуют врачи, юрист, священник. Или тема «звездные войны», которую обсуждают два физика: один — решительный противник СОИ, другой — ее сторонник. Аудитория задает им вопросы, высказывает свою точку зрения.

И вот Донахью ведет телемост. Это вызвало к передаче интерес крупных коммерческих телекомпаний. У предыдущих телемостов была сравнительно небольшая аудитория. Исключением стал телемост, посвященный Саманте Смит, который показали 180 станций для возможной аудитории в 40 миллионов зрителей. Это объясняется тем, что и Саманта Смит, и пьеса Дэвида Уолкомба «Дитя мира», о которой также шла речь в передаче, чрезвычайно популярны в Америке. «Мост» с Донахью заранее приобрели 75 крупнейших коммерческих телестанций США, что для Америки большая редкость — там не любят покупать «кота в мешке». Боясь обвинений в тенденциозности при подборе участников, Донахью попросил, чтобы формированием советской аудитории занимались его сотрудники. Американские тележурналисты приехали в Ленинград, прямо на улицах подходили к людям и спрашивали: «Хотите ли вы обсудить состояние советско-американских отношений с американцами?» Далеко не все соглашались, однако подобралась аудитория более 125 человек — рабочие, моряки, колхозники, шоферы, медсестры, представители интеллигенции. В Америке этот мост назвали «Встреча в верхах рядовых граждан».

Разговор поначалу шел тяжело, было высказано немало взаимных упреков, взаимопонимание не налаживалось. И тут один из американских участников, рыбак с Аляски, сказал: «Я пришел поговорить с русскими по душам, узнать, что они за люди, а тут опять все то, что я каждый день слышу по радио и вижу по телевизору! Если б я знал, что пойдет такой разговор,

я бы сюда не пришел!» Ему заплодировали все — и американские и советские участники телемоста. С этого момента пошел разговор иной, в котором обе стороны многое для себя поняли и многое узнали. Мы — о том, как относятся американцы к своему правительству; как воспитывают детей, о чем мечтают; они — о том, как живут в СССР национальные меньшинства, чего хотят советские люди для своих детей; на что тратили бы средства, которые сейчас приходится тратить на вооружение.

Любому американцу с любым русским разговаривать сложно. Причин много. Мы разные. Хотя бы потому, например, что большинство американцев называют себя верующими, а большинство советских людей — атеисты. Значит, телемосты — это еще и диалоги людей с разным мировоззрением. И что же — помешало разное отношение к религии участникам телемостов? Не возникло ли на этой почве предубеждение друг к другу? Кажется, все больше простых американцев начинают понимать нас. Но кое-кому, видимо, это не по душе, и происходят вещи, не способствующие взаимному пониманию. Трудно, к примеру, объяснить, чем руководствовались американские организаторы телемоста «Ленинград — Сизтл», когда при редактировании записи исключили из нее рассказ двух священников о положении религии в нашей стране. Или то, что они говорили, не соответствует удобным стереотипам? Вполне возможно. Но речь идет уже о том, кто их формирует, кто стоит у пульта американского телевидения. Мы уверены, существуют вопросы, которые одинаково волнуют всех — и верующих и атеистов: образование, здравоохранение, законность, голод в мире, отношение человека к природе. И вряд ли здесь их взгляды разойдутся далеко...

Телемост — это возможность прямого контакта, живого, непосредственного разговора. Возможность уникальная. Было бы наивно рассчитывать, что они совершили переворот в отношениях СССР и США. И все-таки телемосты — это шаг вперед на длинном пути преодоления незнания, предрассудков и предубеждений.

Профессор Хиггинс, герой известного мюзикла «Моя прекрасная леди» (по пьесе Б. Шоу «Пигмалион»), устав возиться с Элизой, в сердцах воскликнул: «Ну, почему женщина не может быть более похожа на мужчину!» Возмущаться тем, что мы отличаемся (и очень!) друг от друга — непродуктивный путь. Нужно признать друг за другом право быть разными и понять — в чем эти различия. Если мы этому научимся, мы будем жить в мире. Или, проще говоря: мы будем жить...

НАША ЗЕМЛЯ

Представление людей о себе всегда зависело от их представления о Земле. Когда наш мир — весь существующий мир — ограничивался Землей, когда звезды были огнями дантовского Неба, а земля под ногами — кровлей Ада, человек видел в себе создание, помещенное в центре Вселенной, единственный предмет неусыпного внимания господ бога. Занимая столь высокое положение в мире, люди без всякого стеснения владели и правили им, предаваясь убийствам и завоеваниям.

Когда же спустя несколько столетий Земля перестала быть всем миром, а сделалась лишь влажной, вертящейся планеткой в системе второстепенной звезды, где-то на окраине незначительной Галактики, затерявшейся в необъятных просторах космоса, когда исчезло Небо Данте и пропал Ад (во всяком случае тот, что был под ногами), люди увидели в себе не актеров господнего театра, разыгрывающих под его руководством благородную драму, но беспомощных жертв пошлого фарса, в котором бессмысленно, без малейшего основания — не считать же таковым грубую силу — миллионы людей гибнут в мировых войнах, в испепеленных городах и в концентрационных лагерях.

Но за последнее время наше представление о самих себе, возможно, вновь изменилось. Ибо впервые — вонстину впервые за все времена — люди увидели Землю по-настоящему: не отдельные материки и моря с близкого расстояния в 200, 300 или 400 километров, но всю Землю — шарообразную, крошечную, прекрасную: увидели так, как Данте, поэт, обладавший «лучшим воображением христианства», не мог узреть ее и в мечтах; что же касается XX века, то наши философы абсурда и отчаяния даже не догадались, что ее вообще можно увидеть. «Обитаема ли эта планета?» — спросили друг у друга астронавты, увидев открывшуюся картину, и засмеялись. Но смех тут же умолк. Оказавшись за 160 000 километров от дома, «на полпути к Луне», они вспомнили жизнь, существующую на этой одиноко плывущей в пространстве планете, на этой пылинке в бесконечной пустоте ночи.

«Обитаема ли она?»

Новейшее представление о Земле, рожденное в умах бесстрашных путешественников, людей, как все мы, может преобразить и наше представление о человечестве. Перестав быть нелепой фигурой в центре всего существующего, перестав быть униженной и унижающей других жертвой по ту сторону реальности, ослепленным кровью созданием, человек получит наконец возможность стать самим собой.

Увидеть Землю в ее подлинном обличье, увидеть голубую планету, плывущую в вечном безмолвии, — значит увидеть самих себя как тесное содружество путешественников на одном корабле, как братьев, родившихся в ярком очаровании среди вечного холода и осознавших наконец себя братьями.

Арчибалд МАКЛИШ,
американский поэт,
лауреат Пулицеровской премии

УБИТЬ УБИЙСТВО

В 1941 ГОДУ я был 14-летним подростком. Фронт непонятно и страшно катился на восток, а мы почти незаметно для самих себя стали делать то, за что немецкие приказы обещали одно: «расстрел». Не было городка, поселка да, пожалуй, и улицы в Белоруссии, где не действовало бы свое подполье, своя «молодая гвардия».

В то время многими поступками двигала ненависть — и понятно почему. Но в этом ли была наша главная сила?

Сам я, может быть, по малолетству, был как раз выражением чувства ненависти. Но ни в одном случае, ни разу я не запомнил с этим чувством — в глазах, на лице, в поведении — свою мать. Хотя казалось бы: мало того, что оккупанты пришли, чтобы лишить всякого будущего ее детей или убить, но из-за них она должна была заниматься делом, навлекающим на дом, на детей смертельную опасность: она привозила из Бобруйска медикаменты, продукты и носила их в лес, к партизанам. Материнский инстинкт в ней был обострен до крайности. И вот делала то, за что и ее, и детей могли схватить, пытаться, казнить. Нет, никакая ненависть ее не принудила бы к этому.

К 20-летию Победы наградили мать второй медалью «За отвагу». Она не обрадовалась — испугалась: «Что это? Или опять война? Опять мы нужны?»

Переносясь мыслями на 45 лет назад, вспоминаю, что пришел в лес с Пушкиным и Толстым: тайком вынул из чемоданчика, который поручено было нести, буханку хлеба и втиснул книги, самые нужные, как мне казалось, партизанам. Уже через полгода потянуло записывать. К тому времени достаточно настроился, находился, набылся в партизанах. И, видно, захотелось «остановить мгновение», хотя прекрасным представлялось оно едва ли.

Сидя возле потрескивающей на загнетке смоляной лучины, дневала, пробовал писать карандашным огрызком на попадавших под руку листках: день, час, деревня Крюковщина Глусского района (или какая-то другая), возвращаемся от «Варшавки», хлопцы спят на голом полу, бормочут, вчера было то-то, а месяц

Великая Отечественная... 45 лет
отделяют нас от 22 июня 1941 года.

«Москва держится. Ленинград не сдается» — как это важно было слышать, знать в лесах Белоруссии... Город на Неве демонстрировал бессилие врага, оно тянулось годами, это кошмарное для Гитлера бессилие сделать хотя бы шаг вперед.

Тогда мы не знали, кому поклониться за эту, из Белоруссии казавшуюся нам железной, стойкость ленинградцев. Участие в работе над «Блокадной книгой» автора-белоруса пусть тоже будет таким поклоном, хотя бы запоздалым...

Это слова Алеся Адамовича. «Блокадная книга», написанная им вместе с Даниилом Граниным, получила литературную награду — премию и золотую медаль имени А. Фадеева. Специальный корреспондент «Науки и религии» Александр Романов встретился в Минске с Алесем АДАМОВИЧЕМ. Вот что он рассказал.

назад... Но скоро бросил это занятие с чувством человека, который барахтается среди моря, не зная, где берег и выплывет ли, а сам хочет запомнить цвет воды и неба, себя в эти минуты. Выживешь, тогда и будет все, а теперь... Помню, что именно в эти дни в той же Крюковщине проверял себя на такой вот мысли (запомнил ее и действительно записал, но уже после войны): что, если бы пришел кто-то и спросил: «Согласишься неделю — две прожить, как до войны, но потом умереть?» И я соглашался. Правда, тут же выторговывал себе деньков десять лишних и считал, что здорово выиграл бы, потому что без такого «угловора», может, и десяти дней не проживешь: сколько ребят, которые позже тебя пришли в отряд, уже нет...

«Как бы ни были высоки наши побуждения, — справедливо сказал спустя годы Константин Симонов, — война все равно оставалась противостоительным состоянием для каждого человека, не потерявшего людской облик».

Рассказы тех, кто испытал на себе страшную суть фашизма, — важный

человеческий документ. Но и признания, психология, поведение, биографии, само «посюстороннее» существование бывших карателей — тоже документ. Документ бесчеловечности, «расчеловеченности». Десять лет назад на процессе в Минске давала показания немолодая женщина. Она рассказывала, как вырвали из рук ее ребенка, обличала карателей, а весь облик ее, тихий голос взывали: «Не хочу ничего, лучше бы ничего не знать — ни того, что в 44-м было, ни этой расплаты в 76-м».

Но все было. Было, и ни от чего не уйти ни памяти людской, ни литературе — и не мести ради, а потому, что если трусливо оставить темные бездны позади, ничего не поняв, они снова окажутся у человека под ногами.

...Я смотрел на подсудимых, бывших карателей. Ведь тогда им было 18, 17, даже 16 лет. Да мы же вместе, в одинаковых школах изучали Пушкина, одинаки над тургеневской «Муму», над судьбой чеховского Ваньки Жукова и его мольбой: «Милый дедушка, сделай божескую милость, возьми меня отсюда домой!» — и вдруг каратели, убийцы детей, женщин! Говорят, одноклассников легче понимаешь. Здесь же не понимаешь потому именно, что одноклассники.

Вырастали мы в мире не безоблачном. Но мир книг, нас, меня окружавших, был самый светлый: Пушкин, Толстой, Некрасов, Гюго... Ясность, гармония, простота, предчувствие обязательного счастья, добра, любви!

В нашем поселке рабочих-стеклодувов есть свой обелиск жертвам фашизма — около ста фамилий. А какие столбики имен-фамилий получились бы, если записать, чье детство оборвалось до войны...

А все-таки книги стали нужны, когда схлынула первая волна ошеломленности. Вчитывался в Толстого, это понятно: у него ведь о разгроме нашествия под Москвой, о дубине партизанской войны! Но не только об этом. Так же, как любимые одноклассники Пушкина, Лермонтова, Гюго, Байрона, которые читал-перечитывал при дымной копилке, книги Толстого помогали сохранять, удерживать мир воспоминаний, когда все это читалось впервые и так сопрягалось с довоенными мечтами, надеждами...

Война бесчисленным количеством ситуаций, поступков выявляла в нас невозможность переступить границу, черту, которая отделяла от них, фашистов. Да, им «можно», на то они и фашисты, а нам нельзя — многое, очень многое нельзя! А иначе количество зла в мире никогда не уменьшится, зло будет лишь перекрашиваться в другие цвета.

Я уже писал, какая мучительная сложность таких вопросов открылась

нам с Элемом Климовым, когда в 1977 году работали над сценарием фильма «Убейте Гитлера!» (по «Хатынской повести»). Там такая финальная сцена.

Партизаны и жители с уцелевшим скарбом и двумя-тремя коровами пытаются оторваться от немцев, уйти через горящие торфяные поля.

В полубреду от чада и усталости после целого дня хождения по замкнутому кругу, когда не понять было, кто кого преследует, мальчишка-партизан Флера Гайшун рисует себе фантастическую картину.

только что захвативший власть, убит в открытом автомобиле на каком-то параде!

Флера стреляет холодно и методично — надо убить этого «зверя», убить все, что сделало слово «немец» синонимом самого страшного зла — фашизма!

И убитые, замученные встают. И нет, не было Дахау, Освенцима, Треблинки...

Выстрел прошивает Гитлера, когда он появляется с бандой штурмовиков на улицах старого Мюнхена.

Дымящаяся дыра в фотоизображении Адольфа Шикльгрубера-Гитлера, ефрейтора первой мировой войны.

Выстрел! — и нет безусого парня с чёлкой, который позирует вместе с папой и мамой на фоне австрийского пейзажа. И вот в стволе Флериной винтовки последний патрон, он целится...

Перед ним — женщина, типичная немка конца прошлого века. Одета скромно, чистенько. На руках у нее — годовалый младенец. Женщина смотрит в фотоаппарат, откуда вот-вот вылетит «птичка» для ее младенца. Она — мать, обычная мать, которая родила ребенка, мальчика. Она верит, как каждая мать, что подарила миру

если не доброго гения, то хорошего, честного, нужного людям человека...

Флера медлит, не нажимает курок.

Женщина с младенцем спокойно и счастливо смотрит на него.

Она не знает, ей знать не дано, что ее невинный младенец Адольфик, когда вырастет, зальет кровью и слезами миллионы вот таких же младенцев и матерей.

А мальчик с винтовкой это знает, он это видел, испытал. Он живет в мире, где нет имени ненавистнее для сотен миллионов людей, чем Адольф Гитлер.

Так что мальчик — выстрелит или не выстрелит в младенца Гитлера?

На этом вопросе мы собирались закончить фильм — на вопросе без прямого ответа.

Как все взвешивать, учитывать Флере, у которого убили родных, который жил в одной из белорусских хатыней,

*К. М. Симонов и
А. М. Адамович.
1975 г.*

*Командиры
белорусских
партизанских
соединений
1943 г.*

Вот такой процессией идут они по освобожденной Европе до самого Берлина, проходят через ликующие столицы и деревни, все с теми же коровами, побуревшими от ожогов и сажи, тащат свой небогатый скарб бабы, детишки, партизаны — но словно не видимые никем, не смешиваясь с толпами других людей.

Потому что у того, кто все это рисует в своем воображении, осталась в жизни одна-единственная цель, ему нужен лишь один человек на всей земле. Чтобы его убить.

Флера и Глаша и идущие за ними проходят на фоне Бранденбургских ворот.

Перед ними толпа, охрана-оцепление. Из подземного бункера на белый свет выводят фашистских главарей.

Флера стоит в толпе. Флерины глаза ищут самого главного.

Вот он! В шинели, с поднятым воротником, без фуражки, небритый, мешки под глазами.

Гитлер, пряча глаза, идет вместе с остальными к серому крытому автомобилю с решетками на окнах.

Перед тем как поставить ногу на ступеньку, он оборачивается. Взгляд Гитлера останавливается, он не может не заметить парня в грязной немецкой форме — такие у него глаза, у этого парня!

Гитлер видит, что парень медленно поднимает ствол винтовки, у которой разбитый приклад, как культа, обмотан тряпкой.

Гитлер пытается скрыться в автомобиле, но поздно — гремит выстрел...

Быстро крутится назад хроника жизни — его и фашистской Германии. С обвальным грохотом крутится: 1945... 1943... 1941... 1940...

Следующий выстрел настигает фюрера на трибуне огромного стадиона, пробивает его насквозь, разрывая в клочья!

И встают из руин дома, снова целы Варшава, Минск, Сталинград...

1938... 1936... 1934... Теперь Гитлер,

*На съемках
фильма «Иди
и смотри».
А. М. Адамович
и Э. Г. Климов.
1984 г.*

где сожгли всех жителей, не пощадив и детей?

Но ведь и у того солдата из Минска, рабочего-бойца Трифона Андреевича Лукьяновича, который спас немецкую девочку, а теперь стоит бронзовый в центре Европы, в Трентов-парке, у него фашисты тоже убили детей, жену, стариков родителей, он шел в «проклятую Германию» как мститель, а действует как спаситель... Отдал собственную жизнь за немецкого ребенка.

Выстрели в «младенца» Флера — что, не стало бы будущего убийцы? Нет, зло не только осталось бы среди людей, но и приблизилось бы — ведь тогда Флера был бы тем самым убийцей, выстрелившим в ребенка, способным выстрелить.

Убить самое убийство — только так можно навсегда убить Гитлера!

В кинематографе жизнь тоже «крутится» вперед. Мы с Элемом Климовым сделали сценарий по «Хатынской повести», где не актеры исполняют «роль народа», а сам народ, жители окрестных белорусских деревень. Фильм «Иди и смотри» на Московском международном кинофестивале получил Главный приз.

«Иди и смотри» — слова из Апокалипсиса. Но фильм именно о том, чтобы не допустить «конца света». Для меня финальная сцена, сцена «невистрела» — метафора гуманизма, в котором слились воедино мудрость, благородство, непосредственность детского, доверчивого взгляда, сохранившегося, несмотря ни на что. Это — завет поколения, воевавшего в последней мировой войне, более того — завет всех поколений, воевавших в бесчисленных войнах в течение веков и тысячелетий, завет новым, будущим поколениям: не стреляйте!

В этом году еще одна дата — 40-летие Нюрнбергского процесса — суда народов над гитлеровскими главарями.

Когда Нюрнбергскому суду, журналистам, солдатам охраны, публике (и подсудимым тоже) показали кинодокументы нацистских зверств в Европе (в Белоруссии, Подмошье, на Украине, в Польше, Югославии), показали Освенцим, когда после этого зажегся свет в зале, люди, поднявшись, все повернулись и стали смотреть на главных убийц: пять минут, десять, пятнадцать... Молча смотрели на себе подобных, содеявших это.

Уже не пятнадцать минут, а сорок лет длится он — этот взгляд человечества. Кое-где фашизм поднялся с той скамьи, разминает затекшие мускулы, сменил смиренно-удивленную, искательную мину на наглую ухмылку. Он уже рычит сытым баварским голосом: «Сегодня Германия достаточно сильна. Мы имеем право требовать, чтобы все прошлое было забыто!»

Забыто?

Сонгами... И сразу вспыхивает, как в луче: Лидице, Орадур, Хатынь.

Молодчики, избивающие ремнями за чтение книг... И видятся сразу костры из книг на площадях Берлина и Мюнхена!..

Штраус, Адольф фон Тадден, Пиночет... Под взглядом людей проступают на их лицах соплевидные усики...

И новые фюреры нервничают, где бы они ни объявились.

О них, об их будущем люди помнят все. И они сами помнят о себе... Хотя так хотелось бы забыть! Как сидели пойманно, а люди в Нюрнберге, в Минске, в Киеве, в Варшаве, в Белграде разглядывали их, и жертвы смотрели с киноэкранов в упор... Помнят они, как у них, называвшихся тогда герингами и кохами, растягивались губы в искательную улыбку перед конвоиром, победителем, солдатом. Как жалко, не похоже выглядели они, недавние дуче, под дулом партизанского автомата. Как визжали, как не хотелось им, кальтенбруннерам, в петлю, как падали они, розенберги, в обморок, хотя чужие смерти, миллионы свершавшихся по их планам чужих смертей вызывали в них разве лишь профессиональную скуку. И как у них, называвшихся тогда гитлерами, шамкал рот и дрожали пальцы, ощупывающие ампулу с ядом.

Как это у Пита Сигера — поющего американца? «Последний поезд в Нюрнберг! Последний поезд в Нюрнберг! Каждый занимает свое место! Вы видели лейтенанта Келли? Вы видели капитана Медину? Вы видели генерала Костера? Вы видели Уэстморленда?

Отходит поезд в Нюрнберг!»

Не так давно Вера Александровна Покровская предложила мне ознакомиться с архивом ее покойного мужа — Ю. В. Покровского, заместителя главного обвинителя на Нюрнбергском процессе. Он рассказывал тогда и о преступной деятельности карательного батальона Дирлевангера. Этот документ я привожу в «Карателях».

Мы рассматривали с Верой Александровной знакомые и совершенно незнакомые фотографии Нюрнбергского процесса, и она обратила мое внимание на одну деталь.

Оказывается, окна во дворце, где совершался суд народов, все время были наглухо зашторены. Чтобы палачи не увидели до самого своего конца сияния дня. Они столько людей лишили земного света, что было бы величайшим кощунством дать им самим смотреть на небо, на солнце.

Нет, не месть это была, а высшая справедливость. Воздух Европы и всего мира пропитан был вселенским, народным чувством праведного гнева.

Дни Нюрнберга. Сегодня те чувства возрождаются против новых палачей, убийц народов.

И в этом надежда.

Узники тюрьмы Шпандау получили то, чем палачески одаривали миллионы людей, — смертную казнь. Но черное их дело было совершено — полмира лежало в развалинах, десятки миллионов жизней принесены в жертву их планам.

Ну, а что сегодня? Один из парадоксов нашего времени в том, что самые вооруженные страны —

и самые уязвимые. Когда-то большой промышленный, технический потенциал гарантировал большую защищенность от удара извне. Теперь все это именно притягивает удар. От которого ни защиты, ни спасения.

Под ночным калифорнийским небом их было 300 тысяч, американцев, собравшихся на «фестиваль единства». Перед ними на гигантских телеэкранах вдруг появились советские люди, которые, согласно всем стереотипам официальной пропаганды США, должны, обязаны где-то там, пока беспечные американцы веселятся, готовить неприятности. Советские студенты, певица, дети! — и моментально стало очевидно, что понимание возможно, что улыбка доверия, согласия так и просится, рвется на лица уставших от искусственного отчуждения и постоянного страха землян.

Очередной телемост «Москва — Космос — Калифорния» чем-то напоминал встречу на Эльбе: через огромные выстуженные космические пространства и против, казалось бы, непреодолимого потока времени — туда, к голосам, объятиям, улыбкам союзников!..

Да, туда, ко временам совместной борьбы со смертельной фашистской угрозой.

Но в мире происходит, совершается, делается и нечто прямо противоположное: всей мощью современных средств коммуникации лепится в душах, в сознании сотен миллионов людей образ Врага, который страшнее ядерной войны. Постоянно и неотступно, потому что не придумано другого средства принудить «свой народ» смириться с мыслью о допустимости ядерного самоубийства, с астрономическими, грабящими его поборами в пользу фабрикантов оружия. Насколько далеко продвинулась, зашла эта неблагоприятная и опасная деятельность, может свидетельствовать и такая деталь-факт: прогрессивным журналистам, издателям, которые в Америке есть, приходится (видел там такой журнал) печатать, например, фотографии советских людей вперемежку с американскими лицами, всерьез убеждая читателя, что «русские тоже люди», что они «ничем не отличаются»...

И вот обнаружилась возможность — ее подтвердил опыт всех телемостов! — противопоставить организованной работе по искажению образа народа-соседа те же самые технические мощности, выходя на прямой контакт. Народная, так сказать, контрпропаганда. Та самая технология, которая поддерживает в боевой готовности ракеты, средства наведения и прочее, может сослужить и другую службу — позволяет через космос связать миллиарды людей.

Фашизм был повергнут, но кто знает, не возник ли он заново, не

восстал ли из мертвых в тех поглотивших города атомных взрывах, как бы вобравших в себя саму идею геноцида! Раковые клетки, раковая опухоль сверхвооружения! — те взрывы спровоцировали их бурный рост.

Есть о чем думать, обеспокоенно говорить, спорить, соглашаясь и не соглашаясь, не одному миллиарду землян, связанных коллективной памятью. Ведь касается всех, всех, многих стран пяти континентов, стран, которые были непосредственными участниками второй мировой войны. Выйти на «прямую связь» друг с другом. Ты говоришь и видишь себя там, среди слушающих, космические мосты в один миг соединяют митинг с митингом, фестиваль с фестивалем; марш мира на одном континенте подключается к маршу на другом... Воистину зеркало для человечества! Смотри и проникайся: ты, твое — неотделимая часть целого. Как бы длящийся и множющийся гагаринский взгляд из космоса на планету, откуда мы все, взгляд из символически, дружески стыковавшихся «Союза» и «Аполлона».

Люди, участвовавшие в первых сеансах космических телемостов, говорили о совершенно непередаваемых, ни с чем не сравнимых ощущениях, рождаемых «прямым экраном»: когда ты как бы везде, переносишься с континента на континент, вступая в прямой контакт с людьми, странственные стены рушатся, а с ними и многие иные, человечество делается менее абстрактным и более доступным каждому, становится осязаемой реальностью.

Как жить нам, людям, дальше на этой планете? Человеку рядом с другим, народу с народом, системе с системой? Да неужто ничего не стоят уроки прошлой мировой войны?

Представил себе немецких туристов в Эрмитаже, в Ленинграде: вот какую красоту, какие богатства хотел у тебя, у немца, отнять солдат вермахта, когда обстреливал, душил блокадой этот город, стараясь выполнить приказ фюрера. Американцев, любующихся сказочной архитектурой, памятниками древнейшей культуры японского города Киото: ведь вы лишились бы всего этого, если бы город разделил судьбу Хиросимы и Нагасаки, как первоначально и планировалось!..

Как бы хорошо было посредством того же космического телемоста донести до сознания миллиардов: планета уходит из-под ног, человечество теряет воздух, воду, все!

Каждый из участников телемостов будет заинтересованно наблюдать за происходящим по телевизору, сможет ощутить себя живой частицей миллиардной, нет, не аудитории, а многорасовой, многонациональной семьи, у которой столько проблем.

Двигаясь к Хиросиме, можно начать

с болевых точек минувшей войны: Пискаревское кладбище, Ковентри, Варшава. Минута молчания перед всеми телеэкранами, космическими и домашними. Вспомнив павших, благодарно поклониться каждому народу, близкому и далекому, за все хорошее, высокое, чем обогатил он нас. За Толстого поблагодарить, за Леонардо да Винчи, за Шекспира,

УБИТЬ УБИЙСТВО

В ФОНД ОБОРОНЫ РОДИНЫ И ДЛЯ ВООРУЖЕНИЯ АРМИИ

● Собрание в колхозе «Красный доброволец» осенью 1942 года обратилось к колхозникам Тамбовщины с призывом сдавать деньги на танковую колонну. 400 боевых машин построено было на собранные средства.

Фото из личного архива генерал-лейтенанта И. Деревянкина.

В первые дни войны возникло движение советских людей за создание общенародного фонда обороны и в короткое время приобрело широкий размах. Люди передавали на оборонные нужды самые дорогие для них семейные реликвии, если они представляли материальную ценность, накопленные за долгие годы труда денежные средства, причем часто делали это, даже не называя своего имени. «Все — на нужды фронта! Все — для победы!» — этому девизу подчинены были помыслы, чувства и дела советских людей. Конверты с деньгами, с золотыми и серебряными монетами опускали просто в почтовые ящики, сделав на них надпись «На оборону Родины».

Среди интеллигенции одним из первых сделал свой взнос в Фонд обороны М. А. Шолохов — он перечислил в него свою Государственную премию — 100 тысяч рублей; писатель В. В. Вересаев передал золотые вещи своей семьи — весом 300 граммов; на 20 тысяч рублей различных ценностей внесла в фонд обороны семья Лермонтовых; народный артист СССР А. А. Остужев все годы войны отчислял ежемесячно в Фонд обороны половину своей зарплаты.

Больше всего денежных средств люди вносили на строительство танковых колонн, эскадрилий самолетов. С начала войны по декабрь 1942 года их было построено около 150.

За годы войны наш народ дал государству и армии из своих личных средств 118 миллиардов рублей (а всего на войну было израсходовано 582 миллиарда рублей).

● Это был мой дом.
Интерпрессфото-66.

Ленина, Бетховена, Эйнштейна, Купалу, Эдисона, Ганди, за изобретение письма, музыки, за песню, за хлеб, за помощь соседу в трудный час...

На гигантских видеоэкранах можно одномоментно, полиэкранно видеть и кадры кинохроники, и людей, которые расположились на всех континентах и следят за теми же событиями вместе с тобой: вот кадры из фильма о Хатыни, а вот американцы и японцы видят и обсуждают Перл-Харбор, а мы их тоже и видим, и слышим, и можем быть «третейскими судьями».

Нечто подобное по чувству я уже пережил, когда вместе с большой иноязычной аудиторией в Берлине и в Галле смотрел на родные лица — высвеченные на киноэкране фотографии из «Блокадной книги», а немцы, серьезные и внимательные, слушали считываемый с дневников ленинградского школьника Юры Рябинкина голос войны, страданий и мужества.

А ведь это чудо — хотя нас уже чудесами трудно удивить — вблизи увидеть не только обратную сторону Луны, но и планету Земля — например, восход солнца в далекой стране. Можно вообразить, как съемочная группа будет «следовать» за нашим светилом, снова и снова восходящим еще над чьим-то домом, перенося солнце с одного гигантского видеоэкрана на другой, — народы как бы передают его друг другу, из рук в руки — утро, свет, заботы наступящего дня.

Технические возможности для многомиллиардной встречи землян существуют, как и потребность в ней. Не желать этого могут лишь те, кто опасается, что, взглянув друг другу в глаза, видя и слыша «другую сторону», их граждане и удивятся, и возмутятся: вот на них, на этих людей, на их дома надо сбросить бомбу? И это с ними нельзя договориться? Идти на ядерное самоубийство вместо того, чтобы разделить и сообща нести земные тяготы и проблемы?..

Продолжая столь необходимую работу по прояснению всех последствий возможной ядерной катастрофы, ученые сознают, что особенно необходимы сейчас позитивные проекты, идеи, цели...

Миллиардный телемост, безусловно, принадлежит к числу самых счастливых в этом отношении и, главное, назревших проектов. Чтобы человечеству спастись, ему надо возникнуть, стать, а этому и служат космические мосты. Во многих литературах звучала, повторяется мысль, что народ, человечество состоит не только из живущих, но и тех, кто в земле. И из неродившихся! Их несравнимо больше, во много миллионов раз больше. Они — завтрашнее человечество.

ОБМАНУВШИЙ СМЕРТЬ

Людмила ИВАНОВА

— Никогда не выбрасывайте старых стихов и старых писем, — говорил нам на семинаре поэзии Михаил Светлов. — Пусть себе лежат в ящике и шуршат...

Я ничего не выбрасывала. И вот слушаю, как на старом магнитофоне шуршит кассета (запись 1976 года) и живой голос человека, которого уже нет, рассказывает:

— Знаете, в моей жизни так получилось, что я не раз «воскресал из мертвых»...

Слушаю и вижу улыбку — удивительную улыбку удивительного человека, которого разыскала и с которым познакомилась, прочитав о нем поэму Андрея Вознесенского «Доктор «Осень».

...Читаешь стихи о легендарной жизни, и кажется, что и сам ее герой — легенда. Поэтому когда я увидела доктора Манфреда Эсси-Эзинга (встретились мы в больнице, где он не лечил, а лечился сам), первые, не самые удачные, надо сказать, слова, которые у меня вырвались, были:

— Как я рада, что вы — живой!

— Да, я жив и тоже рад этому, — улыбнулся Эзинг. — Тем более, что это — не первое мое воскресение из мертвых. Мне 75 лет, 50 из них я работаю врачом, но к смерти не привык, отношусь к ней с большим неодобрением и каждый раз радуюсь, когда мне удастся ее провести. Хотя я не люблю выражения «игра со смертью». Смерть — дело серьезное. И чтобы ее обмануть, надо как следует поработать...

Манфред Эсси-Эзинг говорил медленно, веско, с чуть заметным акцентом — он латыш. В его рассказе, кроме доброго понимания жизни, — добрый юмор.

— Воскресение из мертвых для меня почти привычка. Ведь прежде чем начать помогать другим, я, как и положено ученому, делал опыты на себе.

Пожалуй, первым опытом доктора можно считать случай в горах Узбекистана в 1928 году, где Эсси-Эзинг после института работал хирургом в сельской больнице. Видимо, он плохо переносил высокогорье, переутомился, несколько раз приходилось отдавать кровь оперируемым — словом, слег с жестокой анемией. Выходили его пастухи — травами, козьим молоком, приемами народной медицины, к которой доктор потом всю жизнь относился с большим уважением.

— Главный вывод, который я сделал уже тогда: один, без людей, не воскреснешь. Всегда должны быть

помощники. Второй раз я воскрес с помощью нашего батальонного фельдшера Кати. Во время большого окружения под Харьковом в 1942 году медсанбат, где я был главным врачом, оказался в тылу врага. На всех раненых нас было только двое «дееспособных» — я и 18-летняя Катя. Охрана погибла, защищая госпиталь. Мы перетащили раненых в лес в укрытие. Скоро был тяжело ранен и я. Когда очнулся, Катя и еще несколько женщин из соседней деревни на санях увозили всех нас дальше, в лес. Там и проработал несколько недель наш госпиталь — операции я делал сидя, инструмент — пила, наркозом служил самогон, который приносили из деревни. Если бы не Катя и не деревенские ее помощницы, мы бы все погибли. Лежащих женщины разбирали по домам, а мы, те, кто мог ходить, стали пробираться к своим. Но столкнулись с регулярной частью фашистов, и все, кто остался в живых, попали в плен. Когда нас, раненых, больных, выстроили в шеренгу, офицер сказал Кате: «Выходи, пойдешь со мной...» Не хотелось мне открывать свое знание немецкого языка, но надо было выручать нашу спасительницу...

Он вышел вперед и сказал по-немецки: «Прошу оставить медсестру с нами, так как это моя жена».

— Вы врач? — спросил офицер.

— Врач.

— Немец?

— Немец.

— Будете врачом концлагеря.

— ...Так началась моя служба в лагере военнопленных в Павлограде. Служил я, конечно, не фашистам. Каждый день в лагере погибали сотни людей. Надо было спасать их. Годилось любое средство, и нашим врачебным оружием стала... смерть. Я и двое моих помощников-фельдшеров выбрали нескольких пленных, которым угрожало уничтожение в первую очередь, и объявили их инфекционными больными. В этой первой группе была наша Катя, еще одна женщина — Полина, комиссар батальона. Через несколько дней наши больные «умерли» — инъекция составленного мной лекарства сделала их неподвижными на несколько часов. Представляете, что должны были пережить эти совсем молодые люди! Поэтому когда я делал укол, каждому объяснял, что он будет чувствовать, и успокаивал:

— Когда умрешь — не бойся, обязательно воскреснешь!

Потом у нас были сотни «больных» и «мертвых». Конечно, это возможно

было сделать только при помощи четкой организации, при помощи многих людей, рисковавших жизнью. Бесчеловечной фашистской машине уничтожения была противопоставлена организация людей: подпольный горком коммунистической партии включил нашу группу медиков в общую сеть сопротивления. Мои подпольные клочки были «Святой» и «Батя». И в самом деле, я годился в отцы почти всем своим подопечным — ведь им было по 20, а мне — 40...

«Святым» называли его сначала из-за венчика седых волос. А потом слово это стало уже не кличкой подпольщика, а метафорой, лучше всего рассказывающей об отношении к нему людей.

Военноопленные врачи, медсестры, санитарки с риском для жизни спасали обреченных людей. Их доктор Эзинг объявлял «инфекционными больными» и отправлял в барак, на котором большими черными буквами было написано: «Тифозный». Оттуда «больных» по сто, двести человек переводили в инфекционную больницу. Следующая группа подпольщиков — медсестры и санитарки ночью забирали «умерших» из morga, одевали (существовала специальная подпольная швейная фабрика, где шили для них одежду) и переправляли к партизанам. Они «воскресали» и вставали в строй.

... Главврач немецкого лагеря,
назначенный из пленных,
выводит ночью в колбе
невиданную болезнь,
машины увозят мертвых,
смерзшихся, как поленья,
а утром ожившие трупы
стригут автоматами лес...

Как врач высокой квалификации доктор Эзинг был переведен из концлагеря в центральную больницу Павлограда — рентгенологом. Рентгенкабинет стал одной из главных явок подполья. В архивах больницы хранились сотни снимков многолетней давности — больных туберкулезом, язвой желудка, искривлением позвоночника, — и каждый снимок был использован сотни раз — для спасения молодежи от угона на каторгу в Германию. Тысячи молодых павлоградцев, освобожденные как «непригодные к труду», тоже уходили в подполье, в партизаны.

...В начале 1943 года в тылу у гитлеровской армии восстал целый город. Отряды партизан, вооруженные и организованные подпольным горкомом партии, выбили из Павлограда фашистов и держали его в руках до прихода Красной Армии. Тысячи бойцов сражались в партизанских соединениях и многие числились в скрупулезном «делопроизводстве» фашистских концлагерей мертвыми. Документы о смерти были оформлены со всей тщательностью, и под каждым подписью главного врача лагеря: доктор Эссен. (Такой стала его фамилия, переделанная из Эсси-Эзинг).

... Много лет спустя вышла книга секретаря подпольного горкома партии Андрея Караванченко «Непокоренный Павлоград». Одна из глав называлась «Таинственный доктор

Эссен». В ней рассказывалось о докторе — человеке удивительной смелости, который погиб в последний момент, так и не успев назвать своего настоящего имени.

— Но я воскрес... Когда в Павлоград, освобожденный от оккупантов партизанскими отрядами, вошли войска Советской Армии, я сразу явился в часть, ведь я по-прежнему считал себя военнообязанным: в плену мне удалось сохранить под пластырем на раненой ноге и военный и партийный билеты. Врачей не хватало, и меня тут же отправили хирургом в армейский госпиталь. Товарищ, который должен был передать мое сообщение подпольщикам, погиб. Так я «умер» для павлоградцев.

После выхода книги, когда выяснилось, что «таинственный доктор Эссен» и рентгенолог санатория в городе Ялте — Манфред Эсси-Эзинг — одно и то же лицо, произошло его третье «воскресение из мертвых». За один месяц он получил более тысячи писем. Среди них — письмо от бывшего секретаря подпольного горкома партии Караванченко:

«...Скажу без стеснения, когда я узнал, что ты жив, слезы лились, словно у ребенка. Мы с тобой во время оккупации не встретились (конспирация, ничего не подделаешь!). Но я тебя видел частенько. Мне товарищи показывали тебя... Не считай за обиду, что в книге ты похоронен. Мы тебя искали очень долго, писали в архив Вооруженных Сил и получили ответ: «Нет такого». Мы считали, что фамилия Эссен — выдуманная. Какая радость, что ты жив... Павлоград не забыл тебя... Приезжай обязательно».

Был торжественный приезд в Павлоград и великолепное, радостное «воскресение» таинственного доктора, которого узнавали на улице некогда спасенные им подростки — ныне отцы и матери семейств. Целой группой пришли к нему бывшие медсестры и нянечки больницы — главная, как всегда говорил «Батя», действующая сила операции «Смерть служит жизни».

— И еще раз меня «воскресил» Андрей Вознесенский, когда написал балладу «Доктор «Осень» и в предисловии указал мой адрес. Стихи у нас выходят тиражами большими, чем детективы (тираж этого сборника был 200 000 экз.), и снова посыпались ко мне письма и фотографии от старых друзей, с которыми соединила нас борьба против фашизма и против смерти...

«Сильнее смерти» — так называлась статья Андрея Вознесенского в местной газете:

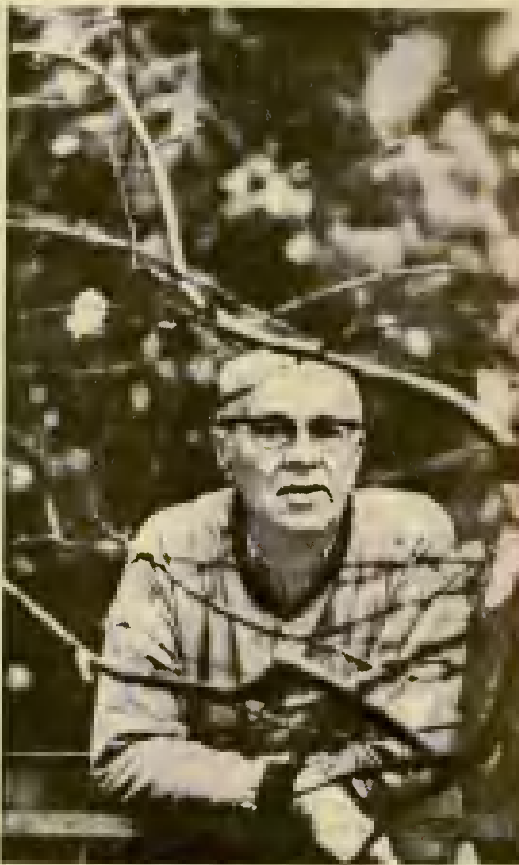
«...Если вы спасли одну человеческую жизнь, то ваша уже оправдана. Он спас тысячи — молодых, обреченных на быструю или медленную смерть. Я познакомился с доктором Эсеном в Ялте, где он работает рентгенологом. Рослый латыш в чесучовой рубашке, уроженец Донбасса, он поразил меня благородной лепкой лица, северным сиянием глаз. У доктора удивительный взгляд — это взгляд человека, который понимает, что такое жизнь, но вовсе не собирается называть вам свою точку зрения.

Это большое счастье, найти своего героя не в пыльных фолиантах, а в

жизни, в сегодняшнем дне. И здесь мне сказочно повезло. Я рад, что мы подружились. Когда «Литературная газета» печатала отрывки из моей поэмы, я больше всего ждал его отзыв, и когда получил от Манфреда Эсси-Эзинга открытку, был счастлив, что моему герою стихи понравились...»

— ... Да, баллада мне очень понравилась. Особенно поразили эти строки: «Да не минет нас чаща чрезвычайного часа...»

Тихий голос на пленке звучит так

живо, будто доктор Осень воскресает снова:

— Мне нравятся именно эти строки, — повторяет он. — Ведь у каждого человека бывают такие чрезвычайные часы в жизни, когда высвечиваются силы его души... или ее слабость. Для этого вовсе не обязательно какие-то необычайные условия, катастрофы, — это и просто помощь близким, родным, и разделение чьего-то одиночества, и улыбка для ребенка. Порой в простых, обыденных делах душа высвечивается не менее, чем во времена потрясений...

В простых, обыденных делах... После войны доктор, сам тяжело больной, работал в Ялте, в санатории, и со всего города тянулись к нему люди за помощью, за добрым и мудрым словом и делом.

Он помог многим. И многие помнят его...

Мой Доктор, бритый по-солдатски,
зло изменяющий к добру...

Светлана КАЙДАШ

МАТЬ МАРИЯ

Вторая мировая война... Никогда ранее в таких масштабах и с такой последовательностью не уничтожались миллионы людей, включая мирных жителей. И никогда ранее не встречала захватническая война, политика агрессора на оккупированных территориях столь мощного и столь массового сопротивления. Во главе его шли коммунисты. Три миллиона своих сыновей и дочерей потеряла на фронтах войны наша партия. Партией расстрелянных вошли в историю коммунисты Франции. На борьбу с фашизмом поднимались и проявляли самоотверженность и стойкость, высоту духа многие люди, отнюдь не разделявшие мировоззрения коммунистов. Именно движение широких народных масс заставило колеблющихся политиков западных держав сделать решительный шаг в создании единого фронта антигитлеровской коалиции. Все это ускорило разгром гитлеризма, окончание войны.

Обращаясь к событиям военных лет, мы думаем о будущем, о том, чтобы не был утрачен, а, напротив, обогащен опыт совместной борьбы за справедливость и мир, оплаченный столь дорогой ценою. «Я знаю, что далеко не каждый в этом зале, — говорил М. С. Горбачев на встрече с парламентариями Франции, — приемлет наши воззрения, нашу идеологию.

Будучи реалистом, я никого не пытаюсь обратить в нашу веру. К любой философии люди и народы приходят сами, лишь выстрадав ее, лишь приняв ее умом и сердцем. Однако при всех различиях в политических и философских взглядах, в идеалах и ценностях мы должны помнить об одном: все мы — хранители огня жизни, переданного нам предшествующими поколениями».

В марте 1919 года петербургская поэтесса Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева была предана военно-полевому суду за участие в управлении городом Анапой при большевиках. Ей тогда исполнилось 27 лет. «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу», — могла бы сказать она о себе словами Данте.

Член партии эсеров, Кузьмина-Караваева была главой городской думы Анапы с февраля 1918 года. В это же время в городе активно действовали ревком и Совет народных комиссаров. Однако двоевластие продолжалось недолго, вскоре дума была распущена, и Елизавета

Мы публикуем очерк журналистки С. Кайдаш о человеке сложной судьбы и противоречивых взглядов — Елизавете

Юрьевне Кузьминой-Караваевой, жизнь которой трагически оборвалась незадолго до окончания войны в газовой камере Равенсбрюка.

Юрьевна стала комиссаром по делам народного образования и здравоохранения. За это «сотрудничество с большевиками» ее и судили белые.

24 марта газета «Одесский листок» опубликовала письмо в защиту Кузьминой-Караваевой, подписанное поэтом Максимом Волошиным, Алексеем Толстым, Леонидом Гроссманом, Верой Инбер, Тэффи: «Пришло известие, что в Екатеринодаре предана военно-полевному суду Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева по обвинению в большевизме и ей грозит смертная казнь. Нельзя прочесть этого известия без тревоги.

Кузьмина-Караваева — поэт, мыслитель, философ — первая из русских женщин окончила духовную академию и прочилась в ректоры предполагавшейся женской духовной академии... Мы надеемся и уверены, что суд над Кузьминой-Караваевой окончится ее полным оправданием. Невозможно подумать, что даже в пылу гражданской войны сторона государственного порядка способна решиться на истребление русских духовных ценностей, особенно такого веса и подлинности, как Кузьмина-Караваева¹.

М. Волошин обратился также за помощью к главному редактору белогвардейской газеты «Россия» В. В. Шульгину, с которым был знаком по Коктебелю. Вступился за арестованную и митрополит Платон. Это оказало действие, суд, признав ее «виновной в занятии ответственной должности в составе советской власти», приговорил «потомственную дворянку Е. Ю. Кузьмину-Караваеву» всего лишь к двухнедельному аресту. Мягкость приговора, вероятно, объяснялась еще и тем, что председатель суда и член правительства на Кубани белогвардейский офицер Д. Е. Скобцов влюбился в петербургскую поэтессу.

Скорая любовь посреди гражданской войны, на краю гибели, а потом и брак со Скобцовым — и вот в 1920 году вместе с другими многочисленными беженцами Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева оказалась в трюме парохода, отплывающего из Новороссийска. С нею мать и маленькая дочка. Первый пункт на пути их бегства — Тифлис, здесь родился сын Юрий. В 1922 году, когда семья жила уже в Югославии, появилась вторая дочь — Настя. Вскоре Скобцовы переехали в Париж...

В той, первой половине жизни осталась Россия, остались детство и юность, первые сборники стихов, Блок, могила отца, остался народ, которому она всегда страстно хотела служить.

Однако вернемся к началу биографии этой женщины с необычной судьбой. Она осталась в памяти и сердцах многих как мать Мария...

Лиза Пиленко — такова ее девичья фамилия — родилась в Риге (8) 20 декабря 1891 года в семье товарища прокурора, служившего в местном окружном суде. Юрий Дмитриевич Пиленко окончил юридический факультет Петербургского университета, но в семье жили предания о запорожских казаках — его предках. Мать Лизы происходила из старинного дворянского рода Дмитриевых-Мамонтовых. Вскоре после рождения дочери Юрий Пиленко вышел в отставку и переехал в Анапу, где стал хозяином полученного в наследство небольшого имения. Лиза и ее младший брат Дима росли привольно и беззаботно, хотя родители старались не нежить детей. В семье их называли «маленькими спартакцами».

Тогда мало кто верил в возможность виноградарства на анапских песках. Одна-

¹ «Одесский листок» от 29 марта 1919 г. (Собщено В. П. Купченко.)

ко бывший юрист столь удачно повел дело, что его хозяйство стало образцовым. В 1905 году Пиленко был назначен директором училища виноградарства в Ялте и Никитского ботанического сада. Семья поселилась в Ялте, Лиза Пиленко училась в той же гимназии, что и Марина Цветаева.

Через год внезапная смерть отца разом прервала беззаботное детство. Первое столкновение с жестокостью жизни, первые мучительные вопросы о смысле смерти. «В комнате плач. Умер мой отец. И мысль простая в голове: «Эта смерть никому не нужна. Она несправедлива. Значит, нет справедливости. А если нет справедливости, то нет и справедливого бога. Если же нет справедливого бога, то, значит, и вообще бога нет», а есть в мире «горе, зло и несправедливость»².

Справиться с отчаянием и обрести свое место в мире помог Блок. Его поэзия и его личность.

Осиротевшая семья переехала в Петербург. Лиза поступила в гимназию Таганцевой. Днем — учеба в пятом классе, вечером — уроки рабочим Путиловского завода. Лизу и ее подруг очень увлекали эти просветительские занятия, они читали своим взрослым ученикам книги и даже водили их в музей. Окончив гимназию с серебряной медалью, она поступила на Бестужевские курсы, на философское отделение историко-филологического факультета. Философию курсисткам читал С. Л. Франк, известный «легальный марксист».

Вот какой была Лиза Пиленко в свою гимназическую пору, по описанию ее подруги того времени: «Прежде всего надо сказать, что она была необычайно, можно даже сказать гениально, одарена, и необычайно интенсивна была ее интеллектуальная жизнь. Мозг ее работал непрестанно, она всегда напряженно дума-

ла об отвлеченных проблемах, жизненно важных для нее в ту минуту. Но она не просто думала и решала проблемы. Целиком захваченная какой-нибудь идеей, она тут же настойчиво внедряла ее в сознание близких ей людей и требовала от них такого же понимания, такого же увлечения. То это была философская проблема, то какое-нибудь научное открытие, то этическое положение, которому она подчиняла тут же и обязательно сейчас же все свои отношения с людьми. Мы иногда посмеивались над ее тоном проповедника и пропагандиста, но для нее это было серьезно. «Нет, вы подумайте, — матери, этой тяжелой косной материи нет, есть одна энергия, — с жаром говорила Лиза в коридоре гимназии, где висели гипсовые орнаменты для рисования и между ними голова Геры, — и эта стена — энергия, и эта лодка — энергия», — утрачивала Лиза после очередной лекции по философии. А в период ее увлечения марксизмом был такой случай: одна девочка из нашей

компании (Лиза Таль) спросила ее, где она видит правду жизни. «Лиза, — воскликнула наша Лиза Пиленко, прижимая ее к груди, — в Эрфуртской программе». ... Внешность Лизы как-то не гармонировала со значительностью ее натуры. Была она крупная, не по возрасту полная девушка, с большим лицом, с ярким цветом лица, черными, как вишенки, глазами и пушистыми волосами³.

Такой пришла она к Блоку. Случилось это, вероятно, в первых числах февраля 1908 года. Она уже давно писала стихи — «о тоске, о Петербурге, о подвиге, о народе, о гибели, еще о тоске и о восторге». На литературном вечере услышала Блока и поняла, что он «владеет тайной», около которой она «бродит, с которой почти уже сталкивалась столько раз во время своих скитаний» по «рыжему», ненавистному Петербургу. Лиза искала смысл жизни и не могла найти его.

«Я мечтала встретить настоящих революционеров, — вспоминала она об этом времени, — которые готовы каждый день

² Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Встречи с Блоком. — «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1980, с. 58.

³ Ю. Я. Мошкова. Воспоминания о Е. Ю. Кузьминой-Караваевой (Лизе Пиленко), прочитанные на собрании Никитинских субботников, посвященном памяти матери Марии. — Рукописный отдел Ленинской библиотеки, ф. 218, к. 1399, ед. хр. 23, с. 3—4.

● Лиза Пиленко. 1903 г.

● Е. Ю. Кузьмина-Караваева.

пожертвовать своей жизнью за народ. Мне случалось встречаться с какими-то маленькими партийными студентами, но они не жертвовали жизнью, а рассуждали о прибавочной стоимости, о капитале, об аграрном вопросе. Это сильно разочаровывало. Я не могла понять, отчего политическая экономия вещь более увлекательная, чем счета с базара, которые приносит моей матери кухарка Аннушка». Может быть, вот это, свойственное ее натуре нетерпение и привело Лизу годы спустя в партию эсеров.

А пока она, совсем еще молоденькая девушка, решила идти к знаменитому поэту, с которым не была знакома. Поступок, свидетельствующий о душевной независимости и даже отваге...

Блок был с ней «почтителен и серьезен». Лизу поразила его «особая внимательность, какая-то нежная бережливость». Через неделю она получила синий конверт — в нем были письмо и стихи — почти онегинская отповедь влюбленной девушке:

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту, —
Что же? Разве я обижу вас?

И письмо и стихи Лиза в негодовании разорвала. Вероятно, ее возмутил воспитательно-наставительный тон послания.

В сборнике Блока «Земля в снегу», вышедшем в том же 1908 году, рядом с этим стихотворением есть другое, помеченное той же датой — 6 февраля 1908 года, написанное тем же свободным стихом:

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.
Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Вполне вероятно, что и оно посвящено его встрече с Лизой: все, кто знал ее в то время, рисуют ее именно такой — румяной, энергичной, веселой, в чем-то нескладной. Вместе они смотрят на целующихся голубей за окном, и поэту жаль, что целуются голуби, а не они, и что прошли «времена Паоло и Франчески».

Подобно Татьяне Лариной, Лиза встретила своего кумира во второй раз уже замужней дамой, в литературном «свете» через два года...

Ее муж — юрист, присяжный поверенный, социал-демократ Д. В. Кузьмин-Караваев. Он участвовал в знаменитом тогда «Цехе поэтов». Та же подруга юности, Мошкова, присутствовавшая на свадьбе, уверяет в своих воспоминаниях: «Лиза его создала в своем воображении, а может быть, хотела спасти от какой-нибудь «бездны». Человек этот пустой

и бездарный, был, видимо, на некоторое время захвачен буйным полетом ее мысли и талантливостью»⁴. Лиза со смехом рассказывала подругам, что далекий предок Кузьминых-Караваевых был новгородский посадник Кузьма, который вынес московскому царю караван — отсюда фамилия семьи. Вместе с мужем она стала бывать у Блока, посещала вечера для избранных в знаменитой Башне Вячеслава Иванова. Мать Мария так будет вспоминать эти встречи: «Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту — в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура — цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своею, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле были гражданами вселенной, хранителями великого культурного музея человечества. Это был Рим времен упадка... Мы были последним актом трагедии — разрыва народа и интеллигенции»⁵.

Имение Кузьмина-Караваева — Борисково в Тверской губернии, в Бежецком уезде, было недалеко от Слепнева, где жили Гумилевы. Анна Ахматова и Лиза Пиленко стали соседями.

В 1912 году появились первые книжки молодых поэтов: Кузьминой-Караваевой «Скифские черепки», Анны Ахматовой — «Вечер», книжку Кузьминой-Караваевой представлял Сергей Городецкий, предисловие к «Вечеру» написал М. Кузмин. Книга Ахматовой имела успех, о «Скифских черепках» сказать этого нельзя. Блоку они не понравились. Лирика Ахматовой была вся посвящена любви и искусству. Кузьмина-Караваева пыталась выразить в стихах биение пульса современности, все ее глубинные токи.

Девичья влюбленность в Блока переросла в глубокую страсть, которая освещала ее путь и придавала смысл существованию. Но даже это сильное чувство и восхищение поэтом не заменили ей постоянных интеллектуальных и нравственных поисков. Любовь была вселенной для Ахматовой — вселенную пыталась вместить в своем сердце Кузьмина-Караваева. Поэтесса, художница, искусная вышивальщица, знающая древнее шитье, она умело управляла имением, легко вела и все домашние дела.

Бесстрашная и страстная, Кузьмина-Караваева не знала колебаний в выборе решений, движимая беспощадной искренностью в своем отношении к жизни и к себе. В ноябре 1913 года, спустя месяц после рождения дочери Гаяны (имени ее отца не называет ни один из ее биографов), она пишет Блоку: «Когда я была у вас еще девочкой, я поняла, что это навсегда... а потом жизнь пошла как спираль. Кончался круг, и снова как-то странно возвращалась я к Вам. С мужем я разошлась, и было еще много тяжести, кроме этого... А потом были годы совершенного одиночества. Дом в глуши, на берегу Черного моря. И были Вы. Потом к земле как-то приблизилась; и снова человека полюбила, и полюбила, полюбила по-

настоящему, а полюбила потому, что знала, что Вы есть...»⁶.

Приезжая в Петербург, Елизавета Юрьевна неизменно встречалась с Блоком. Отношения были сложные, для него в чем-то тягостные, но, видимо, и его нежность коснулась их. Вот его записка, которую мать Мария приведет потом в своих воспоминаниях: «Простите меня. Мне сейчас весело и туманно. Ушел бродить. На время надо все кончить. А. Б.».

Блок помогал ей составлять второй поэтический сборник «Руфь». Когда Блока призвали в армию, он получил одно из последних ее писем: «Мне кажется, что я могла бы воскресить Вас, если бы Вы умерли, всю жизнь в Вас перелить легко».

О его смерти она узнала уже в эмиграции, и это была самая тяжелая утрата — после потери родины.

Как ни велики были тяготы, унижения и беды эмигрантского существования, душевная боль, которая выпала на долю Елизаветы Юрьевны, с ними несоизмерима. Два месяца провела она у постели своей умирающей от менингита четырехлетней дочери Насти, бессильная облегчить ее мучения, набрасывала один за другим ее портреты, будто пытаясь вырвать девочку у забвения.

После смерти дочери рознь духовного склада супругов Скобцовых обозначилась слишком определенно, они расстались.

Как писала впоследствии Елизавета Юрьевна, именно в это время у нее созрело решение «быть матерью всех, всех, кто нуждается в материнской помощи, охране, защите». И, как всегда, в ее стихах, как в дневнике, отражаются жизненные вехи:

Все пересмотрено. Былому мой поклон.
О колокол, какой тревожный звон...

В марте 1932 года в храме при патристическом Православном Богословском институте Елизавета Юрьевна Скобцова, по первому мужу Кузьмина-Караваева, урожденная Пиленко, приняла постриг — стала монахиней Марией.

Эту новость с удивлением и недоумением встретили близко знавшие ее люди. Духовный облик Елизаветы Юрьевны, ее бунтарский, «вулканический» характер был прямой противоположностью монашескому смирению и покорности. Он таким и остался до конца ее дней. Мать Мария сделалась монахиней «в миру», неизменно вызывая нарекания и недовольство служителей церкви. Вспоминая много позже о Кузьминой-Караваевой, митрополит Евлогий, который совершил ее постриг, писал: «Мать Мария... поэтесса, журналистка, в прошлом член партии «с.-р.». Необычная энергия, свободолобивая широта взглядов, дар инициативы и властность — характерные черты ее натуры. Ни левых политических

⁴ Там же, с. 9.

⁵ Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Встречи с Блоком, с. 62—63.

⁶ Евг. Богат. История одной любви. — «Литературная газета», 14 сентября 1977, с. 6.

симпатий, ни демагогической склонности влиять на людей она в монастыре не изжила... Ее старания «засыпать ров» между эмиграцией и СССР дали повод к резким нападкам на нее... Монашество в строгом смысле этого слова, его аскезы и внутреннего делания она не только не понимала, но даже отрицала, считала устаревшим, ненужным. Внутренний смысл монастыря, его особый чисто церковный характер так мне и не удалось ей разяснить»⁷

И в монашеской рясе Елизавета Юрьевна продолжала трудиться в жизни страстно, как и всегда, не уходила от «мирского», а погружалась в него, стремилась действовать, быть полезной людям каждую минуту — всем, каждому. «Действовать в нашей современной жизни, навещать больных, кормить безработных, учить детей, общаться со всеми видами человеческого горя и человеческого падения, иметь дело с пьяницами, с преступниками, с сумасшедшими, с унывающими, с неверующими, с опустившимися, — со всей духовной проказой нашей жизни», — так определяла мать Мария свою цель, называя это «мистикой человекообщения», и именно в нем видела свой человеческий долг, в противовес традиционному монашеству, для которого главное — общение с богом. Она неустанно разрушала стену, отделяющую человека от человека. Она проповедовала сострадание, жалость и — главное — активное действие вслед за ними. Жалость превратить в помощь, вот в чем смысл деятельности матери Марии.

Она ездит по больницам и психиатрическим лечебницам, отыскивая русских, так как знает, что французские врачи, как правило, не владея языком, не могут общаться с ними, а следовательно — не могут и лечить. Так она спасает многих.

Мать Мария устраивает общежитие для бездомных и дешевую столовую на улице Лурмел, 77. Этот адрес для многих обездоленных стал символом возвращения к жизни. Когда надо — сама моет полы и готовит еду для своих подопечных. В местечке Нуази-ле-Гран ее заботами открыт дом отдыха для выздоравливающих от туберкулеза. Споря с традиционным монашеским уставом, мать Мария настаивает: «Нет ничего лицемернее, чем отказ от борьбы за сносное материальное существование обездоленных под предлогом, что перед вечностью их материальные беды ничего не значат. Я думаю, что человек может отказываться от личных своих прав, но абсолютно не смеет отказываться от прав своего ближнего».

Ее друг К. В. Мочульский рассказывает, какой была мать Мария в эти годы: «Она не признает законов природы, не понимает, что такое холод, по суткам может не есть, отрицает болезнь и усталость, любит опасность, не знает страха и ненавидит всяческий комфорт — материальный и духовный. «Особенно духовный, — говорит она, — всякие духовные пути в кавычках. Почти всегда это просто ханжество». Она сама довольна, что приняла постриг: «Все стало проще, очень просто, совсем. И все меньше декламации. Вот уж для деклама-

ции никакого места не остается». И с насмешливой страстью о собственно церковной жизни — о молитвах, постах, службах и прочем: «Такой духовной жизни, о какой они говорят, у меня нет. Просто, если раскрыть мне череп, кроме счетов, расписок, долгов и комбинаций ничего не найти. В этом смысле я хуже и ниже их всех».

*Пусть отдаю мою душу я каждому,
Тот, кто голоден, пусть будет есть,
Наг — одет, и напьется пусть
жаждущий.*

*Пусть услышит неслышащий весть.
И забыла я, — есть ли среди множества
То, что всем именуется — Я.
Только крылья, любовь и убожество,
И биение всебытия.*

В 1935 году в Париж на Первый Конгресс писателей в защиту культуры приехал Алексей Толстой — давний друг Елизаветы Юрьевны, с ним встречалась она в Дженете под Анапой, в Коктебеле у Волошина, в Петербурге у Блока. Дочь Гаяна — к тому времени уже взрослая девушка, неутомимая помощница матери — мечтала о возвращении на родину. Мать Мария не противилась этому желанию, и Алексей Толстой увез Гаяну в Советский Союз. Он писал тогда жене в Ленинград: «Из Парижа я вывез дочь Лизы Кузьминой-Караваевой, Гаяну. Она жила в нечеловеческих условиях, и кроме того, была лишена права работы»⁸.

На родине Гаяна поступила в архитектурную мастерскую, вышла замуж. Через год Гаяна умерла — еще одна страшная потеря для матери Марии. Но она не отделилась от людей. Так же деятельно помогала всем нуждающимся в ее помощи, много писала. В 1937 году в Берлине выходит ее большой поэтический сборник — последняя прижизненная книга.

Над Европой уже нависла страшная фашистская угроза. В кружке близких друзей в 1938 году мать Мария не раз говорит, что видит, как надвигается на мир «неслыханная катастрофа»: «Неужели вы не чувствуете, что конец уже близок, при дверях?», — твердит она. В 1940 году, когда фашисты вторглись в Голландию и Бельгию, мать Мария со страстной тревогой за людей пишет о «проклятом времени», о «безумии истории».

В июне 1940-го началась оккупация Франции. В случае, если немцы возьмут Париж, мать Мария готовилась пешком пробираться в Россию. «Лучше погибнуть по пути в Россию, чем остаться в покоренном Париже», — говорила она. Она не боится ни смерти, ни того, что обещают за гробом: «Там мы узнаем маленькую тайну, что ад уже был».

Июнь 1941 года. Германия напала на Советский Союз. В Париже арестованы несколько сот русских эмигрантов. Среди них друзья матери Марии. Она немедленно организует им помощь. Раз в неделю в доме по улице Лурмел, 77 собирали посылки заключенным. Мать Мария хочет разобраться в происходящем, она пишет статью «Размышления о судьбах Европы и Азии» (не была опубликована), где называет гитлеровскую Германию великой

МАТЬ МАРИЯ

● Елизавета Юрьевна с детьми Юрой, Настей, Гаяной. Париж. 1923 г.

отравительницей «всех европейских источников и колодезь», а Гитлера «безумцем, параноиком, место которому в палате сумасшедшего дома, который нуждается в смиренной рубашке, в пробковой комнате, чтобы его звериный вой не потрясал вселенной».

«Я не боюсь за Россию, — говорит в те дни мать Мария. — Я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы узнаем по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Потом будет русский период истории... Все возможности открыты. России предстоит великое будущее, но какой океан крови!» Этим летом мать Мария, — вспоминают те, кто был с нею рядом, — особенно взволнованна и деятельна: «Было ясно, что вся душа ее уже не здесь, а на родине. Словно опять по-молодому, с буйной силой проснулось годами подавляемое иностранной действительностью пламенное патристическое чувство. По-видимому, оно жило в ней всегда, только она не давала ему волю... Газеты, радио, карты военных действий, утыканные флажками, то утешительные, то тревожные вести, ко всему мать Мария относилась горячо, страстно. В часы английских радиопередач, пользуясь мощным аппаратом, который ей дали на хранение друзья, покинувшие Париж, она каждый вечер ловила запрещенные вести...»

Хорошо сознавая всю степень риска, она прячет, спасает, кормит, лечит тех, кто вел борьбу с нацистами.

⁷ Рукописный отдел Ленинской библиотеки ф. 218, к. 1399, ед. хр. 17, с. 566.

⁸ А. Н. Толстой. Материалы и исследования М., 1985, с. 486.

В марте 1942 года берлинская канцелярия Эйхмана вынесла решение: евреям всех оккупированных стран (в том числе и Франции) носить на одежде желтую звезду Давида. Мать Мария откликнулась на это стихотворением «Два треугольника, звезда, щит праотца, царя Давида», которое разошлось по Парижу во многих рукописных копиях. Своему другу Моучульскому она сказала: «Если бы мы были

● Памятник жертвам фашизма на кладбище Пер-Лашез в Париже.

настоящими христианами, мы бы все надели эти звезды». В ночь с 15 на 16 июля 1942 года в Париже были арестованы 13 тысяч евреев, в том числе четыре тысячи детей. Всех согнали на велодром и в течение пяти суток держали там почти

без еды и воды. Потом детей отделили от родителей и отправили в Освенцим.

Мать Мария благодаря своему монашескому облику проникла на велодром — с едой, с утешением. Но она не только кормила и утешала. Она сговорила с французскими мусорщиками — и в ящиках для мусора, которые те вывозили за пределы велодрома, были доставлены на свободу несколько детей. Об их дальнейшей судьбе тоже заботилась мать Мария. Дом на улице Лурмель стал одним из укрытий для евреев. Вместе со священником отцом Дмитрием Клепининым мать Мария выдавала евреям фальшивые свидетельства о крещении, и это спасало их от гестапо. Она находила им надежные укрытия, пеклась об осиротевших детях.

Скрывались на улице Лурмель и участники французского Сопротивления, и бежавшие из концлагеря советские военнопленные. Мать Мария держала нити сложных путей к убежищам в южной, неоккупированной части Франции, в Швейцарии, Италии и Испании.

Один из русских эмигрантов — владелец мельницы, снабжал ее дом мукой, крупой, зная, зачем это необходимо матери Марии.

«Русские победы приводили ее в восхищение, — вспоминает Манухина. — Сияющая, она встретила меня громким, на весь двор ликующим восклицанием: «Наши-то, наши... Уж Днепр перешли! Ну теперь кончено! Мы победили...» Материнскому ее сердцу больше, чем когда-либо, было теперь кого любить-жалеть, угревать-кормить, спасать-прятать. Об этой ее деятельности в годы оккупации знают те, кто был во Франции в германских лагерях и вне лагерей ее питомцами... При таких обстоятельствах арест Матери — увы! — ошеломляющей неожиданностью не был».

Утром 8 февраля 1943 года в доме на улице Лурмель был арестован ее 23-летний сын Юрий, помогавший матери в ее антинацистской деятельности. Мать Мария в это время была за городом, на маленькой ферме своего бывшего мужа Скобцова, где собиралась хотя бы сутки передохнуть. Гестаповцы сказали, что увозят Юра заложником и выпустят его, как только мать Мария явится к ним. Вызвали в гестапо и Дмитрия Клепинина. «Вы коммунисты?» — спросили там его. Мать Мария немедленно вернулась на улицу Лурмель, где и была арестована вместе со своими помощниками и друзьями. Сына, разумеется, не отпустили. Гестаповец Гофман (родом из Прибалтики, он отлично говорил по-русски) кричал на престарелую мать Елизаветы Юрьевны: «Вы дурно воспитали вашу дочь!» Он не скрывал, что в общезнании, среди тех, кому мать Мария помогала, находился его агент.

Мать Марию отправили сначала в форт Роменвилль, где она провела около трех месяцев, потом перевели в пересыльный лагерь в Компьене. За полгода до этого отсюда был отправлен в Освенцим один из самых близких друзей матери Марии — Илья Фондаминский. Дважды она готовила ему побег, и оба раза он отказался бежать,

решив разделить участь других арестованных вместе с ним евреев. В Компьене мать Мария в последний раз увиделась с сыном. И. Н. Вебстер, которая прошла с ней путь от Роменвилля до Равенсбрюка, рассказывала об этом свидании в своих воспоминаниях: «Ни мать, ни сын не знали, что это их последняя встреча в мире. Долго она после стояла уже одна у окна... слезы медленно текли по ее щекам». Вместе с Клепининым Юра отправили в Бухенвальд, где оба погибли. Перед отправкой в Германию Юра писал: «Я абсолютно спокоен, даже немного горд разделить мамину участь. Обещаю с достоинством все перенести».

27 апреля 1943 года вместе с другими заключенными в вагонах для перевозки скота мать Марию отправили в лагерь Равенсбрюк. В лагере она никогда не выглядела удрученной, была скорее даже веселой, не жаловалась на свою участь. Когда всех будили в три часа ночи на переключку, она говорила: «И завтра повторим то же самое. А потом наступит один прекрасный день, когда всему этому придет конец». «Мать Марию обожали все», — вспоминает одна из выживших узниц Равенсбрюка. Даже там мать Мария умудрялась устраивать «дискуссии» — об истории России, о будущем, о коммунизме... Эти дискуссии помогали нам восстановить утраченные душевные силы, они вновь зажигали в нас пламя мысли, едва тлевшее под тяжелым гнетом ужаса», — таково свидетельство переживших лагерь.

Как-то во время переключки мать Мария заговорила с русской женщиной. Эсэсовка ударила ее ремнем по лицу. Мать Мария закончила фразу так, будто эсэсовки перед ней и не было.

31 марта 1945 года мать Мария была отправлена в газовую камеру, тело ее сожжено в печах лагеря. Предвидя такую смерть, она писала:

*И в небе зарево стоит,
И облаком окутан кратер...
Вы слышите, друзья и братья.
Моя душа, моя горит.*

Мы не знаем в точности обстоятельств, непосредственно предшествовавших газовой камере, но есть свидетельства, что мать Мария пошла на смерть, не дожидаясь, пока придет ее черед, пошла вместе с теми, кого ободряла и утешала, находясь с ними рядом, чтобы не оставить их в эти последние минуты.

*Последний знак последнего листа,
И книга жизни в вечности закрылась...*

Накануне 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Указом Президиума Верховного Совета СССР вместе с другими героями французского Сопротивления Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева была награждена орденом Отечественной войны II степени.

Александр ШАМАРО,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

ПРАГА. Воскресное утро 28 сентября 1941 года.

— Ахтунг! — гулко разносится по площади. Вокруг ни души, только чернеют окаменевшие шеренги эсэсовского караула.

К воротам Пражского Града подкатывает легкой автомобиль. Начальник караула открывает заднюю дверцу. Из машины энергично выбирается долговязый, сухопарый человек в мундире эсэсовского генерала.

В оккупированную страну прибыл ее новый властитель. Обергруппенфюреру СС Рейнхарду Гейдриху — 37, он «восходящая звезда» на небосклоне «тысячелетней империи».

Щегольская фуражка надвинута на узкий череп (мечта истинного «арийца»!), широкий козырек заслоняет верхнюю часть лица, о котором говорили: трудно определить, где кончался лоб и начинался нос — крупный, выступающий, как клюв попугая.

Имперский протектор¹ быстро проходит вдоль строя, выбросив правую руку в фашистском приветствии. «Твердая рука», столь необходимая, по мнению приславшего его сюда Гитлера, всей этой стране и прежде всего ее столице, протянута в сторону города, на который новый диктатор готовится

● Собор
Кирилла
и Мефодия.

без промедления обрушить первые удары.

Буквально через несколько часов по радио передают его приказ: «В целях охраны интересов империи объявляю на территории Чехии и Моравии начиная с 12 часов 28 сентября 1941 года чрезвычайное положение... Решения военно-полевых судов обжалованию не подлежат. Смертные приговоры приводятся в исполнение немедленно, через расстрел или повешение».

Еще не осмотрев как

следует свой кабинет в южном крыле Пражского Града, он диктует телеграмму за телеграммой.

«Секретно. Господину управляющему имперской канцелярией Борману. Главная ставка фюрера. Сообщаю... в дополнение к моим предшествовавшим трем донесениям, что сегодня, 28 сентября 1941 г., в 22 часа имперское радио в Че-

бржежанах. Чета Гейдрихов² устраивает роскошные приемы и празднества. Когда по случаю нового, 1942 года «хозяйин» замка принимал толпу угодливых гостей, вблизи Праги ночью приземлились парашютисты — молодые чешские офицеры, прилетевшие на английском военном самолете, — Йозеф Габчик, Ян Кубиш, Йозеф Валчик. У них было задание убить Гейдриха.

Покушение на Гейдриха — одно из достаточно хорошо известных событий минувшей мировой войны. Однако ни механизм этой боевой акции, ни политическая подоплека еще и сегодня не совсем ясны. По мнению чешских историков, организаторы акции (в первую очередь полковник Моравец — начальник чехословацкой военной разведки, превращенной с его согласия и при его содействии в филиал британской секретной службы) руководствовались следующими соображениями. Первое — показать, что западные державы, в частности Англия, давшая приют чехословацкому буржуазному правительству во главе с Бенешом, хотя и тянут по-прежнему с открытием второго фронта в Европе, все же не сидят сложа руки. Второе — главное и совершенно секретное — было связано с судьбой начальника абвера³ адмирала Канариса.

Канарис в ту пору вел двойную игру. Он решил помочь Англии и США сбросить Гитлера, сохранив в Германии политическое и социально-экономическое устройство. Вступив в контакт с британской, а быть может, и с американской разведками, Канарис снабжал их

хии огласит следующие смертные приговоры, которые завтра будут вывешены на улицах... Приговоры приведены в исполнение... Прошу вас сообщить об этом фюреру».

И так — изо дня в день, все восемь месяцев, ровно восемь, отмеренных судьбой протектору Чехии и Моравии: до 27 мая 1942 года.

Гейдрих обживался в протекторате по-королевски. Вместе с семейством поселяется он в средневековом замке неподалеку от Праги — в Паненских

УТРЕНИ УЖЕ НЕ БЫЛО...

¹ Гитлеровцы, расчленив страну, назвали западную ее часть «протекторатом Чехии и Моравии».

² Лина Гейдрих немного пережила своего Рейнхарда и в послевоенные годы содержала пансион в ФРГ и даже получала пенсию за мужа.

³ Разведывательно-диверсионная служба немецко-фашистской армии.

важной информацией. Все было бы прекрасно, если бы не Гейдрих...

Между ним и начальником абвера давно шла скрытая, но ожесточенная борьба. Вполне возможно, что Гейдрих в чем-то подозревал Канариса. На адмирала было заведено секретнейшее дело. К весне 1942 года над головой Канариса сгустились тучи.

● Место покушения — «смертельный поворот», как прозвали его пражане после 27 мая 1942 года. На переднем плане — трамвай номер 3. На широких окнах обоих вагонов наклеены буквы «У»: «Victoria» — победа. Победа «непобедимой германской армии» на Восточном фронте, которую гитлеровцам так и не удалось одержать.

прикрытый плащом. Это — Габчик. Двое других столь же неприметны. Кому придет в голову, что в портфеле — английский автоматический пистолет и бомбы, в которые уже ввинчены детонаторы?

Габчик и Кубиш занимают боевые позиции на повороте: их задача — открыть по машине огонь в упор и, если потребуются, взорвать ее. Валчик

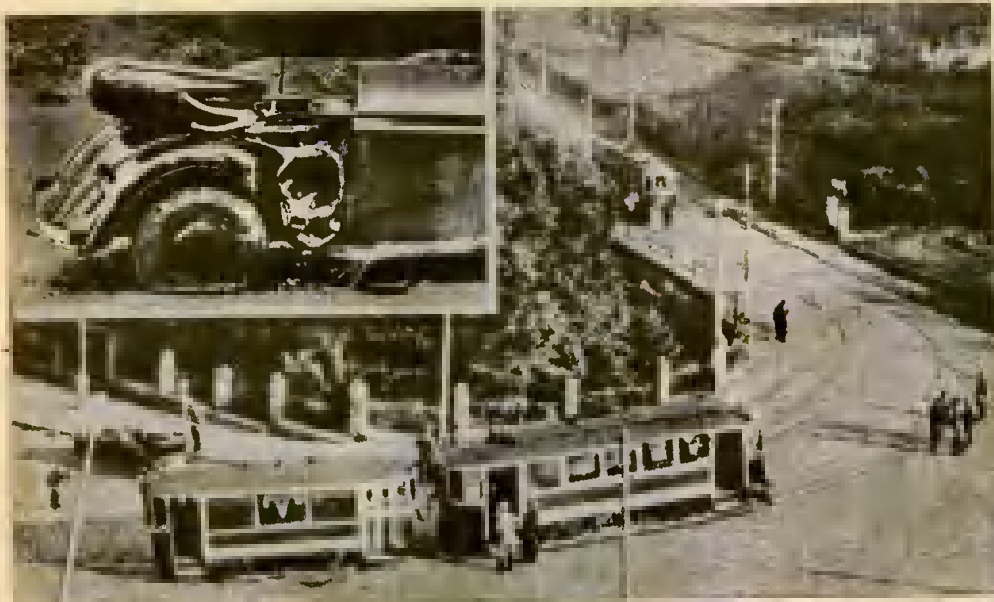
шей скорость машине, нацеливает автомат на Гейдриха. Но автомат молчит — застрял патрон! Габчик в эти секунды безоружен. Водитель машины, эсэсовский офицер, притормозив, уже выхватил из кобуры пистолет. И тут Кубиш бросает бомбу. Взрыв! Задняя дверца сорвана с петель и втиснута в автомобиль. Машину заносит в сторону и прижимает к тротуару.

Теперь, не теряя ни секунды, необходимо скрыться. Валчику это не трудно. Шофер, преследующий Габчика, падает с двумя пулями в груди. Кубиша пытается настичь сам обергруппенфюрер, однако сил у него хватает лишь на то, чтобы вытащить парабеллум и сделать несколько нетвердых шагов.

Перепуганный полицейский останавливает случайный грузовик. Гейдриха втаскивают на ящики с обувным кремом, везут в ближайшую больницу, где он сразу же попадает на операционный стол. А неделю спустя хирурги подписывают медицинское заключение о смерти протектора.

Уже к вечеру 27-го началась невиданная даже в практике гитлеровских карателей полицейская операция. Прага была наглухо блокирована. Семь тысяч гитлеровцев приступили к тотальному обыску всего города — улица за улицей, дом за домом, квартира за квартирой. И Прагу, и страну захлестнула кровавая волна террора, прозванного в народе «гейдрихадой». Только за первые шесть дней было казнено 442 человека, а в течение пяти недель — 1357, не считая расстрелянных в селах Лидице и Лежаки — нацистские каратели, в отместку за покушение на Гейдриха, стерли их с лица земли.

В поисках надежного убежища для участников покушения антифашистское подполье обратилось к духовенству чехословацкой православной церкви, к ее первосвященнику — епископу Горазду. Те сразу же ответили согласием,

«Когда после войны, — прочтем мы в книге «Бомба для Гейдриха», изданной в Праге, — выплыли наружу связи Канариса с разведками западных держав, сразу же встал вопрос: а не должен ли был Гейдрих погибнуть для того, чтобы уцелел Канарис? Быть может, ценою убийства Гейдриха разведки союзников сохранили жизнь своему наиболее ценному осведомителю?»

Но какими бы соображениями ни руководствовались за Ла-Маншем, в Праге, кишящей гестаповцами, трое бойцов, рискуя жизнью, готовились к расправе с палачом.

Для покушения была избрана северо-восточная окраина города — Либень, которую Гейдрих пересекал всякий раз, направляясь из своего замка в Пражский Град. По пути машина протектора делала поворот с Кирхмайерова проспекта на улицу «В Голешовичках». Из-за крутого поворота машина

здесь резко сбавляла скорость, и лучшее место для нападения трудно было придумать.

Сегодня новые магистрали и эстакады пересекали бывшее предместье. Но десять лет назад, когда я впервые побывал в Праге, крутой поворот в Либени оставался еще почти таким, каким был в военную пору, и поэтому можно было представить все, что произошло тут утром 27 мая 1942 года.

Габчик, Кубиш и Валчик появились здесь рано. Кто знает, когда протектор соизволит пожаловать в Пражский Град? А в тот день, как стало известно подпольщикам, Гейдрих по личному приказу Гитлера должен вылететь в Берлин, отправившись на аэродром прямо из Града.

С виду — трое молодых рабочих парней. Один, в поношенном коричневом костюме, не торопясь катит дамский велосипед. На руле висит портфель,

продвинулся на сотню метров вперед — он должен маленьким зеркалом подать сигнал о приближении машины.

Около половины десятого Валчик услышал нарастающий шум мотора и увидел вдали открытый шестиместный «мерседес» с одним пассажиром. Удача: Гейдрих ехал без сопровождения!

Мощная зеленовато-серого цвета машина с флажками на крыльях уже почти рядом. На табличке, укрепленной перед радиатором, — эсэсовская эмблема и номер 3... Машина с номером 1 возит Гитлера, с номером 2 — Гиммлера.

Зеркальный «зайчик» полоснул в напряженно прищуренные глаза Габчика и Кубиша. Наконечник. Прикрыв руки плащом, Габчик вогнал патрон в ствол автоматического пистолета.

Решающая секунда! Отбросив плащ, Габчик бросается наперерез сбавив-

предложив для укрытия склеп-гробницу под главным своим храмом — собором Кирилла и Мефодия на Рессловой улице.

Православная церковь Чехословакии — одна из самых древних поместных церквей. Христианство появилось в чешских землях в середине IX века. В 863 году новую веру проповедовали в Моравии знаменитые просветители славянства — братья Кирилл и Мефодий. Чешского князя Боривоя и жену его Людмилу крестили еще в 874 году.

Исторически судьбы чешского народа сложились так, что в его среде возобладало западное христианство — католицизм. Но и восточное христианство — православие — пустило здесь прочные корни.

Первоиерарх чехословацкой православной церкви епископ Горазд (в миру — чех из Моравии Матей Павлик) в период между двумя мировыми войнами сумел сплотить малочисленные и разрозненные православные приходы. Правительство буржуазной республики в 1933 году передало православной церкви бывший костел неподалеку от Карловой площади. Тот самый храм, который девять лет спустя стал последним убежищем парашютистов.

Вернемся в те тревожные дни 1942 года...

Через три дня после покушения в соборном подполье поселились первые бойцы. Одному из них — это был Ян Кубиш — срочно требовался врач: осколок бомбы, предназначенной Гейдриху, ранил Кубиша в лицо. Ян Зонненванд, председатель церковного совета, отыскал в Праге врача, которому можно было довериться.

Обстановка в Праге после 27 мая исключала возможность новых боевых акций, и к трем участникам покушения присоединились четверо их товарищей из других диверсионных групп: Адольф Опалка, Ярослав Шварц, Йозеф Бублик и Ян Грубы.

Сотни фашистских ишек уже третью неделю

днем и ночью рыщут по Праге.

Приближается последний срок поимки убийц протектора, ультимативно обозначенный Берлином. Не помогло и обещание награды за «содействие в розыске преступников»: 10 миллионов крон от гитлеровских властей плюс столько же от «правительства» их прислужников.

И, наверное, так бы и не провели гестаповцы о тайне склепа, если бы в самый последний день срока, отпущенного им для отыскания убийц Гейдриха, не выручил их предатель, затесавшийся в отряд бойцов-парашютистов.

Звали его Карел Чудра. Как и Габчик, Кубиш и Валчик, в составе другой группы он спустился ночью с парашютом на родную землю, но тут же дезертировал, трусливо спрятался у родни на чердаке. Он мог бы дожидаться в этом закутке изгнания оккупантов. Но Чудра знал об угрозе гитлеровцев расстрелять каждого, кто знал и не донес. И страх погнал его в гестапо⁴.

Чудра назвал адреса семей, давших тайный приют парашютистам, в том числе семьи Моравцев, чья квартира стала базой для участников покушения на Гейдриха. Колесо сыска и арестов, допросов и пыток завертелось с предельной скоростью. К гестаповцам попал двадцатилетний Властимил Моравец — связной между антифашистским подпольем и склепом под собором Кирилла и Мефодия. Юноша не выдержал пыток — убежище семей чешских бойцов было раскрыто.

На захват собора и арест парашютистов (новый протектор эсэсовский генерал Далюге приказал во что бы то ни стало взять их живыми) был брошен эсэсовский караульный батальон — 360 человек, усиленный пулеметной ротой и отрядом гестаповцев. По меньшей мере 400 человек. 400 против семи.

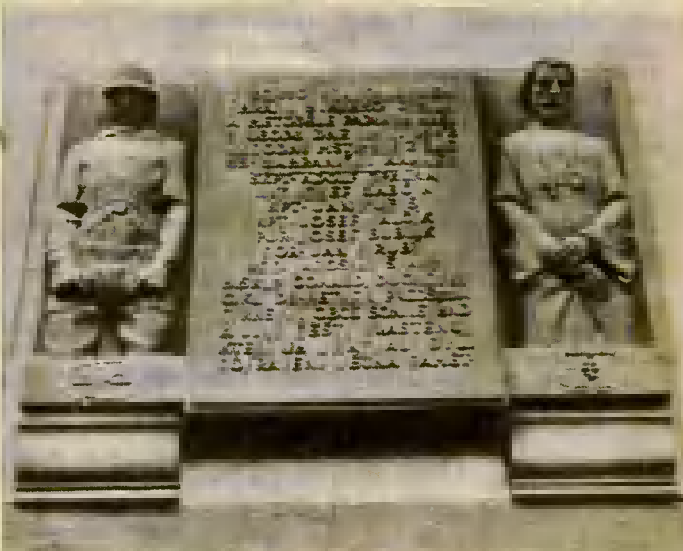
...Когда над безлюдным, словно вымершим городом забрезжил ран-

ний рассвет 18 июня, колонна военных грузовиков двинулась в сторону Карловой площади, к церкви Кирилла и Мефодия. В этот день в ней утрени уже не было...

Операция по захвату собора началась в 4 часа 15 минут. Трое парашютистов по установленному порядку дежурили на хорах. В ту ночь был черед Опалки, Кубиша и Швар-

Тогда решили затопить склеп. В вентиляционное отверстие, выходящее на улицу, просунули шланг, но осажженным удалось вытолкнуть его наружу. Так повторялось

● Мемориальная доска на соборе Кирилла и Мефодия.

ца. Они выбрались по лестнице из подполья, задвинув вход в него прямоугольной каменной плитой... Могли ли знать те трое и те четверо, что расстанутся не на ночь, а навек!

Два часа — целых два часа! — трое парашютистов отбивали яростные атаки фашистов. Последние патроны они сберегли для себя.

Теперь эсэсовцы могли действовать в соборе свободно. Оттащив в сторону каменную плиту, они несколько минут боязливо топтались у входа в склеп. Наконец один вызвался спуститься вниз на веревке. Через несколько секунд его вытащили с простреленными ногами.

Надеясь взять живыми оставшихся парашютистов, гитлеровцы бросили вниз дымовые шашки и бомбы со слезоточивым газом. Но и тут потерпели неудачу. Через то же оконце парашютисты вышвырнули обратно эти бомбы и эти шашки, и спастись от них пришлось самим гестаповцам.

несколько раз, пока гестаповцы шквальным огнем, швыряя в люк связки гранат, не заставили осажженных отойти в глубину склепа. В подполье хлынула вода. Гестаповцы обнаружили еще один ход в склеп — под каменной плитой у входа в алтарь. Положение чешских бойцов стало критическим. Габчик, Валчик, Грубы, Бублик стояли уже по пояс в воде.

В последнюю минуту они покончили с собой.

Еще до штурма собора гестаповцы арестовали епископа Горазда — главу чехословацкой православной церкви; Вацлава Чикла — настоятеля собора Кирилла и Мефодия; Владимира Петржека — священника соборного храма

⁴ Иуда из числа чехословацких парашютистов получил куда более крупное вознаграждение, нежели его легендарный предшественник: 5 миллионов оккупационных крон плюс паспорт на новое имя. Но сфабрикованная в гестапо личина не спасла предателя от возмездия, постигшего его в один из первых майских дней победного, сорок пятого года.

и Яна Зонненвенда, мирянина, председателя церковного совета. Через два месяца — 3 сентября 1942 года — они предстали перед фашистским судом.

Все четверо держались мужественно, с достоинством. В тот же день их приговорили к смертной казни.

Жестокие репрессии обрушили гитлеровцы на всю православную церковь Чехословакии. Специальным распоряжением имперского протектора она была запрещена. Имущество ее конфисковали, священников и многих мирян отправили в концлагеря, угнали на принудительные работы в Германию.

Разгромленный, разоренный, собор на Ресловой улице пустовал до конца войны. Но уже в скором пятном он был отремонтирован и вскоре открыт — и как православный храм, и как музей воинской славы.

С просьбой «укрыть лиц, преследуемых полицией», антифашистское подполье обратилось не только к православному духовенству. Руководство пражского подполья хотело перевести парашютистов в более надежное и приспособленное для пребывания в нем убежище, нежели сырой, промозглый склеп. Обратились к настоятелю Страговского монастыря премонстратов⁵. Это целый городок, расположенный в окружении вековых парков. Но, как сообщает книга «Бомба для Гейдриха», «прелат монастыря премонстратов в Страгове чуть не упал в обморок, едва ему один из посредников лишь отдаленно намекнул, какую помощь пришел он просить у него от имени Сопротивления».

Можно ли на основании этого сделать вывод о том, что православие больше располагало к патриотизму, чем, скажем, католичество или протестантизм?

Конечно, нет! В истории минувшей войны множество фактов свидетель-

ствуют о том, что в борьбе с фашизмом, в сражениях с гитлеровскими полчищами участвовали приерженцы всех христианских (и не только христианских) вероисповеданий, в том числе немало служителей культа. В то же время исторические факты говорят и о том, что никакая религия не препятствует позорным действиям, никакое вероисповедание не удерживает малодушного от малодушия, труса — от трусости, шкурника — от шкурничества, подлеца — от подлости, предателя — от предательства.

За день до отъезда домой, в Москву, я решил еще раз побывать в соборе... В подzemелье тихо, уличный шум здесь почти не слышен. Я вдруг представил, как вот таким же летним солнечным утром священник или мирянин отодвигает каменную плиту, спускается в люк, чтобы накормить парашютистов. Он знает, чем это грозит ему, его родным и близким, но поступает так, как велит совесть...

Уже который раз обхожу мемориальный склеп, стараясь ступать по каменному полу как можно тише. Уже который раз просматриваю в воображении то, о чем рассказали мне книги и статьи, о чем прочел в листовке, вручаемой каждому посетителю музея... В резком и частом треске выстрелов, в криках-командах, доносящихся через люк, в шуме воды, хлещущей в склеп и уже превратившей его в подземное озеро, встают передо мною последние минуты погибших здесь бойцов.

Они сражались до самой последней минуты, зная, что обречены, что шансов на спасение нет. Они сражались и умирали ради жизни, зная, что с каждым убитым ими фашистом ближе победа, ближе свобода, счастье их народа, их родины — древней и прекрасной славянской страны.

⁵ Католический орден, основанный в XII в. во Франции.

Одна из главных тем публицистики Эрнста ГЕНРИ — критика международного антикоммунизма. Буквально с первых дней существования Советского государства острей антикоммунизма направлялось на Восток, и буквально с первых дней в тесном союзе с ним действовали реакционные религиозные организации. Об этом напоминает нам Э. Генри.

В свое время антикоммунизм послужил Гитлеру идеологической завесой подготовки ко второй мировой войне, он помогал «мюнхенским политикам» принять предложение Советского Союза — выступить единым фронтом против готовящейся агрессии. За эту ошибку человечество заплатило дорогой ценой. Сегодня империалистические круги вновь разворачивают гонку вооружений, теперь уже ядерных, вновь они прикрываются лозунгами антикоммунизма и вновь рука об руку с антикоммунистами выступают реакционные клерикалы. Вот почему напоминание Э. Генри звучит уроком, который нельзя забывать.

Велика была в мире капитала сила ненависти к молодому Советскому государству. Ее породил страх за будущее, опасения, что отныне могут и будут возникать новые социалистические государства. На борьбу с коммунизмом средства не жалели, в кадрах недостатка не было. Летом 1924 года была учреждена первая международная антикоммунистическая организация — «Международная лига борьбы против III Интернационала», ядром которой стала разветвленная белогвардейская агентура, управляемая Климовичем (бывшим начальником московской охраны). Для нововоенного союза подыскивали подходящего главу — швейцарского антикоммуниста адвоката Обера, который приобрел печальную известность, выступив защитником на процессе убийц Воровского. Цели, которые ставила себе эта организация (ее обычно называли лига Обера), можно охарактеризовать словами американского сенатора Голдвотера, хотя и сказанными позже: «Мы скорее отправим весь мир на тот свет, чем оставим его жить при коммунизме».

Идеологи и руководители лиги Обера делали серьезную ставку на религиозные и клерикальные организации. С самого начала при ней был создан «совещательный комитет» из духовных лиц разных конфессий. Возглавил его Лодыженский — тот самый агент Климовича, который подготовил убийство Воровского. В комитет вошли Марк Крамер — автор брошюры «Большевистский интернационал против религии»; митрополит Серафим — глава берлинской епархии белоэмигрантской церкви, благословивший в 1941 году белоэмигрантов на участие в войне под знаменем Гитлера.

В Англии филиал лиги действовал в тесном контакте с так называемым

«Христианским движением протеста», организатором шумных антисоветских собраний, в которых участвовали и духовные лица разных вероисповеданий. Обер и Лодыженский собрали вокруг лиги священнослужителей, люто ненавидевших коммунизм. Но куда важнее была для антикоммунистов установившаяся у них тесная связь с католической церковью. Ватикан шел на союз с лигой не только из страха перед рабочим движением — здесь сыграла свою роль и давнишняя его мечта — распространить католицизм в России. Еще в 1922 году, когда папа Пий XI вступил на престол, он объявил «крестовый поход» против СССР. Общие цели международной антикоммунистической организации и католического руководства вели их и к общим делам. Проводником всей антибольшевистской политики Ватикана стал орден иезуитов. Возглавляли его те, кто был особо заинтересован в активных действиях против Советской страны. Генерал ордена иезуитов, «черный папа» граф Ледоховский, к примеру, не мог простить коммунистам потери богатейших владений семьи своей в Белоруссии и Западной Украине.

Согласованно действовали иезуиты и профессиональные антикоммунисты в Германии. Один из создателей лиги Обера крупный промышленник Арнольд Рехберг еще до ее образования вел переговоры с видными сановниками католической церкви — папским нунцием в Германии Пачелли, мюнхенским главой иезуитов патером Дуром, баварским кардиналом Фаульгабером — о присоединении католиков Германии к антисоветской группировке генерала Гофмана. В случае успеха антисоветской борьбы Рехберг давал иезуитам согласие на насильственное насаждение католицизма в России. Генерал Гофман был исконным пруссаком-лютеранином, как и Рехберг, однако, когда речь шла о создании блока против большевизма, религиозные разногласия не играли никакой роли. Обер был видным деятелем кальвинистской церкви, вся история которой говорит о яростной вражде с католиками, но иезуиты во все годы существования лиги весьма активно с нею сотрудничали.

Едва ли не самым ярким антикоммунистом в Германии 30-х годов был агент «черного папы» немецкий иезуит Мукерман. В своей брошюре «Большевизм угрожает», выпущенной массовым тиражом, он писал, что ни один католик не может сидеть сложа руки, когда миру угрожает большевизм. «Никакой пацифизм здесь не поможет», — предупреждал патер.

В 1931 году немецкие епископы дали такое официальное указание организации «Народный союз для католической Германии» (она объединяла в то время 300 тысяч человек):

«Считать своей высшей и святейшей задачей оборону против большевистской и коммунистической опасности и союзов свободомыслящих». Союз развернул активнейшую антикоммунистическую пропаганду. Так, одна из антисоветских листовок под названием «Бог или демоны?» была распространена в количестве 1,2 миллиона экземпляров. Двадцати двум тысячам католических священников союз разослал схемы антикоммунистических проповедей.

Во Франции главой и вдохновителем клерикальных антикоммунистов был иезуит д'Эрбиньи, написавший несколько антисоветских книг (позднее он возглавит Руссикум — заведение по подготовке католических священников славянских национальностей, причем с антикоммунистической специализацией). В руках иезуитов находилось парижское издательство «Спес», выпускавшее антисоветскую и антикоммунистическую литературу, такую, например, как клеветническая книга бывшего бельгийского генерального консула в России Ж. Дуйе «Москва без маски».

Есть основания полагать, что международная антикоммунистическая лига пользовалась и материальной поддержкой католической церкви во всех католических странах Европы.

В конце 20-х — начале 30-х годов лига Обера развернула кампанию «протеста против преследования церкви в СССР». Один за другим создавались ее комитеты по борьбе «против большевизма на социальной и религиозной основе». Организаторы этой кампании в Кельне выдвинули лозунг: «Католики, подымайтесь! Защищайте свои самые священные идеалы!» В Польше патер Урбан выступил с заявлением, в котором говорилось, что «большевизм представляет собой опасность для всего человечества». Подобные заявления не очень отличались от прямых призывов к войне.

Сеть организаций лиги Обера действовала во всей Европе, в США и даже в ряде стран Южной Америки и Востока. К ней присоединялись и другие антикоммунистические силы. Но и в условиях террора, жестоких постоянных преследований коммунистов повсюду неуклонно росло число сторонников мирового коммунистического движения.

Уже в начале 30-х годов антикоммунисты, анализируя причины своих провалов, приходили к заключению, что надо искать новые точки опоры. В тот период все реакционные политические партии, военщина и, наконец, крупный капитал начали открыто или тайно обращаться к фашизму. Немецкие монополисты и их партнеры в других странах приходили к убеждению, что спасти свой мир они могут, полностью разгромив рабочее движение, а в дальнейшем — развязав

войну против СССР. И то, и другое обещал сделать фашизм. К нему вели и все дороги профессиональных антикоммунистов.

В марте 1930 года в Берлине состоялось тайное заседание могущественной организации «Клуб господ», сыгравшей важнейшую роль в фашизации Германии сверху. Присутствовали высокопоставленные лица, в том числе высшие чины католической и протестантской церквей из разных стран Европы. Главный доклад делал Ильин, руководитель «русской секции» лиги Обера, «профессор по большевистским ужасам». На обсуждении доклада фон Папен заявил, что «счастливы видеть, как обе христианские церкви совместно вступают в борьбу против большевизма». Решено было создать специальную организацию для борьбы с большевизмом — «Германский союз защиты западной культуры» (его первоначальный фонд — 10 миллионов марок — в дальнейшем пополнялся за счет церковных средств). Самое активное участие в кампании «против религиозных преследований в СССР» принимал Союз немецких церквей. Он финансировал ряд издательств, специализировавшихся на антисоветской пропаганде, в том числе и «Русское евангелическое пресс-бюро». Его возглавлял Адольф Эрт, ставший главой лиги после перехода ее под прямой нацистский контроль. Это был известный религиозный деятель из среды меннонитов, эмигрировавших из СССР. Но в 1933 году Эрт покончил с религией и стал нацистом. Это он вместе с другими профессиональными антикоммунистами — своими союзниками — предложил Габбелсу план крупной антикоммунистической провокации: поджог рейхстага. Именно деятели лиги предоставили будущим гестаповцам «черные списки» с именами коммунистов.

Более 40 лет прошло со дня Победы над гитлеровской Германией. Но антикоммунизм по-прежнему служит тем, кто хочет уничтожить реальный социализм.

И сегодня антикоммунизм очень похож на тот, который привел Гитлера к власти и помог ему развязать вторую мировую войну. Множеством нитей связан он с полицией, охранками, разведками, диверсантскими агентствами. Их по-прежнему финансируют крупные монополии, прежде всего военно-промышленные, заинтересованные в обострении международной обстановки и в гонке вооружений. Так же тесно связаны они со все более нагло поднимающим голову неонафашизмом. И так же, рассчитывая овладеть душами миллионов верующих, привлекают антикоммунисты на свою сторону реакционное духовенство. Не всякому впрок уроки истории.

вед и переводчик немецкоязычной художественной литературы. В предлагаемой вниманию читателей статье они рассказывают о замешанной на мистике идеологии гитлеровской элиты — своего рода «репигии» фашизма.

денных за тяжкие уголовные преступления».

«В средние века палачи образовывали особые цехи и им была присвоена особая одежда,— говорится в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. — В Испании одеянием им служил черный плащ с красной каймой и желтым поясом; на широкополой шляпе вышито было изображение эшафота. Им не давали прав гражданства, в церкви они занимали особое место. В Испании палач должен был жить за городской чертой; его дом красился в красный цвет».

До недавнего времени даже актер, исполнявший роль палача, выступал в маске, его фамилию в театральных программах заменяли звездочками.

Да, палачество в разных странах и у разных народов всегда считалось самым низким, вселяющим некий суеверный ужас занятием. Но в первой половине XX века мир стал свидетелем невероятного: десятки тысяч палачей в фашистской Германии старались быть на виду, гордились своими палаческими мундирами, с превеликой охотой хвастались своими палаческими делами, объявили себя элитой общества.

Как же могло произойти такое в цивилизованной Европе? Обратимся к идеологической доктрине германского фашизма, впервые в истории обосновавшей «право» на государственный терроризм и массовые убийства.

● Ежедневно в Освенциме умерщвлялось 2370 человек, и именно столько людей изображено здесь. Этот концлагерь просуществовал 1688 дней, и именно столько отпечатано копий этого плаката.

Основные положения идеологии нацизма были сформулированы Гитлером в «Майн кампф» и Розенбергом, главным теоретиком нацистов, в «Мифе XX века». Именно розенберговский вариант сыграл особую роль в воспитании нацистской элиты, к которой в первую голову принадлежали сотрудники карательного аппарата.

Поставив своей задачей создать «новую религию XX века», «новый миф», Розенберг на 700 страницах пересматривает буквально всю историю человечества, изображая ее как борьбу рас — полноценной (арийской, нордической) с неполноценными (остальными). По мнению фашистского идеолога, источник возвышения и процветания всех государств, оставивших заметный след в истории человечества, — присущая им первоначально чистота расы; причина их ослабления и упадка — смешение рас. В жилах «чистопородных» появляется «нечистая кровь» — этрусков, сирийцев, евреев, «желтых». Смешанные браки становятся нормой. Высшая раса утрачивает чистоту. Ублюдки губят великую культуру. Мужчины теряют воинственность. Женщины легкого поведения приобретают роковую власть. Общество загнивает, потом гибнет. И на его обломках (иногда нескоро) снова возникает чистая раса... Так было с Вавилоном, Индией, Египтом, Грецией, Римом.

Вот образчики рассуждений Розенберга: «Разрушение Карфагена было с точки зрения расы необычайно важным делом: благодаря этому была спасена позднейшая средневековая и западноевропейская культура от зловонных миазмов этого финикийского чумного очага». «Первая нордическая волна создала древнюю республику Рим. Только с переходом к христианству началось расовое перерождение». «Ренессанс превратился в бурное утверждение нордической, на сей раз германской крови»...

Пытаясь найти аргументы в пользу такой «теории», Розенберг выискивает в художественных произведениях различных жанров, времен и народов блондинов, и на сем основании утверждает, будто все они принадлежали к высшей, нордической расе, а, стало быть, сия раса существовала испокон веков. Так, в «Мифе» появляются «голубоглазые фараоны». В руках у Сикстинской Мадонны «белокурый Иисус смотрит прямо-таки героически». По-арийски выгля-

Всего в Освенциме погибло около четырех миллионов человек. Ежи Скапский писал: «Когда я закончил работу над этим плакатом, то не решился поставить на нем свое имя, — что значат имена в сравнении с человеческими жизнями?»

ПОД ЗНАКОМ «МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ»

Д. МЕЛЬНИКОВ, доктор исторических наук,
П. ЧЕРНАЯ

КАЖДЫЙ
ДЕНЬ ОСВЕНЦИМА.

SWIETLIŃIA
Плакаты польского художника
Ежи Свайпольского.

дят и «голубоглазые головки ангелов в облаках». Значит, и Иисус Христос, и ангелы принадлежат к нордической расе? Розенберг прямо говорит: нельзя представить себе Христа человеком «с горбатым носом, отвислой губой, пронзительными черными глазками и волосами в мелких завитушках». Это глубокомысленное утверждение с некоторыми вариациями повторяется несколько раз: Христос был не еврей или сириец, а нордический человек. Естественно, что и эллины (древние греки) были арийцами, поскольку у Гомера сказано, что они с «белокурыми локонами».

Однако среди «голубоглазых героев» встречались и люди с дурной кровью, «малоазиатские шпионы — темноволосые, с плохой фигурой». Например, Тирсит — один из персонажей гомеровского эпоса или... Сократ, точнее «уродливый Сократ» — человек чуждый «для эллинской жизни». Оказывается, афинский философ был «тогдашним интернационалистом и социал-демократом» и приводил в отчаяние прекрасных, но потерявших волю к жизни греков.

Приведенные цитаты звучат как скверный анекдот. Но не будем забывать, что они систематически вдалбливались в головы немцам массовой антинацистской пропагандой, а тех, кто пытался противодействовать ей, уничтожали физически. Писания Розенберга с самого начала пахли кровью.

«Через пятьдесят лет сила цветных возрастет, — заявил он. — Поэтому нордический человек должен позаботиться о том, чтобы в его государстве не осталось бы ни одного негра, желтого, мулата, ни одного еврея». «Евреи — паразиты», — утверждал Розенберг. «Энергичный кулак... прогонит их враз!».

Как видим, в геллертерских рассуждениях появился «энергичный кулак». Для «теоретика» Розенберга самое главное доказать, что без «кулака» не обойтись. Ведь «нечистая кровь», «бастарды» (полукровки) и «паразиты» уже приготовились к решительному натиску. Теория «враждебного окружения» была совершенно необходима нацистам. Против «чистой расы» — Германии — все и вся: еврейские банкиры и хитрые адвокаты, демократы и интеллигенция, масонские ложи и католическая церковь. Да, Розенберг обрушивался и на Ватикан, поскольку тот, как известно, претендовал на мировое, пусть и духовное, господство. Хотя на практике нацисты прекрасно ладили и с папой Пием XII, и с верховной протестантской церковью. Только такие «радикалы», как Розенберг и Гиммлер, пытались восстановить культ древнегерманских богов. Но Гитлер не очень-то поддерживал их в этом. Коль скоро церковь мирилась с нацизмом, нацизм мирился с церковью. А сотни

тех рядовых священнослужителей, которые выступали против фашистских зверств, гестапо уничтожало беспощадно.

Розенберг попытался создать и всеобъемлющую систему ценностей, так сказать позитивную программу. В частности, новое расовое право: «Право для нас исключительно то, что служит немецкой чести». В основу будущих законов рекомендовалось положить рыцарский кодекс древних германцев.

Предлагалась и новая, расовая мораль: лицемерие — не признавать внебрачными детей, если их родила арийская мать от арийского отца; но если немецкая женщина вступит в законный брак с негром, желтым, бастардом, евреем, то ее надо покарать — тюрьмой, конфискацией имущества, пожизненным выдворением из германского рейха.

Розенберг мечтал о новой элите: «Те мужчины, которые в борьбе за грядущий рейх стояли на передовой — в духовном смысле, в политическом и в военном, — являются основой для создания нового дворянства. Тут со всей ясностью выявится, что эти люди на 80 процентов и по внешности близки к нордическому типу».

И наконец, предлагался новый эстетический идеал, эталон красоты. Розенберг видит его в немецком солдате. «Во всех городах и во всех деревнях Германии... лица под стальной каской на военных памятниках... имеют сходство, которое можно назвать мистическим. Прямой, изобретенный морщинами лоб, прямой сильный нос с угловатой конфигурацией, крепко сжатый узкий рот с глубокими складками в уголках, говорящими о твердой воле. Широко раскрытые глаза смотрят вперед. Они устремлены в даль, в вечность».

Так создавалась идеологическая программа для палачей, заранее дающая им «индальгенции»: ведь нужно спасать расу, кровь, немецкий народ от «паразитов» и врагов, которые уже нацелились уничтожить не только Германию, но и всю мировую цивилизацию!

Для тех, кому напыщенное словоблудие Розенберга казалось слишком сложным, существовал вариант попроще, в изложении самого Гитлера. В нем опускались многие детали, но суть оставалась той же — беречь чистоту расы, уничтожать всех, кто ей угрожает. «Точно так же, как открытие того, что Земля вращается вокруг Солнца, пронзело переворот и создало совершенно новую картину мира, — заявил Гитлер, — так и учение о крови и расе национал-социалистского движения приведет к перевороту в сознании и тем самым создаст иную картину истории человека прошлого и будущего».

Некоторые западные историки пытаются свести расовое безумие

нацистов лишь к антисемитизму. Известно, однако, что, намечая уничтожить 11 миллионов евреев, они намеревались в дальнейшем заняться планомерным уничтожением и других «недочеловеков». Известно и то, что идеологических стражей чистоты «нордической расы» не смущал цвет кожи представителей японского милитаризма, в союзе с которым они выступали против стран антигитлеровской коалиции.

Гитлеровцы хотели создать на Востоке — «от Познани до Урала» и от Прибалтики до Кавказа — многомиллионный, чисто «арийский» вал. В реализации планов уничтожения «недочеловеков» и «врагов нации» особая роль отводилась корпусу профессиональных убийц — эсэсовцам во главе с Генрихом Гиммлером.

Из сумбурных поучений Гитлера, Розенберга и иных с ними Гиммлер составил своего рода «катехизис» для СС. Ведь и ему, и фюреру нужно было не собирать дебоширов и преступных элементов, какое представляли собой штурмовые и охранные отряды СА и СС на первом этапе, а боевое соединение преданных, дисциплинированных воинов, нечто сугубо военное и в то же время невоенное. Нацисты и их элита называли себя не солдатами, а бойцами, и Гиммлер сказал в 1940 году: «Юные немцы, которые выделяются своим поведением и характером, хотя бы чем-то большим, нежели солдатами». Сам Гиммлер и его приближенные называли СС «орденом» (недаром эмблемой его была мертвая голова), «великим магистром» которого стал рейхсфюрер СС. Известно, что Гитлер называл иногда Гиммлера «своим Игнатием Лойолой», а убитый 30 июня 1934 года глава штурмовиков Карл Эрнст окрестил его «черным иезуитом».

Для таких заявлений были основания. В 30-е годы нацисты возродили средневековые атрибуты, обряды и фразеологию.

Первое, что сделали создатели черного «ордена», — это постарались придать ему характер привилегированной, замкнутой организации. Попасть в нее было крайне трудно. Будущий эсэсовец должен был сразу понять, что он приобщается к святой святых нацистского государства — к его элите, что ему выпала великая честь — дать присягу беспрекословного послушания Гитлеру и Гиммлеру, что, осуществляя массовые убийства ни в чем не повинных людей, он выполняет великую миссию спасения немецкого народа и всей цивилизации.

Устав СС не требовал от абитуриентов ни каких-либо особых профессиональных качеств, ни даже заслуг перед нацистами. Главное, чтобы кандидат удовлетворял требованиям «расовой чистоты». От «родос-

ловных» не только самих эсэсовцев, но и их жен требовалась стопроцентная «чистота». Черный «орден» мыслился чем-то вроде питомника по выращиванию чистопородных арийцев. Об этом прямо говорилось в приказе Гиммлера по СС, изданном еще до прихода Гитлера к власти: «СС — это избранный с определенной точки зрения союз нордических мужчин».

Итак, для вступления в СС надо было пройти сквозь плотное сито «расового отбора». Вот как это выглядело на практике: каждому кандидату приходилось доказывать, что ни у него, ни у его супруги нет «неарийских предков». Для этого представлялась справка о том, что начиная с 1800 года они были арийцами; командиры же (фюреры) или их заместители должны были засвидетельствовать, что их прямые родственники с 1750 года не имели «чужой, неарийской крови». В результате всем вступающим в СС приходилось подолгу рыться в церковных книгах, дабы воссоздать свое генеалогическое древо.

Гиммлер уверял, что через несколько десятков лет членами его ордена станут исключительно чистые арийцы (нордическая группа), а через 120 лет весь немецкий народ превратится в голубоглазых и светловолосых викингсов...

На Нюрнбергском процессе выяснилось, что при приеме в СС обсуждалось буквально все, например, учитывалось, потеет ли абитуриент (пот являлся признаком нордической расы).

Помимо безупречной родословной требовались еще и подходящие внешние данные: например, рост не ниже 174 сантиметров и правильное телосложение. А чтобы вернее оценить расовые достоинства будущих жен руководящего состава СС, их фотографировали в купальниках.

Прошедшим многоступенчатый расовый и политический отбор кандидатам в СС предстоял еще долгий «искус». В очередную годовщину мюнхенского путча 18-летнего абитуриента объявляли новобранцем и разрешали облачиться в эсэсовскую форму. Но без петлиц. Следующий этап наступал 30 января, в годовщину захвата власти Гитлером новобранец получал предварительное удостоверение эсэсовца. Лишь раз в год — 20 апреля, в день рождения Гитлера, новобранцы приносили присягу такого содержания: «Клянусь тебе, Адольф Гитлер, тебе — фюреру и канцлеру германского рейха, быть верным и храбрым. Я торжественно обещаю тебе и назначенным тобою начальникам послушание до самой смерти, и да поможет мне бог». На вопрос: «Почему мы верим в Германию и в фюрера?» — каждый эсэсовец должен был ответить: «Мы верим в господ бога и потому верим в Германию, которую он сотворил по

своему подобию, и в фюрера, которого он нам ниспослал».

Отбором в СС идеологическая обработка отнюдь не кончалась. Все

пребывание в этом орденом палачей сопровождалось целым рядом ритуалов, где, по словам американского историка Дж. М. Стейнера, «сектантский фанатизм, феодальные правила и германский культ соседствовали с современной политико-экономической организацией и хладнокровными государственными расчетами».

В отличие от прочих немцев эсэсовцы не проходили обязательной службы в вермахте, им платили больше, чем кадровым военным, и они были неподсудны обычным гражданским и военным судам.

Ветераны СС носили на пальце серебряное кольцо с мертвой головой. Особо доверенные лица получали «кинжал чести». Все эти детали должны были подчеркивать элитарность, избранность членов черного «ордена».

Гиммлер лично и беспрестанно занимался составлением специальных меню, советуясь с фашистскими евреями — специалистами по усвоению и совершенствованию эсэсовской «породы». Рядовые эсэсовцы в казармах имели особый гигиенический рацион — вместо кофе пили какую-то бурду с молоком, в больших количествах потребляли минеральную воду. Как свидетельствует французский исследователь Деларю, в казармах проводились «магнетические сеансы» и сеансы массажа — все с той же целью оздоровления. У всех эсэсовцев были также особые праздники. Даже рядовые «бойцы» не справляли ни рождества, ни нового года, ни пасхи.

Самыми главными семейными праздниками у них считались бракосочетание, которое обставлялось на некий полуязыческий лад, и праздник по случаю рождения ребенка — тоже весьма своеобразная церемония. Эсэсовцы не венчались в церкви. На их свадьбу приходили сослуживцы. Начальник держал речь, жениху и невесте вручали серебряную чашу. Эсэсовский подарок — серебряную чашу, серебряную ложку и голубой шелковый бант — вручали также новорожденному. На похоронах эсэсовца его командир произносил речь, а в заключение церемонии присутствующие, взявшись за руки, становились вокруг могилы, пели ритуальную песню о верности.

Вместо рождества эсэсовцы праздновали день «зимнего солнцестояния». Каждый получал по этому случаю керамический светильник (специальная фарфоровая фабрика производила подсвечники на 12 свечей). Светильники зажигали, произнося соответствующие заклинания.

Таким же важным считался «праздник солнцеворота» (день весеннего равноденствия), символизировавший

● Фашистские варвары — разрушители культуры

ровавший победу света над тьмой. Кроме того, эсэсовцы, как и вся фашистская Германия, праздновали день рождения Гитлера, годовщины мюнхенского «пивного путча» и прихода нацистов к власти.

На более высокой ступеньке иерархической лестницы СС стояли воспитанники так называемых эсэсовских юнкерских школ, которые, по выражению Гитлера, предназначались для «нового дворянства». Будущие палачи подвергались особой муштре, их физическая подготовка перемежалась с вызубриванием наизусть речей Гитлера и Гиммлера, соответствующих глав учебников.

Когда читаешь эти учебники, волосы становятся дыбом, до такой степени они проникнуты духом чело-
веконенавистничества, жестокости, садизма. «В моих орденских замках,— говорил Гитлер,— вырастет молодежь, от которой содрогнется мир. Я хочу воспитать жестокую, властную, свирепую молодежь...

В моих орденских замках вырастут прекрасные, богоподобные индивиды...»

Но наивысшим воспитательным «достижением» СС были так называемые «лебенсборны» — «родники жизни». Они представляли собой своеобразные «случные пункты», где происходило спаривание чистопородных эсэсовцев с не менее чистопородными девицами. Воспитание их потомства брала на себя эта же организация.

В годы войны, когда мужское население Германии начало таять, солдатам (а не только эсэсовцам!) всячески внушалось, что они должны оставить здоровое потомство. Пусть даже у законной жены уже трое детей. Ведь соседка, чистая арийка, тоже хочет иметь ребенка... Затем беременную помещали в один из приютов «лебенсборна», а после родов, оставив ребенка, она могла идти на все четыре стороны. Акция «спаривания» и «воспитания» была задумана с большим размахом. Сетью «лебенсборнов» предполагалось охватить всю Германию.

Итак, орденские замки, случайные пункты, невиданная «мораль», свои собственные праздники, кольца, кинжалы, родословные с 1750 года, да еще теософия и оккультизм в придачу, насаждавшиеся в эсэсовском «ордене», представляли собой зародыш «арийской церкви» будущего, коей гитлеровские главари мечтали после своей «окончательной победы» заменить «иудео-христианство».

Но еще большая мистика насаждалась на высшей ступени эсэсовской иерархии — в среде Гиммлера и его ближайшего окружения. Рейхсфюрер СС верил и в «черную магию», и в переселение душ, «общался»

● **Кукрыниксы.**
Рисунки, сделанные
в зале суда
в Нюрнберге.
1945.

с духами, советовался с гадалками и астрологами. Об этом поведал в своих мемуарах лекарь и массажист Гиммлера Керстен.

Для пущей «аристократичности» рейхсфюрер СС отождествлял себя то с мифическим королем бриттов Артуром, который, по кельтским преданиям, собирал 12 «рыцарей круглого стола», то с королем Генрихом, дух которого будто бы являлся к нему и давал всякие ценные указания. Некоторые исследователи считают, что под ним имелся в виду саксонский король Генрих I (876—936), который боролся против славян. Последнее обстоятельство имело для его тезки, Генриха Гиммлера, немаловажное значение.

Подобно мифическому королю Артуру, рейхсфюрер СС соблюдал довольно сложный ритуал. За его столом всегда сидело 12 человек. В СС он имел 12 обергруппенфюреров, которые считались высшими иерархами «ордена». Те в свою очередь имели собственные гербы, которые им «сочинили» и нарисовали художники из довольно диковинной организации под названием «Аненэрбе» («Наследство предков»).

Главным орденским замком эсэсовцев, так сказать, их Валгаллой (дворец скандинавского бога Одина, обиталище душ павших героев) был Вевельсбург в Вестфалии, неподалеку от Падерборна. Гиммлер арендовал его с 1934 года за символическую плату — 1 марка в год. Естественно, что о Вевельсбурге — как и о любом другом средневековом замке — ходило множество легенд. В одной из них, между прочим, говорилось, что после нашествия с Востока (!) устоит одна-единственная крепость в Вестфалии, а именно — Вевельсбург... Гиммлер намеревался превратить его в духовный центр своего «ордена», открыть там имперскую школу фюреров СС.

Над гигантским залом — столовой — в южном крыле были устроены личные покои самого рейхсфюрера СС, в том числе огромное помещение для коллекции награбленного оружия и библиотека с 12 000 томов (опять же награбленных!). Рядом находился зал заседаний и судебный зал. В том же южном крыле были апартаменты Гитлера, в которые он, впрочем, ни разу не заглянул. В замке находились и комнаты для 12 приближенных Гиммлера, тех самых, что регулярно «заседали» в главном зале (35 метров

● **Фашистская свастика**
на виселице. Плакат польского художника З. Печколяна. 1975.

Подсудимый
Кальтенбруннер

Подсудимый
Гейдрих

Подсудимый
Гесс

Подсудимый Геринг

в длину и 15 в ширину) с круглым дубовым столом посередине. Участники заседаний размещались в огромных креслах, обитых свиной кожей и украшенных заемными гербами (как известно, гигантомания и помпезность в гитлеровском рейхе заменяли вкус). Эти «заседания» рыцарей лже-Артура Гиммлера сильно смахивали на спиритические сеансы. Подвалы Вевельсбурга были переоборудованы для будущих погребений.

Однако Вевельсбург мыслился Гиммлеру только как начало — рейхсфюрер СС хотел, как сказано в документах Нюрнбергского процесса, чтобы «в каждом штандарте (эсэсовском полку) был создан подобный «культурный» центр немецкого величия и немецкого прошлого и чтобы его привели в тот порядок и в то состояние, какое было бы достойно народа с древней культурой».

Култ мертвых, исповедуемый Гиммлером, не ограничивался королем Артуром. 2 июля 1936 года, по случаю тысячелетия со дня смерти Генриха I, рейхсфюрер СС торжественно поклялся в кафедральном соборе города Кведлинбурга, что «закончит его дело» — поработит славян. Через год в этот собор перенесли останки Генриха I, и Гиммлер заявил, что он должен стать местом паломничества эсэсовцев. Сам шеф СС несколько лет подряд в годовщину смерти своего тезки отправлялся в собор и ровно в полночь шел в склеп под алтарем, где вел «беседы» с прахом мертвеца. (Гиммлер объяснял, что может «общаться» лишь с духами людей, которые умерли не менее ста лет назад.)

Да, Гиммлер занимался «гробкопательством», дабы облачить своих палачей в средневековые рыцарские доспехи. Увы, в нацистском государстве, народ которого был оболванен и запуган, часть населения верила во все эти оккультно-средневековые фокусы.

Впрочем, вся эта мистика гроша ломаного не стоила, когда доходило до дела. Достаточно прочесть речи Гиммлера, чтобы в этом убедиться. Беспорывные убийства, массовые казни, полная безнаказанность уродовали психику: эсэсовские каратели становились алкоголиками, психопатами, гомосексуалистами, клептоманами и т. п.

Были случаи, когда даже «рыцари черного ордена» не выдерживали палаческого стиля жизни, самого вида истязаний и казней и кончали с собой. Гиммлер сурово осуждал таких самоубийц. Тревожила его на всем протяжении существования СС и проблема гомосексуализма в их рядах. Время от времени он раздражался гневными обличениями этого порока

профессиональных ландскнехтов, подчеркивая при этом, что в «вопросе о шлюхах мы будем чрезвычайно терпимы».

Таков уродливый облик нацистской элиты — членов черного «ордена» СС, чьими руками осуществлялся массовый террор в Германии и на оккупированных территориях.

Известный западногерманский ученый Карл Дитрих Брахер в одной из своих работ не без иронии заметил, что «история национал-социализма есть история его недооценки». Действительно, западные политики 30-х годов не видели или не желали видеть опасность идеологии фашизма, развязавшего вторую мировую войну, в ходе которой погибло свыше 50 миллионов человек. Сегодня нацистские последние в некоторых странах Запада поднимают голову, мечтая навязать миру свой вариант человеконенавистнических «верочуний». Люди Земли должны быть бдительны!

Вероятно, на этом можно было бы и закончить. Но... заглянем в уже упомянутую книгу Стейнера. 1962 (!) год... 150 бывших эсэсовцев отмечают праздник «зимнего солнцестояния». Зажигаются все те же 12 свечей, поются все те же песни, произносятся все те же речи. Главный на празднике — бывший обергруппенфюрер СС Феликс Штайнер.

Всего 150... Стоит ли бить тревогу? Коммунисты, бывшие участники Сопротивления, прогрессивные общественные и религиозные деятели Запада отвечают: стбит. Они с тревогой говорят об оживлении неонацизма, об апологетике гитлеризма, прославлении кровавых преступлений эсэсовцев. В октябре 1978 года по телевидению во Франкфурте-на-Майне интервьюировали юнцов.

На вопрос: «Как бы ты стал править страной?» 13-летний Армин (фамилию не назвали) ответил: «Прежде всего, надо практически очистить страну. Число стариков и инвалидов, а также, может быть, и детей сократить. И тогда я бы также вышвырнул всех старых и слабых, инвалидов. Чтобы я имел здоровый народ».

Опыт подобного «оздоровления» народа был проведен нацистами согласно «программе эвтаназии» — «облегчения умираний». По указанию Гитлера уничтожению подвергались все люди, «жизнь которых не имеет ценности». Под эту формулировку можно было подвести любого, объявив его душевнобольным или зараженным наследственными болезнями, и стариков. К 1 сентября 1941 года по «программе эвтаназии» было уничтожено 70 тысяч человек. Сегодня эта нацистская практика вновь оживает в одурманенных неонацистами головах подростков. А попустительствуют гитлеровским последышам, как и прежде, те, кому патологический страх перед коммунизмом мешает признать реальности современной жизни. Еще в 1946 году великий немецкий писатель-гуманист Томас Манн сказал: «Я думаю, никто не заподозрит во мне лоборника коммунизма. Однако я не могу не видеть страха буржуазного мира перед словом «коммунизм», страха, на котором держится фашизм, — какого-то суеверия, какой-то незрелости, главной глупости нашей эпохи».

П. ГУРЕВИЧ,
доктор филологических наук

ЯДЕРНЫЙ СТРАХ

ОН ПОЯВИЛСЯ около меня и молча протянул исписанный лист бумаги. Я пробежал глазами текст. «Общество обеспокоенных философов» озабочено судьбами человечества... Оно обращает внимание на разрушительные механизмы психики... Специалисты-психоаналитики¹ призывают к разуму и совести... Почувствовав мое недоумение, он провел ногтем по чистому бумажному полю и объявил: «Пусть все распишутся».

Это было в Монреале, на XVII Всемирном философском конгрессе осенью 1983 года. В тот день я дежурил у стенда выставки советской литературы. Приходили зарубежные коллеги, отбирали нужные тома, вступали в беседу... Встретив мой изумленный взгляд, гость протянул визитную карточку: «Р. Гинсберг, профессор философии». Я спросил, что должны означать наши подписи. Профессор заметно разволновался:

— Дело не в материальных разрушениях и даже не в людских потерях, вызванных войнами... Самое страшное — психика. Происходит распад психики, глубинные процессы подсознательного творят зловещую личность.

— Разве противники войны не понимают этого?

— Понимают, но... Мы хотим создать новое движение. В него войдут мыслители разных стран. Это будет общество охраны психики.

— Да, но особенность войны — в ее тотальной разрушительности...

Мы и не заметили, как вокруг нас возник клуб отчаянных спорщиков. Заговорили, перебивая друг друга... Война, катастрофа, утешение. Как спасти культуру?

Последний философский конгресс был посвящен проблемам культуры. Но тема мира, естественно, стала центральной на многих обсуждениях. Ораторы, представляющие философскую общественность стран различных континентов, с различными общественно-политическим строем, с тревогой говорили об угрозе ядерной войны, признавали, что идеологические споры не должны вести к катастрофе, призывали обратиться к поискам мирных решений конфликтных ситуаций. Прогрессивные мыслители заклеили совершенные фашизмом преступления против человечества.

¹ Психоанализ — термин, введенный З. Фрейдом, основоположником идеалистического направления в психологии, получившего название «фрейдизм», акцентирующего внимание на психологическом методе изучения под- сознания личности. (Прим. ред.)

На другой день я слушал доклад Р. Гинсберга «От культуры войны к культуре мира». Его пронизывала выдержанная в духе абстрактного гуманизма идея перехода от воинственной и милитаристской ориентации к мирной. Изобличающий пафос был недвусмысленно адресован правительственным кругам США.

В центре его размышлений оказалось понятие «унитарная культура», под которой Р. Гинсберг понимал миролюбивую и гуманистически ориентированную культуру «единого человечества». Сама идея подавления «киных» культур (Гинсберг ссылался, в частности, на судьбы индейцев в США) рано или поздно приводит к войне в ее самых страшных «антикультурных» аспектах. После доклада Р. Гинсберг передал делегатам конгресса письмо, приглашавшее философов принять участие в серии публикаций по проблемам войны и мира. Эти публикации готовят прогрессивные сотрудники Института социальных наук и искусства при университете штата Пенсильвания.

И вот серия этих брошюр на моем рабочем столе. Знакомясь с ними, я думаю о том, как заметно возросло за последние годы влияние сторонников психоанализа в движении против угрозы ядерного уничтожения человечества. Оно прослеживается и в массовом сознании, и в мышлении политических деятелей, публицистов. Не только в США, но и в ФРГ они представляют собой впечатляющую идейную силу.

Где коренится угроза войны — в разрушительных свойствах человеческой природы или в социальных факторах, породивших извращенное, злокозненное сознание? Психоаналитики с обеспокоенностью пишут о массовых психозах, о незаметных для внешнего наблюдения процессах психологического смещения. Они хотят представить на суд общественного сознания его величество СТРАХ...

Когда впервые была зафиксирована связь между угрозой войны и массовым распространением тревоги, страха? Пожалуй, это сделал З. Фрейд в своей очерке «Современные размышления о войне и смерти» (1915). Он полагал, что истоки грозящей катастрофы коренятся в испорченной биологической природе человека. Первая мировая война развеяла иллюзии относительно разумности сына природы. Как можно уповать на благоразумие адамова потомка, когда он прямо-таки одержим жадной разрушения и братоубийства? Не беспринципные карьеристы и не развращенные политики спровоцировали войну. Если бы люди обладали здравым смыслом, они не вовлеклись бы в эту бойню. Пять лет спустя в работе «По ту сторону удовольствия» Фрейд уже подробно развил свою «мифологическую» концепцию. Человек мечется между двумя роковыми силами — влечением к жизни (Эросом) и влечением к смерти (Танатосом). Если бы не война, человек не смог бы освободиться от обуревающих его разрушительных инстинктов.

Но уже в последующие десятилетия это изобличение «дурной природы» человека не встретило сочувствия даже у последо-

● *Франсиско Гойя. Колосс, или Паника. Под ногами у разъяренного гиганта, олицетворяющего войну, — бегущие в ужасе толпы людей, и лишь ослика на переднем плане, похоже, не захлестнула волна всеобщей паники.*

вателей Фрейда. В. Рейх, его ученик, пришел к другому мнению. Человек рождается здоровым и психически гармоничным существом. Если хотите понять, что толкает его на путь садистских извращений и убийств, ищите причины в социальной системе. В ее репрессивном механизме, в присутствии ей тоталитаристском насилии.

Пока ученики оспаривали доводы учителя, массовая пропаганда высветила ошеломляющий факт — люди живут в ситуации предельного психологического напряжения. Их сознание пропитано образами страха. Стоит нажать его спусковой механизм — и поток невероятных видений, зловещих картин хлынет в массовое сознание.

Почти за год до начала второй мировой войны американский режиссер и актер Орсон Уэллс решил подготовить радиоспектакль по роману известного английского писателя-фантаста Герберта Уэллса «Война миров». Стремясь к динамичной, репортажной манере изложения, он перенес действие в США и несколько изменил его.

Спектакль — он назывался «Вторжение с Марса» — начинался с обычной хроники новостей. В числе других событий, заслуживающих внимания, промелькнуло такое: «От Марса отделился некий летательный снаряд и взял курс по направлению к

Земле». Это сообщение стало обрастать подробностями. Оказывается, астрономы уже ведут наблюдение за этим странным полетом. После краткой музыкальной паузы диктор взволнованно сообщил, что загадочный снаряд подлетел к Земле. Вот он уже на земной тверди...²

Репортаж с места происшествия ведется с нарастающим напряжением. Открывается люк, и появляются огромные существа на треножниках. Это марсиане. Один из них направляется к радиостудии. Голос репортера прерывается на полуслове, как

²Подробнее об истории «радиорозыгрыша» читайте в следующем номере статью Вл. Гакова «НЛО: порт приписки — Земля». (Прим. ред.)

если бы чудовище сдавило ему горло... В эфире — мучительная пауза.

И тут произошло непредсказуемое. Тысячи тех, кто слушал этот радиоспектакль, приняли вымысел за чистую правду и в состоянии неслышанной паники выскочили из своих квартир. Толпы людей спасались бегством от марсиан.

Паника, вызванная радиопостановкой «Вторжение с Марса», — едва ли не первый пример коллективного психоза, возникшего под влиянием коммерческой продукции «массовой культуры». Три видных американских психолога спустя несколько лет написали книгу. Их волновал вопрос, как случилось, что слушатели, находясь в трезвом уме, приняли фантастику за реальное событие? Неужели человек и в самом деле не способен отличить факт от вымысла? Исследователи пришли к выводу, что в ситуации критического напряжения люди могут легко стать жертвой пропагандистского внушения. Ведь атмосфера предвоенных лет была полна тревог, слухов, угроз. И не случайно марсианский эпизод вызвал такую панику.

Этот факт стал теперь уже хрестоматийным. Он обратил на себя внимание не только психоаналитиков. Его попытались использовать и различные пророки, мессии, специалисты по «массовой культуре». Оказывается, совсем нетрудно эксплуатировать внутреннее смутение человека, его латентные (скрытые) тревоги. Демоны, теснящиеся в подсознательном, могут быть выпущены... Надо лишь понять природу страхов современного человека и, придав им определенную направленность, уметь нажать на пусковой механизм.

Опасения моего американского коллеги Р. Гинсберга небезосновательны. Когда сегодня на зарубежных экранах идут многосерийные фантазмагории (вроде «Топика, штат Канзас... СССР») о том, как захваченные «советскими агентами» Соединенные Штаты становятся ареной неслышанных бедствий, когда тысячи зрителей становятся жертвой устрашающих мифов наподобие «Рэмбо, первая кровь, часть вторая», думается: психика людей действительно в опасности. И методика психоанализа, как мне кажется, может помочь выявить эту опасность, скрытую в коммерческой кино- и телепродукции. Психоанализ заслуживает принципиальной критики в другом — в своей попытке вывести все социальное из действия иррациональных механизмов психики.

В последнее время в формировании антивоенных, антиядерных настроений многие делают ученые — физики, медики, геофизики, показывая губительные для человечества возможные последствия современной войны. Весомо звучит здесь и голос психоаналитиков.

Видный американский философ Эрих Фромм справедливо отмечал, что если вспыхнет истребительная война, то вряд ли стоит обсуждать, какая часть населения Земли будет уничтожена — 30, 60 или 90 процентов. Не менее впечатляющими, по мнению Фромма, окажутся и психологические последствия массового разрушения и гибели многих тысяч американцев или

русских. Что явится взору тех, кто останется в живых? Выжженная земля, горы пепла и трупов. Перед пароксизмами паники, ярости и отчаяния облекут даже массовые психозы, которые в средние века вызывала «черная смерть».

Фромм полагал, что травматический эффект такой катастрофы возродил бы примитивное варварство, а архаические элементы человеческой психики, облагороженные слоем культуры, выступили бы на поверхность. Человечество знало, например, каннибализм; не вернется ли этот чудовищный обычай в условиях психологической катастрофы?

А кто может оценить меру современной психологической «запущенности» человечества? Ведь люди уже давно живут в атмосфере постоянной угрозы всеобщей гибели, рождающей враждебность, всеобщую подозрительность, бездушие, отказ от человеческих ценностей. Американский философ подчеркивал, что если европейцы и дальше будут жить в ситуации постоянного страха перед собственным истреблением, то исчезнет последний шанс на возрождение духовно-гуманистических традиций. Без них же существование европейской цивилизации утрачивает смысл.

Фромм выступил с настоятельными предложениями о взаимном разоружении. Он пытался проанализировать психологическую природу противоположных, милитаристских аргументов. Одно из расхожих соображений в США: «русским нельзя доверять». Однако Фромм предлагает говорить о доверии в другом смысле, не только в конъюнктурно политическом. Речь идет о доверии к тому, что ваши оппоненты — психически здоровые и рациональные люди. Соответствующими будут и их действия. Существуют некоторые принципы, например стремление к выживанию, которыми одинаково руководствуются все нормальные люди.

Оценивая ведущиеся в США споры о контроле над вооружением, американский философ подчеркивал, что многие бытующие опасливо-агрессивные аргументы исходят из представлений о возможном, а не вероятном. Различие между этими двумя способами мышления существенно, ведь таково же несходство между параноидным и нормальным сознанием. Параноик всегда убежден в достоверности собственного бреда. Если он уверен, например, будто жена, дети или коллеги ненавидят его и даже замышляют убить, то, пожалуй, тщетно доказывать ему, что это лишь плод его больного воображения. Параноик все равно будет цепляться за свои страхи и видения.

Такие же параноидные тенденции усматривал Фромм в современном западном политическом мышлении. Он предлагал перенести акцент с возможностей на вероятности. Таков единственно здоровый и реалистический тип поведения и способ мышления не только на уровне индивидуальной, но и национальной жизни. Как бы превосходящая современные дискуссии между советскими и американскими политиками, Фромм отмечал, что противники разоружения, как это показывают много-

летние споры, воспринимают отказ от вооружения как поражение. Между тем одностороннее разоружение или приостановка наращивания сил может оказаться следствием глубоких духовных и моральных усилий. Это скорее акт смелости и сопротивления, нежели свидетельство малодушия или трусости.

Современная психология накопила огромный эмпирический материал, позволяющий оценивать поведение людей и отклонение от нормы. Но все эти наблюдения касаются, в общем, обычных, каждодневных ситуаций. Однако война — не только тотальная катастрофа. Это грандиозный шоковый удар по психике. И здесь нужны уже иные оценки.

Впрочем, кое-что об этой «смещенной психике» мы можем сказать уже сегодня. Американский психоаналитик Р. Лифтон провел уникальное исследование. Он обратился к теперь уже историческим материалам о трагедии в Хиросиме и Нагасаки. Что представляет собой так называемый «послеатомный синдром»? При переживании катастрофы, под угрозой смерти более отчетливо выявляются такие внутренние механизмы психической жизни, особенности психологических процессов, которые в нормальных условиях как бы остаются в тени.

Как же ведет себя человек, когда он сталкивается с ситуацией беспощадной, психологически непереносимой? Какие защитные механизмы обнаруживают свое действие? Р. Лифтон выявил многие свидетельства бессознательной автоматизации поведения в условиях жуткой катастрофы. Здесь и особое состояние «зачарованности смертью», навязчивое влечение к образам гибели и разрушения, и потеря чувства собственного «я». Тут-то и выяснилось, что нарушение идентичности (то есть ясного представления о себе) приводит к распаду личности. Оставшиеся в живых испытывают побуждение отождествить себя с мертвыми, со «злым глазом» неведомой силы. Возникает даже психологический эффект «идентификации с агрессором». Подобные факты описывали и те психологи, которые обнаружили, что в нацистских лагерях некоторые заключенные подражали манерам и языку охранников, нацепляли на себя детали эсэсовской формы.

Уже в конце прошлого десятилетия многие психоаналитики стали принимать участие в антивоенных манифестациях. Они отстаивают весьма последовательные позиции. Подготовленное западногерманскими психоаналитиками обращение «Движение за мир и его разумные цели» (1982) содержит целеустремленную программу действий.

Психоанализ сегодня — это не только идейно-психологическое гечение. Это и массовое движение, привлекающее в свои ряды поборников мира.

У порога вечной зимы

Повесть

Юрий РЫТХЭУ

Хотелось думать, что это всего-навсего сон. Сон перед поздним пробуждением.

Сначала — удивительное, странное ощущение яркого света, проникшего сквозь толщу снега, камня. Свет ослепительный, заставивший среди полярной ночи засиять скалы и лед. Будто в пору, когда над юго-восточным краем горизонта обозначалась лишь укая алая лента, гаснущая через полтора часа, «полуночное зимнее солнце», как сказано в древней легенде.

Затем раздался грохот, тряхнуло под ногами. Но это не было землетрясение.

Даниэль понимал, что это взрыв...

Захныкал маленький внук.

Дочь высунула голову из-под пухового стеганого одеяла и испуганно спросила:

— Господи, что это такое?

Жена встревоженно вскрикнула:

— Наши собаки! Там наши собаки!

А Даниэлю очень хотелось проснуться. Самое страшное чаще всего случалось во сне. И всегда сладким освобождением от липкого ужаса было пробуждение, возвращение в сияющий мир... Даже во Вьетнаме больше всего мучали ночные кошмары, в которых оживали подробности карательных экспедиций в деревеньки вдоль каналов и проток обширной дельты Меконга... Но сейчас пробуждение не настало. Не было возвращения в размеренную жизнь охотника, каким

он стал с ранней весны прошлого года, когда покинул городок Ном и двинулся сюда, на землю предков.

— Ты жив, Даниэль?

Он ощутил на лице дрожащие пальцы жены и открыл глаза.

Вокруг темнота.

Обрушившаяся палатка лежала на одеялах, спальных мешках, на картонных ящиках с консервами.

— Что это может быть?

— Грохнуло на военной базе, — произнесла дочь. — Похоже, они там подорвались.

— Нет, Дженни, это бомба, — удивляясь собственному спокойствию, медленно произнес Даниэль. — Атомная бомба.

— Какой ужас! — прошептала жена.

— Не может быть! — снова подала голос Дженни. — Вода! — испуганно вскрикнула она.

Даниэль услышал журчание.

Он с трудом выкарабкался из-под рухнувшей палатки и принялся поднимать брезент.

Снег и лед таяли на глазах, превращаясь в холодную, текучую водичку.

Закрепив палатку, Даниэль перетаскил пожитки туда, где почти совсем стоял снег. Теплый воздух волнами входил в сытую каменную пещеру. И это в конце января!

— Отец, это атомная бомба? — спросила Дженни.

— Скоро узнаем, — неуверенно ответил он.

Еще со службы в армии Даниэль знал, что после взрыва остается радиоактивность, особенно сильная в первые часы.

Он осторожно глянул туда, где находилась военная база, и увидел зарево. Бросилась в глаза удивительная, почти заволаживающая картина: все сугробы, остроконечные торосы были сглажены, отполированы, словно по снежно-ледяной пустыне прошлись пламенем гигантской паяльной лампы. Струились ручейки сероватой воды. Несколько потоков слились в одну речку, с шумом бегущую к морю, где во льдах чернела промоина. Снег был мягок и податлив. Еще вчера железная пила с трудом брала сугроб, когда Даниэль соорудил ветровую стенку для собак. Он посмотрел туда, где осталась упряжка. Никакой стенки. И ни звука. Путь преграждал журчащий поток.

Да, земля изменилась. Еще вчера она безмятежно покоилась под глубокими арктическими снегами. Все переменялось

вокруг, даже очертания окрестных скал. С них сошли снег и лед. И еще было нечто, не поддающееся определению, какая-то чужеродность и странность окружающего. Только небо оставалось прежним, если не считать зарева над военной базой.

А вдруг в живых только они — бывший капрал армии Соединенных Штатов Америки, ветеран вьетнамской войны эскимос Даниэль Алова, его жена, дочь и внук... На всем огромном земном шаре, размеры которого Даниэль впервые ощутил, когда летел из Анкориджа через Японию в Сайгон. Правда, большей частью под крылом блестяла вода, бесконечный Тихий океан, но все же это было впечатляюще...

Даниэль глянул на небо. Рисунок созвездий оставался прежним, привычным. Чутким ухом он уловил скулеж: собака...

Талые комья совершенно не походили на снег. Образовалась какая-то каша, скользкая, противная. Скалы, распадки, небольшие, сбегающие к морю каменные расщелины, все как-то неуловимо изменилось, словно чуточку сдвинулось.

Там, где оставались собаки, виднелись темные пятна.

Когда Даниэль подошел ближе, он не испытал ужаса, а больше удивился тому, что увидел: собаки как бы впечатались вместе со шкурами, костями, когтями, зубами в подтаявшие лежки, заполненные серой водой.

За небольшим скальным гребнем Даниэль увидел трехмесячного щенка. Его не привязывали на ночь вместе с остальной упряжкой. Видимо, это его и спасло: каменная стенка-гребень сакранировала тепловое и световое излучение и ударную волну.

Щенок подполз, скуля, и ткнулся мордой в ноги. Даниэль поднял его на руки. Теплый комочек шевелился, попискивал, чмокал, старался устроиться поудобнее.

— Даниэль, где ты? — услышал он голос жены.

— Иду! Иду!

— Что же с нами будет?

— Уже ничего, — ответил Даниэль. — Весь мир рухнул... Понимаешь, рухнул...

— А мы? — вдруг вскрикнула Дженни. — Мы-то зачем, если мир рухнул?

Это было резонно: если все рухнуло и дымится в обломках, то на что ты сам, Дженни, Патриция, внук и даже вот этот дрожащий и скулящий щенок?

— Но мы-то целы, — рассуждал вслух Даниэль. — А значит, надо думать, как жить.

— Что ты там увидел? — спросила Патриция.

По выражению его лица она догадывалась, что увиденное им — ужасно.

— Выйти можно?

— Надо подождать: Снег почему-то тает... Кругом серые ручьи.

— Почему серые?

— Не знаю... Может, мне просто показалось.

Хотелось пить. Он взял чайник, встряхнул.

— И зачем я только поехала сюда! — вскрикнула Джени. — Лучше бы оставалась в Номе, а не здесь, в этой страшной ледяной пустыне... Воже, почему я родилась эскимоской?

— Замолчи! — закричал отец. — Не благодарная! Да на твоём месте, если бы я был верующим, именно за это благодарил бога. Думаешь, что Ном все еще стоит на берегу залива Нортон?

Даниэль перетащил на сухое место кофе, сахар, банки с сухим и стуженным молоком, немного сушеных фруктов, спички, коробки с медикаментами, концентрированные витаминные пасты в тюбиках. Туда же он сложил коробки с патронами, рыболовные снасти и ставшую ненужной запасную упряжь для собак.

Джени принялась помогать матери готовить завтрак. Она подняла канистру с остатками воды.

— Можно пить?

Даниэль помедлил:

— Думаю, можно. Ведь мы ее натаили вчера, еще до взрыва.

Патриция растелила кусок прозрачного пластика, положила толстые галеты, намазанные маргарином и политые кленовым сиропом. Обычный их завтрак. В кружку внука Патриция долила молока из банки.

Даниэль, обжигаясь, делал глоток за глотком и пытался разобраться в самом себе, в своих ощущениях, с каким-то затаенным стыдом обнаруживая, что к нему приходили странные и удивительные мысли. Слово кто-то внедрил их в его мозг. О таких возможностях Даниэль читал в брошюрах «Сайенс дайджест», которые они во множестве получали в армии. Что, если сейчас двинуться в опустошенные, обезлюдившие города, где остались без хозяев и присмотра магазины, склады? Можно поселиться в любом уцелевшем доме, даже в Белом, если он вообще сохранился... Да нет, скорее всего, превратился в прах и пыль со всеми его обитателями... Правда, для проживающих в этом доме предусмотрены самые надежные меры в случае ядерного нападения. Специальные убежища, целый подземный город под толщей бетона, воды, металлических и полимерных экранов. Уж о себе-то они позаботились.

— Дед, а мы сегодня пойдем на охоту? — спросил малыш.

— Сегодня, может быть, и не придется.

— Пурга? — продолжал мальчик.

— Кое-что похуже пурги.

— Я хочу это посмотреть! — оживился и заулыбался внук. — Пургу я знаю, а это кое-что похуже-пурги еще нет!

— Ты лучше поиграй в пещере, — ласково сказал Даниэль и погладил внука по мягким, шелковистым волосам.

Кто же твой отец, бедный мальчик? Джени не назвала даже его имени.

— Как же мы узнаем о случившемся? — с упреком сказала Джени.

Она так и не могла понять, почему отец решительно отказался взять сюда радиоприемник.

А он просто не хотел услышать в эфире

весть о розыске Даниэля Алова, бывшего капрала, бывшего рабочего Аляскинского нефтепровода. И хотя суд оправдал его, страх остался и долго преследовал всюду.

Часто, до мельчайших подробностей вспоминал он тот злополучный вечер, ссору в баре, сверкающий в лучах солнца нефтепровод, тянувшийся над тундрой подобно сказочному змею из старинных эскимосских сказок.

Драка была обычной, ибо каждый вечер так заканчивались попойки в крохотном баре, неподалеку от Фербенкса.

Сначала он сидел поодаль и уговаривал себя не вмешиваться. За соседним столиком двое белых «завоудили» Джона Апанука, эскимоса с острова Святого Лаврентия. Апанук уже много выпил, но не отяжелел, а, наоборот, все больше и больше оживлялся. Он угощал этих белых, рассказывал о красоте своей невесты, а они с ухмылками выпрашивали подробности.

«Пора уходить, пора уходить...» — твердил себе Даниэль. Но что-то удерживало его, заставляло слушать пьяный бред, который, похоже, отдавался и в его сердце.

В какой-то момент за соседним столиком стало тихо, а потом полетели стаканы, бутылки... И тогда Даниэль бросился в гущу дерущихся.

Только на суде он узнал, что ранеными оказались все участники драки, Апанук же — смертельно. Он не дожидаясь суда, и Даниэль видел, как его увозили в цинковом гробу. Сколько их он рассмотрел во Вьетнаме...

Кстати, именно его служба там повлияла на исход суда. Так, во всяком случае, объяснил адвокат Барри Джексона, нанятый Ассоциацией эскимосского братства.

Двое белых тоже были оправданы.

...Возвратившись из Вьетнама, Даниэль прилетел в Ном, где его встречали жена и дочь.

Щитовой домик стоял в дальнем конце городка, там, где поселилась община выходцев с Кинг-айленда. Чтобы в единственной комнате сохранять тепло, приходилось прибавлять пламя в мазутной печурке.

Мысль об уходе из этого равнодушного, жестокого мира, в котором Даниэль так и не нашел себе места, появилась у него довольно давно, еще там, в сырых темных джунглях, где вождь денного тепла, о котором так мечтает арктический человек, более чем достаточно.

Жизнь, если посмотреть на нее попристальнее, ничего хорошего не дала. Все какие-то несбывшиеся, оборванные мечты, планы и бесконечная погоня за деньгами.

Это началось еще в Уэльсе, крохотном селении на самом берегу Бернигова пролива. Домики лепились на крутизне, и, чтобы дойти до школы в ветреный день, надо было буквально ползти: внизу торчали острые скалы и ледяные обломки. Цветной экран телевизора открывал чудо иной жизни, сытой, сверкающей, полной быстрых, бесшумно мчащихся

машин, просторных жилищ, набитых всяческой техникой и удобствами. Вода в этих домах лилась в изобилии из всех кранов, не надо было в ее поисках забираться на крутые скалы и вырубать топориком замерзшие глыбы. Тепло исходило прямо из стен, а щедрое солнце так нагревало море, что человек мог там купаться, как морж... А какие люди! Улыбки не сходили с их загорелых, пышущих здоровьем лиц. Как они были не похожи на усталое, испещренное морщинами, обмороженное лицо арктического охотника. Учитель утверждал, да и самому было ясно, что пробыть в этот замечательный мир можно только, овладев грамотой, чудесами техники... И Даниэль старался. Впрочем, учение ему нравилось. В числе лучших его послали в Ном, где он закончил среднюю школу... Но дальше дороги не было. Пришлось вернуться в Уэльс и заниматься отцовским делом, которое он втайне ненавидел и презирал, — ходить на охоту, ставить капканы.

Его землячка и соседка Патриция Семунгетик закончила школу в Номе годом позже и тоже вернулась под отчий кров. Они поженились. Скоро родилась Джени. С малых лет она отличалась необыкновенными способностями: сама научилась читать, хорошо пела, танцевала, в школе неизменно вызывала восхищение учителей. В школах, принадлежавших Бюро по делам индейцев, не жаловали местный язык: преподавание шло на английском и случалось, что детей, ненароком заговоривших в стенах школы по-эскимоски, наказывали, лишали горячего завтрака. Как и многие эскимосские детишки, Джени по-английски говорила лучше, чем на родном языке. Даниэль надеялся, что уж она-то будет жить в том замечательном мире...

...Два года во Вьетнаме показались ему вечностью. Когда он, ступив на землю Аляски в Аикоридже, увидел в здании аэропорта земляка, распростертого в пьяном забытии на жестком диване, капрал понял, что вернулся в родную стихию. Ему казалось, что он достаточно послужил стране и заработал право на хорошую работу. Тем более, незадолго до его возвращения, сенат штата принял специальный закон об охране рабочих мест для коренного населения. Однако прилично оплачиваемые должности требовали специальной подготовки и потому были ему недоступны. Пришлось согласиться на место помощника учителя. Только название — помощник учителя. На самом деле Даниэль исполнял всю грязную работу от уборки школьного помещения до стирки белья. Попробовал завести собственное дело. На сбереженные во Вьетнаме деньги Даниэль приобрел самоходную баржу. Но первый же лед оставил от ее бортов лишь щепки. Даниэль подался в Фербенкс, в университет. Здесь он начитывал на магнитофон слышанные в детстве старинные сказки и легенды, впервые увидел книги на родном языке, изданные в России.

В Фербенксе Даниэль жил в студен-

ческом общении, чувствуя себя среди молодежи чужим, старым и порой смешным. По вечерам пил в одиночку или же выкуривал одну-две закрутки зеленой травки, вспоминая пережитое во Вьетнаме.

Даниэль особенно не задумывался о причинах войны, главным было выжить и вернуться домой. Раз сержант с усмешкой заметил Даниэлю, что в суматохе боя его очень просто могут принять за вьетнамца и подстрелить.

Потом, в Номе, воспоминания о Вьетнаме стали частью его жизни. А когда во

ной для продвижения по каналам и протокам дельты лодке с подвесным мотором мимо плотной зеленой стены удивительного леса, похожего на одно гигантское дерево, разросшееся на всю дельту Меконга.

После нескольких лет скитаний по городам Аляски, не найдя себе ни постоянного места, ни твердого заработка, Даниэль Алова устроился на аляскинском нефтепроводе. Но и тут его постигла неудача...

Адвокат Барри Джексон на прощание сказал, что Даниэль вел себя мудро.

Даниэль решил последовать совету Барри Джексона. На двух нартах он поехал сначала на мыс Принца Уэльского, а уж оттуда дальше на северо-восток, следуя береговой линии полуострова, пока не достиг пещеры, древних охотничьих угодий своих предков.

Светало. День скорее походил на сумерки в осеннее ненастье. Для этих широт тем не менее настоящий день. Вполне достаточно света, чтобы на льду увидеть тюленя или различить удаляющегося белого медведя.

всей Америке прошли демонстрации против этой войны, Даниэль с удивлением читал лозунги. Вот, оказывается, в чем дело! А он-то искренне верил, что борется за свободу, воюет с коммунизмом, отстаивает нетленные ценности западной цивилизации, веру в бога, святость собственности... Всей этой чепухи он наслушался достаточно от заезжих проповедников... Вьетнамские картины с особенной силой оживали в наркотических грезах, видимо, еще и оттого, что зелье он впервые попробовал именно там. Впоследствии ему достаточно было ощутить знакомый запах, чтобы его мысленному взору представились затянутые сизым дымом бамбуковые хижинки, люди в просторных серых штанах, торопливо бегущие к лесу. Никогда не покидало его ощущение постоянной напряженной опасности, особенно когда приходилось плыть на узкой, длинной, приспособлен-

отказавшись свидетельствовать против двух белых.

— Послушай, мой тебе совет: мотай отсюда подальше! От кабаков, от работы. Она все равно тебе ничего не даст, кроме вшивых денег, которых только и хватает, чтобы вволю пить. Дело кончится тем, что или тебя убьют, или сам кого-нибудь отправишь на тот свет... Лучше всего, если вернешься в свое селение и будешь заниматься делом предков — охотиться, ловить рыбу, а на кофе и галеты всегда заработаешь тем, что будешь вырезать костяных божков на продажу туристам. Будь я эскимосом, я сделал бы вот что: плюнул на этот сумасшедший мир и уединился на каком-нибудь острове... Разве ты не видишь, что все катится к чертям? Когда начнется атомная заваруха, выиграют только те, кто живет у черта на куличках, в пустынях Арктики или где-нибудь в самом центре Австралии.

Рисунок Д. Крымова.

Дженни едва сдерживала себя, чтобы не разрыдаться. Она прислушивалась к журчанию за стенами пещеры, ощущала так неожиданно, искусственно потеплевший воздух. Звуки весения, а весны нет. И тут только до нее дошло: это тепло смерти, излучение, пожирающее жизнь!

— Так что же будем делать? — со стоном спросила она.

— Ждать, — твердо ответил Даниэль. — Главное сейчас — не торопиться, отсидеться. Радиация особенно опасна в первые минуты и часы после взрыва. Потом она идет на убыль. Но осталось ли что-нибудь от остального мира? Может, уже нет и великих держав?

Дженни слушала отца, и противоречивые чувства боролись в ее смятенной душе. Ненависть сменялась странным, смешанным ощущением жалости и благо-

дарности. Выходило и впрямь так: если бы отцу не пришла в голову сумасбродная мысль убеждать от цивилизации в эту ледяную пустыню, все они разделили бы участь испепеленного человечества...

— Как плохо, что нет радио! — снова простонала она.

Теперь Даниэль был согласен с нею.

Разговоры о грозящих ядерных и звездных войнах, о будущем нападении русских Дженни всегда воспринимала как нечто не имеющее отношения к ее собственной жизни. Обычно, если не в ее силах было переменить тему, она просто уходила. К себе или в другую компанию, где было куда веселее и ни о чем серьезном не надо было думать.

Поначалу, когда она очутилась в Фербенксе, в университетском кампусе, живописно раскинувшимся на поросших соснами холмах, ей показалось, что именно отсюда начнется ее путь в сверкающее будущее, которого не достиг отец, несмотря на то, что буквально лез из кожи и даже ради этого воевал во Вьетнаме. Да, здесь надо было учиться, чтобы сравняться с белыми студентами, имевшими куда лучшую подготовку, нежели такие, как Дженни, выпускники школ, опекаемых Бюро по делам индейцев. Но ведь кроме учебных часов оставались еще вечера, которые можно было проводить в многочисленных студенческих компаниях, в барах и, на худой конец, в «Савое», облюбованном эскимосами и индейцами, по разным причинам оказавшимися в городе. Правда, когда окончилось строительство нефтепровода, публички, способной без оглядки швыряться большими деньгами, заметно поубавилось, зато появились военнослужащие с базы Элмендорф.

Это были славные ребята. Дженни любила проводить с ними время, выдавая себя за полноправную студентку Аляскинского университета, хотя училась всего-навсего на подготовительных курсах. Обычно военные удивлялись: эскимоска, а держит себя как настоящая леди!

Дженни прекрасно понимала, что надо выбирать что-то одно: или учение или вот такое времяпрепровождение... Первое обещало не бог весть что, но все же определенное будущее — получить диплом, вернуться в родное селение. Вряд ли ее назначат учительницей в школе, но можно стать помощницей учителя, как и отец. Как отец... И Дженни понемногу охладела к занятиям. После бурно и весело проведенной ночи не хотелось рано вставать и шагать по морозному воздуху в учебный корпус, чтобы слушать скучные лекции.

На свои первые рождественские каникулы Дженни полетела рейсовым самолетом. В соседнем кресле оказался молодой человек. Он представился: Кристофер Роблес, новый корреспондент радиостанции КНОМ.

Он сразу же понравился Дженни. Высокого роста, рыжий, с густой, спутанной бородой.

Его радиостанция считалась рупором

местного религиозного общества. Она вела передачи на советский берег Берингова пролива и всячески расписывала жизнь эскимосской общины на Аляске. Из-за откровенного вранья местные жители не очень жаловали КНОМ, называя ее — божья ложь. Разумеется, это произносилось только на эскимосском языке. Из-за этого он понимал только переводчик Библии Джон Гарвей, но он, видимо, был согласен с таким определением и не доводил до ушей пастырей значение эскимосского выражения.

— Я собираюсь прожить несколько лет в Номе, — тогда, в самолете, сказал Кристофер. — Буду изучать эскимосский язык, вести передачи по культурным проблемам.

Дженни рассказала о себе, о семье.

Время от времени Кристофер доставал блокнот, делал какие-то пометки.

Он не скрывал этой заинтересованности. Дженни почти что привыкла к этому. Интерес к эскимосам заметно повысился после того, как президент подписал закон о земельных правах аборигенов Аляски. Местным жителям самого северного штата выплачивалась довольно значительная компенсация за отчуждение земель для нефтяных и газовых разработок. Число эскимосов на Аляске значительно выросло. Пришлось следом принимать другой закон — о принципах определения принадлежности к эскимосскому племени. По нему полноправным аборигеном считался человек, который мог документально доказать наличие у себя четверти эскимосской крови. Суды и адвокатские конторы неожиданно оказались заваленными просьбами людей о признании их эскимосами. Порой случались курьезные вещи; кто-нибудь с явно выраженными негритянскими чертами оказывался большим эскимосом, нежели менее удачливый соискатель, внешне несомненный эскимос, но тем не менее не доказавший наличия у себя необходимого процента. В иных газетах эскимосов стали называть «арктическими арабами», намекая на то, что они якобы получат долю доходов нефтяных компаний. На деле ничего подобного не произошло. Никаких дивидендов коренные жители Аляски не получили, а средства, выделенные правительством за продажу земель нефтяным компаниям, распределили между общинами, чтобы таким путем решить давно наболевшие вопросы обеспечения местного населения работой, сносным жильем, медицинским обслуживанием.

Самолет заходил на посадку. Просторный залив Нортон был скован льдом. Редкие торосы блестели в лучах низкого солнца. Большая тень от мчащегося лайнера прыгала по береговому нагромождениям битого льда.

Отец приехал встречать на пикапчике, взятом у соседа. Кристофера тотчас окружили его будущие сослуживцы. Он, оглядевшись, увидел уходящую Дженни и успел крикнуть ей:

— Ищите меня на радиостанции!

— Кто это? — угрюмо спросил отец,

бросив в кузов чемодан дочери и усевшись за руль.

Дженни сказала.

— Здесь есть одна молодая женщина, — хмуро заговорил после некоторого молчания Даниэль. — Она была замужем за парнем из Бостона. Поначалу у них все шло как надо. Они даже освятили свой брак в церкви. Ричард, так его звали, открыл здесь дело — плотницкую и столярную мастерскую. Странно, ведь сам был из состоятельной семьи, его отец в свое время был даже сенатором... Родился у них сын-ишана... Ну, а потом папаша Ричарда умер, кое-что оставив. Наш плотник быстро собрался и уехал...

— А жена?

— А жена до сих пор живет здесь. Получает пособие на сына. Развелись... С тех пор как на Севере появился белый человек, он не упускает случая обзавестись временной женой. Но еще не было случая, слышишь, дочка, еще не было случая, чтобы белый человек увез отсюда жену в южные штаты...

Машина катила по слабо освещенным улицам городка. Мелькнули огни самой большой — пресвитерианской церкви. Напротив, в витрине, переливались огни бара «Белый медведь».

Въехали в узкую улицу, по сторонам которой стояли одноэтажные, выкрашенные в темно-коричневую краску щитовые дома. Они принадлежали выходцам с Кинг-айленда и были куда комфортабельнее той хижины, в которой обитал Даниэль Алова.

Сердце сжалось у Дженни, когда она увидела покосившееся крылечко, оконце, покрытое заморозью, огромный сугроб до крыши. Когда пришло время спать, родители уступили ей кровать, а сами устроились на полу, в спальных мешках.

Дженни долго не могла уснуть, размышляя о том, как все же несправедлив бог, для которого в Номе построили целых семь церквей и молельных домов. Одним он дал безбедную, красивую жизнь, а другим лишь эту лачугу...

На следующее утро отец с матерью отправились ловить крабов, а Дженни, одевшись потеплее, пошла пройтись по городку. Низкое зимнее солнце светило ярко, но не слепило. Лучи скользили по наметенным сугробам, по заснеженным крышам, отражались от окон.

Дженни прошла по главной улице Номы, мимо особняка мэра, редакций обеих газет, пресвитерианской церкви, молельного дома адвентистов седьмого дня, англиканской церкви, католической, юнайтед-черч и пестро разукрашенного, словно игрушечного домика, в котором размещалась миссия какой-то новой веры — бахай.

Возле торгового центра было оживленно. Дженни вошла в здание и тут же увидела в отделе хозяйственных мелочей своего вчерашнего знакомого Кристофера Роблеса.

— Доброе утро, Дженни! — обрадованно воскликнул он. — Очень рад вас видеть!

— Мне тоже приятно вас видеть, — с

улыбкой ответила Дженни, почувствовав с новой, неожиданной силой, как действительно ей приятен этот рыжеволосый гигант с большими, детскими голубыми глазами.

— Требуется ваша помощь, — сказал Кристофер. — Меня поселили в очень милой квартирке, но утром я обнаружил, что в ней не хватает многих совершенно необходимых вещей... Я тут еще никого не знаю, кроме вас...

— Но я, — нерешительно произнесла Дженни, — не видела вашего нового жилища и не могу сказать, что вам нужно...

— Так мой дом рядом! — воскликнул Кристофер. — Пойдемте, я вам покажу. Ведь вы адепты житейщины и ваша помощь для меня просто бесценна.

Продавщицы смотрели на Дженни с нескрываемой неприязнью.

Кристофер оставил наполовину заполненную тележку и подхватил под руку Дженни.

Квартира помещалась на втором этаже деревянного домика. Она состояла из одной спальни, к которой примыкала кухня-столовая, оборудованная плитой, большим холодильником и моечной машиной. Отопление электрическое, это Дженни сразу определила по отсутствию специфического запаха, издаваемого мазутной печкой. Дженни знала, что в Номе есть такие комфортабельные дома, но ей еще не случалось бывать в них. Она покрутила краны: вода лилась обильно, щедро, горячая и холодная...

Дженни невольно подумалось: «Видел бы он родительское жилище...»

Кристофер поставил чашки с кофе на низкий столик, придвинул удобное кресло.

Молодой человек откровенно оценивающе рассматривал девушку. Дженни смущаясь, отводила глаза.

— Надеюсь, мы станем настоящими друзьями, — интимным тоном произнес Кристофер. — Завтра вечером я устраиваю вечеринку по случаю своего вступления в должность и новоселья. Надеюсь на ваше присутствие...

...Даже сейчас Дженни могла поклясться в том, что это была настоящая, бурная, всепожирающая любовь. Она вспыхнула сразу же, как только они остались одни после той вечеринки-новоселья в квартирке, среди неубранной посуды, в сигаретном и марихуанном дыму.

Лишь на рассвете Дженни открыла дверь в свой дом. Родители не сказали ей ни слова упрека, но, по коже, не сомкнули глаз.

— В следующий раз, если где-нибудь задержусь, — виновато произнесла Дженни, — не волнуйтесь...

Однако ей больше не пришлось задерживаться до утра.

Кристофер несколько опомнился после той, первой их ночи и стал осторожнее. Во всяком случае, он отнюдь не демонстрировал на людях их отношения. Конечно, это была любовь, но любовь унизительная, рабская... Кристофер лишь изредка

приглашал ее к себе, и долгие вечера Дженни проводила в одиночестве.

Как-то Дженни возвращалась домой из бара по улице, тихой в этот вечерний час. Яркие светила звезды. С залива Нортон тянуло свежестью. В тишине раздавались воюгласы, собачий лай, музыка.

Ноги сами привели Дженни к домику, в котором жил Кристофер. Окна его квартиры ярко светились, в них мелькали тени.

Сердце забилось сильнее. Дженни медленно поднялась по крутой, свисающей от холода деревянной лестнице. Без стука распахнула дверь. Первое, что почувствовала — тепло.

Кристофер удивленно уставился на нее, но потом улыбнулся:

— Вот не ожидал! Заходи, заходи! Ты хорошо сделала, что пришла... Понимаешь, сегодня мы провожаем Джима...

Джим Энглволл был достопримечательностью Номы. Когда он приехал сюда, островитяне с жалостью спрашивали:

— Где же ты будешь, бедняга, жить, если ты даже чернее нас?

Однако Джим занял учительскую квартиру и начал учить эскимосских детишек грамоте и счету. Все полюбили веселого негра и не хотели расставаться с ним, когда ему пришло время уезжать.

— Здравствуйте, Дженни, — ласково поздоровался Джим. Он расположился на мягком диване, держа стакан. — Садитесь рядом... Хорошо, что вы пришли. А то можно подумать, что в Номе вообще нет эскимосов.

Да, Дженни тоже заметила, что Кристофер никогда не приглашал к себе эскимосов, хотя среди его коллег их было немало.

— Как только получите диплом, — продолжал Джим, — проситесь в самую отдаленную школу. Только там почувствуете себя человеком.

— А почему вы сами уезжаете отсюда?

— Сложно объяснить, — помедлил Джим. — Ну, конечно, климат. Другая, быть может главная, причина — я не нашел, что искал.

— Что же?

— Понимаете, Дженни, я думал, что в эскимосском селении, на краю обитаемого мира, забуду о цвете моей кожи... Но этого не случилось. Наоборот, здесь не пропускали случая напомнить мне, что я негр, что я даже темнее, чем они.

— Ну и что? — пожала плечами девушка. — Не понимаю, что тут такого...

— Может быть, я объясню не совсем понятно, — грустно продолжал Джим. — Расовое сознание так глубоко проникло в человеческую суть, что оно существует везде, и среди эскимосов.

Вечеринка тем не менее проходила весело. Все были милы и предупредительны с Дженни, интересовались, когда ей возвращаться в Фербенкс.

Расходились не очень поздно, так как Джиму предстояло вылетать ранним рейсом. Дженни собралась было вместе со всеми, но Кристофер попросил ее остаться.

Проводив последнего гостя, Кристофер произнес:

— Мне надо поговорить с тобой. Что-то в его голосе насторожило Дженни. Она медленно присела, зачем-то поправила прическу.

— Послушай, Дженни, — чужим голосом заговорил Кристофер. — Воспитанные девушки никогда не являются к мужчинам без приглашения. Ты должна об этом знать... То, что ты сделала сегодня, честно говоря, меня рассердило. Надеюсь, это больше не повторится?

Каждое слово точно вонзилось в сердце. Кровь прилила к голове. Чтобы удержаться на ногах, она схватилась за край блестящей мойки.

Она медленно, тщательно оделась. Кристофер чмокнул ее на прощание в щеку:

— Я тебе сам дам знать, когда можно прийти.

Один за другим гасли огни в домах. Слезы мешали видеть дорогу. Боже, неужели ей суждено всю жизнь терпеть обиды и унижения только потому, что она родилась эскимоской? А ведь впереди вся жизнь, долгий путь страданий.

Утром Дженни объявила родителям, что возвращается в Фербенкс. Придумала какую-то неубедительную причину. Они не стали возражать. Проводили ее, долго стояли возле приземистого одноэтажного здания аэровокзала, глядя вслед выходящему на взлетную дорожку самолету.

Снова появилась она в доме родителей в Номе уже с сыном на руках. Кристоферу ни о чем не сказала, не искала встреч с ним. Впрочем, он вскоре отбыл отсюда в Сиэтл.

Время от времени, в поисках лучшей жизни, Дженни уезжала от родителей, оставляя малыша на их попечение. Они любили внука, баловали его.

Дженни не особенно возражала, когда отец сказал ей о намерении покинуть цивилизованный мир, в котором для них не оказалось места, и вернуться в мир истинной жизни, расположенный всего лишь в нескольких сотнях миль от Номы, на арктическом побережье моря Вофорта.

— Я помню и знаю все, чему учили мой отец и дед, — произнес Даниэль. — Я умею выслеживать, добывать нерпу, моржа, а если появится на горизонте дикий олень, и его подстрелю без труда.

Три дня Даниэль не позволял выходить из пещеры.

— Надоело сидеть в этой сырости! — стонала Дженни, с отвращением обглаживая нерпичьи ребрышки. — Хуже, чем в тюрьме.

— Что такое тюрьма? — с любопытством спросил малыш. Ему нравилась нерпичья грудинка, и он ел с удовольствием.

— Тюрьма — такое место, куда помещают нехороших людей, — пояснила Патриция. — Это плохое место...

— А зачем надо туда помещать нехороших людей? — продолжал допытываться ребенок.

— Чтобы там они стали лучше, — терпеливо объяснила Патриция.

— А разве в плохом месте плохой человек станет лучше? Лучше поместить его в хорошее место, и он сразу станет лучше! Время тянулось мучительно медленно.

— По-моему, холодает, — на исходе третьего дня неуверенно заметил Даниэль. — Ручейки снова замерзают.

— Ну, а мы что будем делать?

— Надо собираться. Двинемся в путь.

— Куда? — повернула голову Патриция.

— На юг, — неопределенно ответил муж. — Наше единственное спасение. Знаю только одно — здесь мы не можем оставаться.

— Но у нас нет собак.

— Придется тащить на себе. Спешить некуда. Похоже, нас никто на юге не ждет.

— Будто раньше кто-то ждал, — проворчала Дженни.

— Думаю, дорога вдоль нефтепровода сохранилась. Главное, добраться, а там видно будет. Может, поспасишься, раздобудем какую-нибудь машину...

Патриция снова посмотрела на него. Сколько они вместе, всю жизнь Даниэль надеется на чудо, на удачу, на какое-то счастливое стечение обстоятельств. Но она никогда не напоминала мужу о несбывшихся надеждах.

...Мороз сковал серые потоки. Умолкло аловещее журчание, прекратилась капель в пещере.

Даниэль соорудил из картонных упаковочных ящиков какое-то подобие шалаша для внука, положил спальные мешки и одеяла.

Две нарты стояли с увязанной поклажей. В одну из них собирались впрячься Дженни с Патрицией, а ту, на которой стоял шалашик, предстояло везти Даниэлю.

Нарты были неплохие, дюралевые,

предназначавшиеся в качестве прицепов для снегоходов.

На южной стороне горизонта заалело: всходило солнце. Даниэль с каким-то странным чувством подумал: «А солнце осталось!»

— Я что-то слышу, — вдруг насторожилась Дженни и сняла с головы вязаную шерстяную шапочку.

— Что ты можешь слышать? — недоверчиво протянул Даниэль, ощущая, как у него в душе нарастает тревога.

Но все же сдернул меховую шапку и тоже прислушался.

Вслушалась и Патриция.

— Я тоже что-то различаю...

— Похоже на вертолет, — проговорила Дженни. — Послушай хорошенько, отец.

Откуда здесь может появиться вертолет? Может быть, русские? Он посмотрел на запад.

И тут услышал голос внука:

— Что-то к нам летит, дед...

Теперь и Даниэль уловил далекий гул, скорез похожий на жужжание. Но оно было устойчиво, становилось все громче. На краю разгорающейся утренней зари возникла крохотная черная точка. Он вспомнил рассветы в Южном Вьетнаме, базу Плейку, ревущие машины над самыми джунглями...

— Похоже, вертолет, — произнес Даниэль, вдруг почувствовав слабость в ногах.

— Кто же это?

— Увидим, — внезапно охрипшим голосом ответил он, следя за быстро увеличивающейся в размерах точкой.

Через минуту вертолет низко прошел над двумя нартами и приземлился неподалеку.

Даниэль побежал к машине. Лопастей еще крутились, и он остановился поодаль.

Откинулась дверца, на серый снег

выпрыгнул военный. За ним еще трое.

— Кто вы такие? — крикнули издали.

Даниэль назвал себя.

Один из прибывших с каким-то небольшим аппаратом приблизился к Даниэлю. Тот понял, что это счетчик Гейгера.

— Все в порядке! — выкрикнул он.

— Что случилось? Война? Ядерный удар?

— Не война... Авария... Быстро в вертолет!

— Но я все же хотел бы знать, что случилось, — настаивал Даниэль. — Мы здесь живем...

— Здесь больше нельзя оставаться. На военной базе авария. Взорвался небольшой ядерный заряд...

«Вот оно что!» — Даниэль как-то беспомощно оглянулся на женщин, в нерешительности топчущихся возле нарты.

— Имущество можете взять с собой, — разрешил военный.

Через несколько минут все разместились в вертолете, втащив и нагруженные нарты.

Военные заняли свои места, послышалась короткая команда. Вревел мотор, лопасти со свистом рассекали воздух.

Даниэль приник к иллюминатору.

На самой базе ничего нельзя было разглядеть: там зияла черная дыра. А вокруг открывалась картина страшная, неправдоподобная. Ему уже приходило на ум это сравнение — словно прошлись пламенем гигантской паяльной лампы... Все выжжено, растоплено, а потом сковано арктическим холодом. Хотя взорвался всего-навсего небольшой ядерный заряд... А если бы большой?

Вертолет летел на юг, навстречу разгорающемуся дню, и, как в те далекие дни на базе в Плейку, Даниэль спрашивал себя: «Какой же смысл? Какой во всем этом смысл?»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Антонова О. А. КАТОЛИЦИЗМ И ИСКУССТВО: XX ВЕК. М., «Мысль», 1985, 175 с., 30 000 экз., 75 к.

Раскрывается социальный и идеологический смысл теологических спекуляций на эмоциональной действительности искусства. Показывается процесс углубления кризисных явлений в литургической практике, неразрывно связанный с кризисом буржуазной культуры в целом. Анализ проводится преимущественно на материале музыкального искусства, где спекуляции церкви на эстетическом чувстве наиболее тонки и изощренны.

Великович Л. И. КРИТИКА КЛЕРИКАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ВОЙНЫ И МИРА. М., «Знание» (сер. «Научный атеизм», № 2), 1986, 64 с., 48 960 экз., 11 к.

В брошюре критически анализируются клерикальные концепции войны и мира, раскрываются сущность и особенности религиозного пацифизма и попытки использования его реакционными силами в антикоммунистических целях. На большом фактическом материале автор показывает роль религиозных организаций в антивоенном движении современности, значение сотрудничества верующих и неверующих в борьбе за сохранение мира на Земле.

Быску Ф. А. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ. Кишинев, «Штиинца», 1985, 115 с., 2210 экз., 1 р.

Еременко В. П. МИСТИКА В ПРАВОСЛАВИИ. Киев, «Внща школа», 1986, 81 с., 10 000 экз., 10 к.

Зимак З. О. ФОРМИРОВАНИЕ АТЕИСТИЧЕСКОЙ УБЕЖДЕННОСТИ ШКОЛЬНИКОВ. Минск, «Нар. асвета», 1985, 112 с., 14 000 экз., 15 к.

Ипатов А. Н. ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА. М., «Сов. Россия», 1985, 128 с., 30 000 экз., 20 к.

Ковнацкий Е. П. ИУДАИЗМ И СИОНИЗМ. Грозный, Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1985, 64 с., 2000 экз., 10 к.

Койта К. К. РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ О КАТОЛИЦИЗМЕ. Минск, «Беларусь», 1985, 127 с., 9000 экз., 30 к.

Лубский В. И. КРИТИКА РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ВОЙНЫ И МИРА. Киев, «Внща шк.», 1985, 78 с., 6500 экз., 10 к.

Матяс Д. М. РЕЛИГИЯ И АТЕИЗМ О НРАВСТВЕННОМ ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА. Минск, «Беларусь», 1985, 95 с., 9000 экз., 15 к.

Митрохин Л. Н. РЕЛИГИИ «НОВОГО ВЕКА». М., «Сов. Россия», 1985, 157 с., 50 000 экз., 35 к.

Статьи в журналах и сборниках, разделы в книгах

Емельянов Л. К. В основе — программа по литературе. Атеистическое воспитание учащихся 4-го класса. «Русский язык и литература в средних учебных заведениях Украинской ССР», 1985, № 8, с. 42—46.

Мигович И. Подпевалы империалистов: унитатско-оуновские провокаторы новой войны. «Радуга», Киев, 1985, № 6, с. 110—127.

Музеи научного атеизма. «Агитатор», 1986, № 4, с. 56—57.

Степанов П. Религия, атеизм и современная идеологическая борьба. «Кубань», Краснодар, 1985, № 2, с. 82—88.

Сдано в набор 19.03.86.

Подписано к печати 30.04.86.

А 08879.

60×90/16.

Глубокая печать.

8 усл. печ. л.

9,75 кр. отт.

12,45 уч.-изд. л.

Тираж 358 000 экз.

Зак. 01448

Ордена Ленина

комбинат печати

издательства

«Радянська Україна».

252047, Киев-47,

проспект Победы, 50.

Текст набран

с применением

отечественного

фотоаппаратного

комплекса «Каскад»

multimedia

ПОД СЕНЬЮ ДРЕВА МУДРОСТИ

Вадим РОЗОВ

Храм Махабодхи в Бодх-Гая (западный фасад).

Статуя Будды в храме Махабодхи.

■ Существует народное индийское поверье, что в ветвях липпалы обитают божества, уничтожающие зло и благоприятствующие духовному прозрению. Видимо, поэтому буддийская традиция и усадила принца Сидхартху под развесистую крону липпалы, дабы сумел он постичь наконец суть бытия и пути к преодолению страданий человеческих. Предание гласит, что на 49-ю ночь этот отшельник из рода шакьев (Шакьямуни) после глубокающих размышлений и борьбы с Марой, богом смерти, обрел высшее знание и стал Буддой — Просветленным. В память об этом легендарном событии, происшедшем неподалеку от местечка Гая (ныне — Бодх-Гая в штате Бихар), жена царя Индрагнимитры из Магадхи возвела храм (I в. до н. э.) рядом с «исторической» липпалой, известной как Бодхидрума — Древо Мудрости. Главные, восточные, ворота — две резные гранитные колонны и горизонтально лежащая на них балка — ведут к этому пирамидальному храму Великой Мудрос-

ти (Махабодхи), устремленному ввысь более чем на 50 метров. По углам храмового цоколя стоят башенки, пристроенные в конце XIX века, повторяющие облик центральной четырехугольной пирамиды, основание которой 14 на 15 метров. В отличие от других культовых сооружений Северной Индии храм Махабодхи, не считая его наверх, имеет только прямые линии контуры, что позволяет говорить об уникальности этого архитектурного памятника. Его глухие стены украшены рядами ниш со скульптурами сидящего или стоящего Будды. В святилище находится его золоченая статуя — правая рука опущена у правого колена и касается земли, которую сидящий мудрец как бы призывает в свидетели своего духовного озарения. По ступенькам с обеих сторон святилища можно подняться на второй этаж, где установлено изображение матери Сидхартхи — Маи Девы.

Ранний буддизм не знал изображения Будды и его окружения. Буддийская иконография зародилась лишь

на рубеже старой и новой эры, то есть через пять столетий после того, как возникло философско-религиозное учение, положенное в основу буддизма. Канонические образы Шакьямуни, по мнению ряда исследователей, создавались под влиянием проникших в Северную Индию образцов греко-римской скульптуры и по мере распространения махаяны — учения «большой колесницы». Приверженцы этой ветви буддизма, радуя в частности за сооружение изображения Будды и их почитание, крайне мистифицировали его учение.

Круглый год стекаются в Бодх-Гая паломники. Особенно много их в месяце Вайсакха (апрель-май), когда верующие, в том числе индусы, празднуют одновременно рождение, просветление и нирвану Будды, которых считает девятым воплощением индуистского бога Вишну. Странствующие монахи во исполнение своих обетов построили в храмовом дворе несколько небольших ступ с изображениями Будды. Почва вокруг этих культовых сооружений многие столетия щедро сдобряется остатками от жертвоприношения — цветов и рисовых щавриков.

Особым почитанием на территории храмового комплекса пользуется священное Древо Мудрости, растущее к западу от Махабодхи. Его сородичи (научное название этого вида деревьев — «фикус священный») быстро разрастаются: отделяясь от ветвей центрального ствола, корни-жгуты достигают земли, легко укореняются в ней и образуют новые побеги... Посещая Бодх-Гая, буддийские миссионеры и паломники увозили с собой черенки Бодхидрумы в самые отдаленные уголки Азии. Сын императора Ашоки в 288 году до нашей эры завез священный фикус на остров Шри-Ланка и посадил в селении Анурадхапур, где, как утверждает местная традиция, он растет и по сей день. Когда в 1876 году буря в Бодх-Гая вырвала корни Древа Мудрости, из Анурадхапура привезли саженец и вырастили новое Древо Бодхи. А рядом поставили маленькую кумирню, — на том самом месте, где сидел бывший принц.

